

Латынина Юлия

Проповедник

Юлия Латынина

Проповедник

Глава первая

- Все, - сказал Филипп Деннер, - через два месяца эта планета превратится в ад. Через два месяца и три дня. Хоть часы ставь. .

И он в самом деле снял с полки электронный будильник и начал нажимать на кнопки, - впрочем, потому лишь, что будильник выключился вместе с электричеством час назад.

- За работу в аду, - сказал Антонио, - повышают жалованье.

Деннер поморщился. Филипп С. Деннер - исполнительный директор "Ангесо", и своим напоминанием о жалованье Антонио словно обварил его сердце кипятком.

Деннер воздел руки кверху и воскликнул:

- Международный арбитражный суд! "Харперс" просто дал сенатору Федерику Дейну вот такую взятку!

- А мы почему не дали взятки? - ледяным тоном спросил Антонио Серрини.

Я вынул из кармана фляжку местной просяной водки, взял три пластмассовых стаканчика и разлил по ним водку. Это было первый раз в жизни, чтоб я пил на службе, но ведь у всего должен быть первый раз...

Антонио вылил свой стаканчик в себя.

- Вы понимаете, - сказал я Деннеру, - что население страны голосовало не против Президента? Оно голосовало против "Анреко".

- Какого черта, - сказал Деннер, - мятежников поддерживает "Харперс".

- Против "Анреко", - повторил я, - и особенно против личного друга Президента господина Филиппа Деннера.

- Я вас уволю! - заорал Деннер. - Вы меня не уволите, - возразил я. - Вы не найдете на всей этой паршивой планете специалиста по связи, который делает так много работы за так мало денег.

- Мне плевать! - взвизгнул Деннер. - Вы мне надоели! Добиваетесь того, чтобы перебежать в "Харперс"? Только попробуйте! За первое же ваше изобретение там я предъявлю вам иск, что вы его сделали службе "Анреко".

- Добрый день, - сказал кто-то за нашими спинами.

Антонио и я обернулись. В приоткрытую дверь кабинета заглядывал человек лет пятидесяти, невысокий, с округлым румяным лицом и рыжими волосами. Глаза у него были большие, цвета сухой персиковой косточки. Приятные глаза. Одет в безупречный костюм, в руке - немного старомодный чемоданчик, через чемоданчик перекинут светло-зеленый плащ.

- Я бы, - сказал человек, - хотел видеть пресс-секретаря компании "Анреко" Эрика Байна.

Деннер хлопнул глазами. Раз и два.

- Это, - сказал Деннер, - кабинет исполнительного директора. К-кто вас сюда пустил? Где мои секретари?

- Вы кто, - спросил я, - журналист? С Земли?

Конечно, журналист, черт их побери! Корабль, который привез окончательное решение арбитражного суда, должен был привезти и целый выводок журналистов: страна будет подыхать, а они будут делать волнующие репортажи.

Кстати, в здание пускали только служащих компании.

Антонио встрепенулся:

- Слушайте, - сказал он человеку, - я вас видел на экране. Вы Арнольд ван Роширен.

Незнакомец кивнул. Деннер страдальчески крякнул. Я уже говорил: что бы Деннер ни увидел, его реакция проста: "А сколько это стоит компании?"

А Антонио засмеялся и сказал:

- Мистер ван Роширен, советую вам убираться с планеты этим же рейсом. На какой-нибудь курорт. И читать там свои проповеди по телевизору увядающим дамам. А то вы будете единственным телепроповедником, еще при жизни попавшим в ад. Потому что через два месяца это будет самое близкое к аду место.

- А зачем вы сюда пожаловали, мистер ван Роширен? - поинтересовался я.

- Привести, - ответил он, - враждующие стороны к согласию.

Мне показалось, что я ослышался. А Деннер спросил:

- Это во сколько же вы обошлись старому Гарфилду?

- Я, - осторожно ответил ван Роширен, - предлагал посредничество даром. Однако "Анреко" не пожелала принять подобной услуги от лица, не связанного с ней контрактом. Совет директоров испугался, что я буду независим.

- И какую же сумму вы запросили?

- Четыреста девятнадцать кредитов.

- Четыреста девятнадцать кредитов! Я вчера менял шины на пуленепробиваемые, и то заплатил восемьсот!

Деннер изумленно рассмеялся и сказал:

- Пожалуй, вы больше и не стоите.

Арнольд ван Роширен поклонился.

- Спаситель наш, - промолвил он, - стоил тридцать Серебренников, и на современные деньги это около четырехсот двадцати кредитов. Полагаю, что стою хотя бы на кредит дешевле.

И вышел.

Антонио покрутил пальцем у виска.

- Я всегда говорил, - сказал Деннер, - что нам надо было самим продавать оружие! Если бы мы продавали оружие хотя бы Президенту, то "Харперс" просто нечего было бы делать в этой стране!

Я поднялся и ушел в свой кабинет. Под его дверью уже лежали привезенные с Земли газеты недельной давности. Я разложил их на столе и стал смотреть с конца. Последняя газета была от семнадцатого числа. Арбитражный суд вынес свое решение четырнадцатого числа, и на роль новости его решение уже не годилось. Новостью был Арнольд ван Роширен. Журналисты взяли у него интервью, в котором он объяснил, что отправляется на Новую Андромеду, чтобы предотвратить гражданскую войну. "Это очень просто, - сказал проповедник, - Я хочу, чтобы Президент и полковник встретились друг с другом. Глядя друг другу в глаза, они осознают взаимные грехи и попросят друг у друга прощения. Господь принесет народу мир".

Где-то внизу слабо ухнуло, мигнул свет, и на корпусе служебного компьютера загорелась красная лампочка в знак того, что энергия идет не из сети, а из блока бесперебойного питания. Видимо, кто-то - Президент или полковник - согрешил еще раз.

Через три часа Антонио заглянул ко мне.

- Пошли, - сказал он, - я хочу напиться, а здесь нам вечно будут мешать.

Мы проверили пистолеты и пошли.

У стеклянных вращающихся дверей нас поджидали репортеры.

- Мистер Денисон, - сказал один из них, - ваши комментарии по поводу решения арбитражного суда.

Я высказал свои комментарии коротко и энергично.

- Ой, - сказал молоденький репортер, покраснев до ушей, - по трансвязи это не пропустят.

Я высказал ему мое сожаление - в тех же выражениях.

- Мистер Серрини, - спросил другой, - что вам известно об Арнольде ван Роширене? Это правда, что он нанят непосредственно вашим отделом? Вы рассчитываете, что его связи с оголтелыми правыми кругами могут образумить местную военщину?

Антонио сказал:

- Мой отдел занимается обеспечением безопасности служащих компании. Мой отдел не занимается Господом Богом. Я ничего не знаю о ван Роширене. Два года назад я где-то видел запись его проповеди. Он проповедовал слово Божие и любовь между людьми.

- Мне нужны новости, а не пропаганда, - возразил репортер.

- Что значит "пропаганда"? - справился Антонио Серрини.

- Отрицательная информация - это новости, положительная информация это пропаганда, - пояснил репортер.

- А ну катись отсюда! - сказал Антонио.

- А вам известно, - спросил с надеждой репортер, - скажем, чтобы он преследовал домогательствами своих прихожанок или присваивал пожертвования?

- Ничего такого я не слышал, - сказал Антонио.

На следующее утро по пути на работу я заехал в гостиницу, где остановился ван Роширен.

Гостиница стояла на малой базарной площади. Первый этаж был сделан из камня, остальные два - из дерева. Крыша, по местному обычаю, была сложена из деревянных плашек, крашенных под черепицу. По ту сторону площади стоял местный храм со статуей бога-привратника. Боевики Президента отбили богу голову и приставили сверху гипсовую голову Президента, Начиналась весенняя засуха, и все - гостиница, храм и пустая базарная площадь - было покрыто густым слоем пыли. Бог с головой Президента грустно глядел на запустение.

Я поднялся на третий этаж, перевернул табличку "Просьба не беспокоить", исполненную на асаисском и на английском. По-английски табличка была написана с одной ошибкой. По-асаисски ошибок было две. Я постучался. Мне никто не ответил, хотя в номере что-то бубнило. Я повернул ручку и вошел.

Ван Роширен стоял на коленях и говорил вполголоса. Собеседник его в древнеримских плавках висел перед ним на кресте в двух метрах от пола. Судя по безмятежному выражению на лице собеседника, я бы не сказал, что он слышит ван Роширена.

Я прошел в соседнюю комнату. По местным стандартам это был очень шикарный номер. С потолка, несколько напоминая соплю, свешивалась лампочка без абажура. В углу стояла кровать, круглый столик, два стула и тумбочка. Ящиков в тумбочке не было - они вывалились от старости, как зубы изо рта. За выцветшими занавесками красовалось пуленепробиваемое стекло с двумя аккуратными дырками посередине.

Усевшись на тумбочку, я стал ждать, пока ван Роширен закончит свое интервью с богом. Наконец он появился и, улыбаясь, сел к низенькому столику.

- Я правильно вчера понял, что вы " явились, чтобы предотвратить гражданскую войну? - спросил я.

- Да, - сказал он.

- Прекрасно. Значит, вы можете заставить этого дьявола полковника Идассу покаяться и распустить своих террористов? Или Д. Л. Адара - сложить с себя обязанности, гм... Президента? И руководство компании вы тоже можете обратить на путь истинный?

- Я - нет, - сказал он, - но Господь все может.

Встав, я поманил его к окну.

- Видите, торговая площадь. Но на ней ни души. Потому что три дня назад по указу Президента вон в том храме, напротив, спилили голову статуе предка полковника Идассы и пришили на ее место голову Президента. И завтра или послезавтра местные газетчики напишут о том, как гвардейцы Президента, вооруженные ружьями с серебряной насечкой и летающими кинжалами, украшенными изображением свернувшегося дракона, сидели там в ожидании людей полковника, который не мог, не теряя лица, проглотить такое оскорбление и прислал сюда своих людей, вооруженных пистолетами с рукоятками, украшенными узором из сплетенных ветвей и букв, и ножами с четырехгранным лезвием, блистающим, как новорожденное солнце.

- Через два месяца, - уверенно сказал проповедник, - они отбросят ножи и кинжалы.

- Несомненно, - ответил я, - потому что через два месяца законным президентом страны станет полковник Идасса. В президентский дворец его, конечно, никто не пустит, первым актом нового правительства будет отмена эмбарго на поставку современного оружия, и местные жители перестанут использовать кремневые ружья, блистающие серебряной насечкой, и ясеневые луки, обложенные черепаховыми щитками, станут использовать автоматы, гранатометы и военных советников. Ведь полковнику очень хочется в президентский дворец, а иначе, как с помощью гранатометов, он туда не попадет.

Ван Роширен кротко улыбнулся.

- Кстати, о богах, - продолжал я. - Полагаю, что на множество вещей террористы бы никогда не решились, если бы не бог, которого они носят в холщовых мешочках и которым они смазывают стрелы. Что же до гвардейцев Президента, то у них до сих пор в обычае присягать Президенту на воткнутом в песок священном мече его предков с рукоятью в форме креста, усыпанного отблесками небесного огня, и поэтому я полагаю, что ваша... гм... символика будет иметь у них большой успех.

- Каждый народ, - сказал ван Роширен, - знает бога. Андромедяне не исключение.

- Ну разумеется, - сказал я, - андромедяне отлично знают, что такое бог. Это такой раскрашенный чурбанчик, которому мажут губы медом, чтобы он послал много мяса. А если он посылает мало мяса, им топят печку.

- Что же, - сказал ван Роширен, - андромедяне имеют более достойное представление о боге, нежели вы.

Я промолчал и вытащил из сумки пластиковый пакет.

- Возьмите, - сказал я.

- Что это?

- Статьи о Новой Андромеде. Отчеты экспертов, опросы, тесты. Я не хочу сказать, что это секретный материал, но все-таки постарайтесь, чтобы его никто не видел, кроме вас.

Я вышел из комнаты, хлопнув дверь. Замечательно! Шестой год я выплачиваю деньги за бронированный автомобиль, который к тому же ест прорву бензина, эксперты исписали целые тома, председатель комиссии ООН по урегулированию кризисных ситуаций посещает Новую Андромеду каждые два года, миллионы кредитов ушли в эту пропасть... А теперь приезжает один блаженный и говорит: "Господь все поправит!".

Площадь перед гостиницей была все так же пуста и покрыта пылью. На соседнем перекрестке я проехал на красный свет. Под светофором скучал псоглавый бог войны, красноухий и с квадратными зрачками. В одной руке он держал желтое четырехгранное копье с боевым значком, свисающим до самой земли, а другая кончалась змеиной пастью. Это был бог весьма внушительного вида. Я подумал, что если уж верить, то лучше уж верить в такого, чем в того, в венце из античной колючей проволоки.

Первые сотрудники уже начали скрестись в дверь, секретарша внесла поднос с кофе - началось очередное совещание по поводу "Павиана".

Асаиссцы изображают в виде четырехрукого павиана бога-сторожа. Вообще-то этого бога зовут Шек, но так как имя его - табу, то все называют его просто богом-павианом. Этот бог сторожит все, что угодно, - договоры, курятники, президентов, странствующих скоморохов, - стоит только налить ему в блюдечко кислого молока. Я бы на месте здешних богов давно

подход от такого малого жалования.

Итак, бога-сторожа зовут павианом, и когда мой отдел стал делать на случай войны информационную сеть, выполняющую роль универсального сторожа, мы назвали эту сеть "Павианом".

Перед компанией стояла нелегкая задача. Во-первых, мы желали остаться нейтральными в этой войне. Во-вторых, мы желали дать ясно понять, что нападение на фермы и земли, принадлежащие компании, повлечет за собой неотвратимое возмездие. Нам было заранее ясно, что на земли и на фермы будут нападать, потому что такие вещи зависят не от запретов полковника или Президента, а от того, сколько просяной водки выпил начальник отряда на завтрак. Фермы были разбросаны по всей стране, и у нас, конечно, не было возможности поставить возле каждой вооруженную заставу.

Мы разработали безотказную систему космической связи и установили на фермах соответствующую аппаратуру. По вполне понятным соображениям секретности я не собираюсь рассказывать о том, как "Павиан" был устроен. Достаточно сказать, что мы ручались, что с момента нападения на ферму "Павиан" начнет передавать информацию о всем совершающемся и каждый участник нападения унесет на себе характерную радиоактивную метку, а это позволит небольшому, но отлично подготовленному боевому отряду настичь бандитов в любом месте и устроить им хорошее "угощение". Впрочем, такие системы - не новость, и главная трудность не в том, чтобы пометить нарушителя, а в том, чтобы не поднять тревогу по поводу лоса или стаи синиц, случайно залетевших на охраняемый участок.

Мы ручались, что "Павиана" будет так же трудно обмануть или отключить, как и его небесного двойника. Покамест "Павиан" работал и как очень надежная система связи.

Я был не очень доволен "Павианом". Хорошая информационная сеть делается стандартно выполненными деталями и нестандартно мыслящими инженерами. У меня было такое ощущение, что с "Павианом" дело обстояло абсолютно наоборот. Я точно знал, что с него можно снять много стружки, но как только я начинал снимать эту стружку, я задевал сонную артерию.

Если бы Деннер об этом знал, он проел бы мою печенку, и поэтому я молчал обо всем и писал хвалебные отчеты.

Совещание закончилось в десять. Поднялся на шестнадцатый этаж и толкнул серую дверь с табличкой: "А. Дж. Серрини. Отдел безопасности".

Здание компании - единственное шестнадцатизэтажное здание во всей столице. Когда его строили, отец Президента выразил опасение, не про-, ткнут ли чужеземцы небо, но губернатор столицы, знавший грамоту, успокоил его, сказав, что мы просто хотим быть поближе к Земле. Губернатору за удачное объяснение подарили наручные часики.

Я подошел к широкому окну. Утреннее солнце сверкало над розовыми облаками, как вечная фотовспышка; внизу расстилались белые одноэтажные домики с плоскими крышами. На улицах копошился народ, владельцы грузовых автомобилей переругивались с осликами. В зеленых садах женщины развешивали белье или сажали в дворовые печи тесто. Далеко на солнце блестела река, и у берегов, по шею в воде, теснились коровы и овцы, спасаясь от проворных весенних слепней. На другом берегу начинались ровные белые трехэтажные домики - деревня, где жили служащие компании.

Антонио сидел в кресле, задрал ноги на подоконник, и орал в телефонную трубку:

- Можно проехать?! На танке?! Только на танке или хоть на танке? Ах, только на танке!

Он сделал мне знак сесть и ткнул пальцем в ворох пестрых диаграмм на столе.

Я спросил:

- Ты слышал, что вчера спросил репортер? Он спросил: "Правда ли, мистер Денисон, что вы станете заместителем министра связи?"

Антонио уперся в меня своими глазами цвета автомобильной покрышки, и спросил:

- А ты не хочешь? Почему?

- Жалованье маленькое.

- Жалованье маленькое, а взятки большие, - возразил Антонио.

- Это Деннер, - сказал я, - он хочет меня съесть.

- Все хотят съесть друг друга. Ну и что?

- Чем выше взбирается обезьяна, тем видней ее зад, - сказал я.

Серрини промолчал.

- Ко мне опять приходил человек из "Харперса", - сказал я. Предлагал перейти к ним.

- Старый Гарфилд никогда не выгонит Деннера, - сказал Серрини. Президент обидится. А чего хочет Деннер, ты знаешь.

Я пожал плечами и положил ему на стол утреннюю газету.

- Так кто будет платить апостолу за бензин? - спросил я.

- Понятия не имею. Я вчера задал ему тот же вопрос. Он сослался на птиц небесных, которые не сеют и не жнут, а Бог одевает их красивей, чем девиц из ночных кабаре. Завтра он устраивает пресс-конференцию во славу Божию и проповедь. По-видимому, считает, что этого будет достаточно, чтобы поехать по стране.

- Других денег у него нет? - уточнил я.

- Были, друг мой, были! Как раз за день до отлета "Сириуса" он получил чек на сто тысяч кредитов и переслал его в лечебницу для слепо-глухих. Потом включил телевизор - услышал про арбитражный суд и признание мятежников законным правительством. Это его сильно поразило. Он поговорил об этом с Господом, и Господь посоветовал ему купить билет на "Сириус". Так как денег на билет у него не было, то он отправился в "Анреко", добрался каким-то образом до старика Гарфилда, получил билет и контракт - и вот он здесь. Старый Гарфилд, - сказал Антонио, - наверно, совсем выжил из ума.

- Не думаю, - сказал я. - Я догадываюсь, что он имел в виду.

Антонио поглядел на меня с интересом.

- У туземцев другая психология, - сказал я. - В конце концов, это просто невежественные крестьяне, вроде тех, что жили в отсталой Га-лилее. К тому же нельзя не учитывать, что когда-то идеология мятежников была, ну, немного похожа. Возможно, что полковник захочет встретиться с ван Роширеном и попытается его использовать. Почему бы нам не навестить полковника по следу ван Роширена? Я не говорю, что это произойдет, но ведь полковник непредсказуемый человек.

- Так что ты предлагаешь? - уточнил Антонио.

- Не стоит бросать ван Роширена на произвол судьбы. Наоборот, мы должны его опекать. Познакомить его с местными чиновниками. Обед с министром связи, обед с министром финансов. После этого его начнут приглашать наперебой. Все станут думать: "Этот человек бывает здесь, бывает там, несомненно, у него есть влияние и связи. Человек может позволить себе говорить такую чепуху, только если за ним стоят влиятельные политические силы". Полковник на это клюнет.

Антонио задумчиво кивнул.

- Старик Гарфилд наверняка именно это и имел в виду, посылая ван Роширена на Андромеду, - сказал я.

- Хорошо, - сказал Антонио, - назовем эту операцию: "Посредник".

Не подумайте, что я по совместительству работаю в секретном отделе. У шпионов - своя работа, у меня - своя. Но если ты специалист по информационным системам, то в такой крошечной стране, как Асаисса, тебе рано или поздно придется иметь дело с информационными системами определенного сорта.

Кроме того, как раз тогда, когда я прилетел на Новую Андромеду, а было это лет десять назад, у местных чиновников вошло в обычай монтировать на своих фермах системы слежения - контрабандные, разумеется. Обо мне пошел слух, как о хорошем человеке, и меня возили по ночам с завязанными глазами в неизвестном направлении, и после каждой такой поездки на мой счет в банке было приятно глядеть.

В конце концов, как и следовало ожидать, я угодил в переделку, а переделка угодила на первые полосы газет. Когда все закончилось, Антонио Серрини сказал так: "Есть две полезные категории людей: те, которые умеют стрелять, и те, которые умеют думать. Множество людей не принадлежат ни к той, ни к другой полезной категории, и очень немногие принадлежат сразу к обеим. Мне очень приятно, что вы принадлежите к числу этих немногих".

Что касается Филиппа Деннера, который тогда был еще вице-директором, то он вызвал меня к себе и очень долго объяснял, что не все те, кто отрекомендовался чиновником Президента и возил меня с завязанными глазами устанавливать системы слежения, на самом деле люди Президента. Он объяснил, что некоторые из них были террористами. Можете себе представить, как я был поражен! Я рассыпался в благодарностях и сказал, что он открыл мне глаза.

Отдел безопасности замаял мою роль в этой истории, и я остался ему весьма обязанным.

Через пять лет мой шеф улетел на Землю, и я стал начальником отдела информационных систем, не без помощи Серрини. Словом, вышло так, что я знаю меньше, чем шпион, и больше, чем обыкновенный служащий.

К концу рабочего дня Тони известил меня, что вице-префект столицы будет рад видеть господина ван Роширена на завтрашнем приеме. Я хотел было позвонить ван Роширену, но... Помните, вчера включался блок аварийного питания? Это взорвали районную телефонную станцию.

Я проверил револьвер и отправился в гостиницу на машине. Над столицей висели облака, плоские, как шутки начальства, под ними шлялся военный вертолет персикового цвета, и где-то в туземных кварталах далеко и безутешно, как дешевый игольчатый принтер, трещал автомат.

Хозяин гостиницы так озадаченно глядел на деревянную лестницу с истертым ковром, словно она вела не на второй этаж, а на второе небо.

- Вы к проповеднику? - спросил он.

- Да.

- А с ним ученики. Шесть штук.

Я насторожился. Я сегодня видел контракт, и про учеников в контракте ничего не было.

Метрах в десяти от двери ван Роширена я услышал незнакомый звук. Не люблю незнакомые звуки - у меня плохие нервы. Я вытащил из кармана револьвер, снял предохранитель. Затем повернул ручку двери и вошел без стука.

В спальне было трое учеников. Двое из них, сложив руки, беседовали с Господом. Третий, судя по физиономии, с планеты Ригель, сидел, подвернув под себя хвост и вытянув уши, и издавал тот самый звук, который я слышал в коридоре. Видимо, он тоже молился. Четвертый... Я вспомнил озадаченную физиономию хозяина и все понял. Сунул револьвер в карман. Из-за соседней двери высунулся ван Роширен и поманил меня пальцем.

Мы уселись у низенького столика под распятием. Я повернул свой стул так, чтобы сидеть спиной к этому, в полотенце. Я рассказал ван Роширену про прием у префекта, и он воспринял это как должное. Потом застенчиво сказал:

- Вы не могли бы мне обрисовать местное положение подробнее? Что же все-таки произойдет через два месяца?

Если учесть, что его послал на планету сам Господь Бог, это заявление выглядело несколько странно. Если Господь так халтурно разъясняет своим агентам полевую обстановку, то немудрено, что они всегда с треском заваливали работу.

- Через два месяца, - сказал я, - полковник Идасса будет официально признан главой правительства, якобы выигравшего полгода назад законные демократические выборы. При этом, по давнему требованию террористов, Асаисса получит статус свободной торговой зоны. Это значит, что туземцы, которые до сих пор выясняли отношения в основном с помощью отравленных стрел и кремневых ружей, станут официально выяснять отношения с помощью гранатометов. В природных условиях Асаиссы это обрекает их на гибель не только от оружия, но и от голода.

Я замолчал, и тут, как на грех, с окраины города донеслась автоматная очередь. Зазвенели стекла.

- Да, - сказал ван Роширен, - удивительными стрелами пользуются ваши туземцы. Это что - гуделка при стреле?

В спальню, мягко ступая, вошел огромный, медвежьего вида парень с широкими скулами и тонкими пальцами пианиста. Он выглядел в точности как помесь орангутана и громилы. Если бы я служил в местной полиции, то немедленно арестовал его по подозрению в грабеже банка.

Детина отчаянно взглянул на ван Роширена, вздохнул и бережно вынул из-под куртки короткую "Беретту". Автомат был украшен красивой серебряной насечкой. Насечка, конечно, "местного производства". Все остальное приехало с Земли.

- Денис, - сказал ван Роширен укоризненным тоном, - пошел за зубной щеткой, а купил вот это! Прямо на главной улице, в полукилометре отсюда.

Я подошел к окну и поманил верзилу Дениса пальчиком.

- Денис, - сказал я, - когда у вас кончатся патроны, не ходите так далеко за новыми. Видите лавочку напротив, да-да, с надписью "Рыба"? Спросите рыбьей икры, и вам продадут очень хорошие патроны, причем за полцены.

- Значит, - сказал ван Роширен, - с запретом не считаются? Почему?

- Потому что в местных условиях тот, кто вооружен, живет дольше того, кто не вооружен. И эта простая истина одерживает убедительную победу над человеколюбивыми намерениями законодателей.

- Но все же, - сказал ван Роширен, - большинство местных жителей не имеет автоматов.

- Большинство местных жителей питается просяной кашей без масла. Один автомат стоит столько же, сколько пятилетняя норма просяной каши без масла.

- Тогда что же изменится, когда снимут запрет на торговлю? Разве у бедняков найдутся деньги, чтобы купить себе жизнь? Разве жизнь не останется, как и всегда, привилегией богатых?

- Да, - сказал я, - жизнь останется привилегией богатых. Но каждый бедняк получит возможность записаться либо в армию Президента, либо в армию Полковника, либо в охрану одного из местных князей. Ему выдадут автомат, конечно, не просто так, а в обмен... А что может предложить туземец-бедняк в обмен? Только свою землю и свою свободу.

Ван Роширен моргал.

- Такие договоры уже заключаются, - пояснил я. - За автомат человек продает в рабство себя и семью. Если он отдает еще и землю, к договору приписывают условие, что господин будет жаловать ему тысячу патронов в год... Отчего, думаете, так выросло могущество князей? Люди меняют свободу на покровительство и безопасность. Но все это незаконные договоры. После отмены эмбарго они станут законными.

Ван Роширен скорбно молчал. Потом он спросил:

- А заключает ли такие договоры компания?

- Вы с ума сошли! Это был бы скандал.

- А после отмены эмбарго компания сможет заключать такие договоры?

- Да, - сказал я. - После отмены эмбарго компания сможет заключать такие договоры.

- Итак, - подытожил ван Роширен, - сейчас вы не можете купить земли крестьян, потому что вам их не продают. Через два года после отмены эмбарго у вас будет больше земли, чем у всех князей и у семьи Президента, вместе взятых и притом у вас будут работники, приписанные к этой земле?

- Я этого не говорил, - возразил я.

- Это я вам говорю! - сказал ван Роширен.

Я невозмутимо улыбнулся. Ван Роширен, разумеется, прав. Это было то, чего хотел Деннер и за что я ненавидел Деннера. Четыре месяца назад, когда комиссия Федерика Дейна прилетала на Новую Андромеду, "Хар-перс" дал комиссии взятку. Деннер взятки не дал. А деньги, отпущенные на взятку, положил в свой карман. Но он не дал взятки не оттого, что ему

было жаль денег. Он не дал взятки оттого, что ему хотелось иметь в своей руке больше земель, чем всем князьям и семье Президента, вместе взятым.

- Чушь, - сказал я. - Это невыгодно компании.

- Разве выгодно было, - возразил ван Роширен, - фараону противиться Моисею? Но Господь ожесточил сердце фараона, и тот забыл о выгоде там, где речь шла о власти.

Ван Роширен повернулся и пошел вон из спальни. Верзила Денис задержался на мгновение, чтобы забрать свой автомат.

- Эй, - спросил я, - а чем вы занимались, пока не стали учеником ван Роширена?

- Я грабил банки, - застенчиво сказал громила, облапил свой автомат и был таков.

Внизу хозяин гостиницы клевал носом над конторкой. Я разбудил его:

- А что вас давеча так поразило? Помните, вы смотрели на лестницу так, словно ее бесплатно покрыли циновкой из радуги?

Хозяин пугливо осмотрелся.

- Видите ли... мне показалось... в общем, когда этот ван Роширен шел по лестнице, мне показалось, что следом за ним идут лев и ягненок. Сначала ягненок, а потом лев. Или нет, сначала лев, а потом... - хозяин запутался и повесил голову.

Я потрепал его по плечу.

- Вам не показалось. Лев - это ригелианин. А ягненок был с планеты Дикси. Когда они будут спускаться по лестнице, вы сразу увидите, что спереди он не очень-то похож на ягненка.

Хозяин вздохнул.

Доехав домой, я позвонил Тони. "Павиан" работал безотказно.

- Кто такой Денис Лиммерти? - спросил я. - Водительское удостоверение номер 2364 РОО 976Т1.

Было слышно, как Тони шарит ни клавиатуре служебного компьютера.

- Уроженец Новой Филадельфии, - сказал он, - холост, сорок три года, трижды судим и помечен в картотеке как искусный грабитель. Арестовывался по подозрению в ограблении "Ройял Мей Бэнк", но полиция так ничего и не доказала. Между прочим, ограбление века. А что?

- Ничего, но этот человек приехал к нам как ученик ван Роширена. Превратился из Савла в Павла. Но все же...

- Но все же, - сказал Тони, - я с подобающим уважением отнесусь к тому факту, что на нашей скромной планете появился один из самых известных в Галактике преступников.

После этого разговора у меня на душе как-то полегчало. Признаться, мне было бы жаль, если б этого телевизионного дурачка ван Роширена пристрелили в первом же переулке. Но если у него в учениках Денис Лиммерти, то, пожалуй, дела обстоят не так уж плохо.

"Павиан" затрещал опять. Я снял трубку. Это снова был Тони.

- Алло, - сказал он, - я забыл сказать, что мне сегодня звонил по транссвязи старый Гарфилд.

Просил оказать всевозможную поддержку ван Роширену и объяснил, почему он послал его на Новую Андромеду.

- Ага, - сказал я, - я был прав!

- Старик, - продолжал Тони, - измучился ночью, думая о будущем компании, и заснул только под утро. Утром ему во сне явился курьер с крыльями за спиной и сообщил, что первый же посетитель, которого он найдет утром у кабинета, разрешит все его проблемы. Он проснулся и позвонил секретарше, - и первым посетителем был ван Роширен. Как известно, хмыкнул Тони, - ему явился этот же крылатый курьер.

- Старик Гарфилд всегда любил розыгрыш, - сказал я.

Тони помолчал, а потом промолвил:

- Я тоже так думаю. Кстати, Гарфилд знал ван Роширена как преуспевающего бизнесмена.

- И что же с ним случилось? - изумился я. - Раскаялся? Попал за решетку?

- Ничуть. Оказывается, ван Роширен с детства хотел служить Богу, но отец сказал ему: "Сначала докажи мне, что ты человек, а не неудачник, который ни на что не способен, кроме как молиться". Ван Роширен не стал противиться воле отца и к тридцати годам сколотил прекрасное состояние. Отец уже радовался, что его сын забыл о старых глупостях. Вдруг сын прилетает с отчетами и бумагами, говорит: "Я выполнил твое пожелание", ликвидирует дело и постригается в ближайшем монастыре.

- Так он еще и монах?

- Францисканец.

Год на Новой Андромеде продолжается десять месяцев, в каждом месяце тридцать шесть дней, или три дюжины дней; первая дюжина посвящена двенадцати старшим богам, вторая дюжина посвящена двенадцати младшим богам и третья дюжина посвящена царям.

Когда Филипп Денвер сказал "Два месяца и три дня", он имел в виду местные месяцы.

Стало быть, до последнего срока оставалось семьдесят пять дней.

Глава вторая

На следующий день я повез ван Роширена на прием к вице-префекту столицы князю Санны.

Хозяин дома в детстве был чесальщиком шерсти, но разбогател и, когда нынешний Президент воевал со своим дедом, оказал ему изрядную услугу. На востоке страны есть город Санна. Этот город захватили три тысячи наемников, нанятых горожанами для охраны, но, ограбив дома и не будучи сведущи в науке управления, "охранники" искали, кому его продать. Хозяин купил город, но потом, видя, что Президент усиливается, подарил его Президенту и был сделан князем над Санной. Впоследствии, не столько из недоверия, сколько из предосторожности, Президент отозвал его в столицу и поручал ему разные важные посты.

Между прочим, старый князь был тестем Ральфа Пешиэры. Тот был два года назад моим непосредственным начальником, а теперь я сидел на его месте, а Пешиэра был заместителем министра связи и сообщений.

Тут надо пояснить, что именно значит "заместитель министра". По новой конституции Президент назначает министрами только коренных асаисцев. Президент полагает, что

важнее иметь министром человека преданного, чем человека, подходящего к должности. То ли он считает, что образованный не может быть преданным слугой режима, то ли надеется, что невежество выгодно оттенит его собственный ум... Как следствие местные министры не знают латинского алфавита. Их заместители - всегда земляне и служащие компании. Газетчики называют это теневой оккупацией и пишут, что министры не меняют ни одной запятой в докладах, представленных заместителями. Они не уточняют, что Президенту было бы нетрудно избавиться от теневой оккупации, назначая в министры людей, сведущих в запятых и латинском алфавите.

Говорят, что бывший министр просвещения до конца жизни не мог поверить, что Земля - другая планета: что за несерьезное государство в небесах?

Я взбежал на второй этаж гостиницы, свернул в коридор и остановился как вкопанный. Ван Роширен стоял на пороге комнаты, прощаясь со своим собеседником. Это был туземец лет примерно двадцати пяти, с нежным, почти девичьим лицом и глазами цвета ежевики, в зеленых штанах и кожаной куртке. У меня безошибочная память на лица, и я сразу узнал этого молодого человека. Его фотографии были во всех газетах после того, как он со своими людьми расстрелял в упор предыдущего федерального судью.

Я отошел за уголок лестницы и стал ждать. Я ждал довольно долго. Наконец ван Роширен положил молодому человеку руку на голову и благословил его. Тот согнулся, стал на колени и поцеловал проповеднику его хорошо вычищенные ботинки из крокодильей кожи, потом встал и сбежал мимо меня вниз по лестнице. Глаза у него светились. Мне показалось, что я что-то упустил в жизни.

Ван Роширен вернулся в свой номер. Я постучался и вошел вслед за ним.

- Как вам это удалось? - спросил я.

Проповедник хитро улыбнулся.

- Ну, - сказал он, - если Господь требует от меня сделать эту работу, то, уж верно, он даст мне силы и средства, чтобы ее сделать. Ночью я просил Господа, чтобы он указал мне дорогу к мятежникам, и Господь ответил: спустись на второй этаж, постучись в номер двести седьмой и там ты найдешь человека, которого мятежники отрядили следить за тобой. Я спустился туда и сказал: "Вас послали следить за мной, почему бы нам не поговорить". Тот ответил: "Знать ничего не знаю". А я: "И к тому же вы третью ночь не можете уснуть. Спи спокойно, а завтра поднимайтесь ко мне в номер". Я ушел, и он, оказывается, действительно уснул. А час назад постучался в мою дверь, и мы долго говорили.

- Как просто, - сказал я.

- Бог познается по простоте употребляемых им средств, - ответил ван Роширен.

Он сел в машину, и мы поехали. С нами был Денис Лиммерти, а с Лиммерти - автомат.

Прием был, как всегда, великолепен. Старый князь тряс головой, сидя в кресле на колесиках. Центральная зала сверкала мрамором и хрустальным светом, вышколенные слуги неслышно сновали по паркету, предлагая еду и напитки, прелестная восемнадцатилетняя наложница князя порхала туда и сюда, расточая ослепительные улыбки. Более всего она улыбалась новому дворецкому, бравому молодцу лет двадцати в штанах невиданной расцветки, стоявшему у хозяйского кресла.

- Третий дворецкий за семь месяцев, - сказал Клара Аннели, жадно глядя на дворецкого, - она меняет их быстрее, чем Президент - министров.

Дворецкий услышал и гордо зашевелился в своих штанах.

Это был приятный прием, из тех, где встречаешь множество знакомых и решаешь множество дел. Любители многочасовых парламентских обсуждений никогда бы не поверили, с какой легкостью в порядке личного одолжения устраняются тут трудности, совершенно, казалось бы, неразрешимые.

У меня были свои заботы, и я переходил от одной группы к другой, совершенно потеряв ван Роширена из виду. Я оглянулся - он мелькнул в дальнем конце анфилады с вице-префектом столичной полиции. Вдохнув, я поднялся на второй этаж. Мраморные крылатые гении, сгибаясь от тяжести, несли вверх по лестнице золоченые корзины с фруктами. Из стеклянных фруктов били сверкая электрические огни.

Внизу, на мощеном дворике, ведущем в сад, вновь мелькнул вице-префект полиции, на сей раз без ван Роширена. Этот человек был мне нужен; я сбежал вниз по лестнице и пошел через голубую гостиную в сад.

Посреди голубой гостиной стояла серебряная статуя Господа Истины с топором в руках, ибо истина убивает. Под сенью Истины на бархатной кушетке сидел Реджинальд Мейси, один из старейших служащих компании. Он еще помнил те славные времена, когда компания не покупала конкурентов, а расстреливала их из автоматов. Мейси был совершенно пьян.

- А, это вы, Денисон, - сказал он, - а где ваша жена?

- Осталась дома с ребенком.

- А, да-да, вы привезли какого-то странного проповедника.

Я промолчал.

- Твари, - сказал Мейси, - грязные твари! Мы сели в лужу с нашим гуманизмом, сели в грязную лужу! Ни одного туземца нельзя было допускать к власти! Выкинуть всех и заменить землянами! Только так можно было вычистить эту страну!

Мейси орал. Глаза его налились кровью. Богиня Истины испуганно жалась к стенке, сжимая серебряными ручками топор. Я сказал:

- Вы пьяны, Мейси. Езжайте домой.

- Твари, - повторил Мейси.

Вице-префект по-прежнему стоял на мощеном дворике. В дни, когда Президент воевал со своим дедом, этот человек с двумя своими товарищами был вожаком народа в городе Синие Ключи, а проще говоря, погромщиком, ибо в те дни в Синих Ключах чернь громила дома богатых и сильных не столько ради учреждения свободы, сколько в надежде на то, что изобилие преступлений превратит их, как это обычно бывает, в доблестные дела или, по крайней мере, обеспечит безопасность зачинщиков. Эти трое завладели городом и даже издали закон, по которому никто не смел отказывать бедняку в ссуде и принуждать его платить долги; но по прошествии двух месяцев Идар Хас, более прозорливый, чем его товарищи, договорился с проходившим мимо войском Президента и передал ему город. А тех двух глупцов постигла та же судьба, что и истребленных ими торговцев.

Сейчас Идар Хас, вице-префект столичной полиции, стоял в мощеном мраморном дворике, грыз орешки в позолоченных скорлупках и кормил ими ручную белку. Он обрадовался, увидев меня.

- Да, насчет Ирвинга Мелла... - начал он.

- Оставьте этого человека, - сказал я по-асаисски, - ведь его племянница - моя золовка.

Я как раз представлял ван Роширена старому князю, когда кто-то толкнул меня в бок.

- А! Господин колонизатор и господин миссионер! Вы, кажется, возвращаетесь к методам шестнадцатого века: сначала отбираете нашу землю, а потом и наших богов?

Я оглянулся и узнал в говорившем сына Идара Хаса. Земляне и туземцы прекрасно находят общий язык - все, кроме тех, кто побывал в Гарварде и выучился там словам "неоколониализм", "народное самосознание" и "национально-освободительная борьба". Обычно это сыновья крупных чиновников. Чуждые грабежу и прочим видам предпринимательства, они проводят жизнь, сочиняя националистические памфлеты на безупречном английском языке, так как это единственный язык, который согласны признать общим бесчисленные враждующие племена страны. Служить они не служат, считая ниже своего достоинства заниматься работой на благо марионеточного правительства; среди террористов их тоже нет, потому что там стреляют, а на приемах они время от времени попадают.

Впрочем, есть и другие люди, которые имеют на нас зуб. Терпеть не может землян майор Ишеддар, начальник охраны Президента, и говорят, что племянник полковника, Ласси Красивые Глаза, ненавидит "Анреко" больше, чем законное правительство.

Я оставил ван Роширена спорить с молодым патриотом и прошмыгнул в соседнюю комнату. С золоченого потолка свисали гроздь мраморного винограда. Длинные шелковые флаги с надписями в честь господина Президента свисали до самого пола. Посреди комнаты бил вверх прозрачно-черный фонтан. От бурлящей жидкости пьянюще пахло смолой и медом. У фонтана, макая в него кружку, стоял человек с белой карточкой на груди - репортер с Земли.

- Из чего это? - спросил он.

- Местный напиток, - сказал я. - Очищают бананы, толкут их и ждут, пока они не начнут бродить. Потом добавляют меда и немного смолы и гвоздики для запаха и держат все в темном месте. Не пейте больше двух кружек.

- Монополия, - сказал журналист, - это нехорошо. Почему здесь всем распоряжается одна компания?

- Потому что, - сказал я, - об этом просило правительство. Потому что когда земляне впервые появились здесь век назад, это были либо разбойники, которые прилетали в деревню, вооруженные до зубов, забирали урожай вирилеи и меха и скрывались, либо полуразбойники, которые меняли меха и ягоды на оружие. А когда появлялись честные люди и просили патенты на торговлю в столице, их тут же прижимали чиновники. Только большие, хорошо организованные компании оказались достаточно могущественными, чтобы положить конец и пиратству землян, и вымогательству чиновников. В конце концов вышло так, что "Вестерн Линк" и "Анреко" слились в одну компанию.

- Значит, - сказал он, - вы положили конец взяткам и грабежу?

- Разумеется, - сказал я, - мы положили конец взяткам и грабежу.

Я вернулся в центральную залу. Там рядом с ван Роширеном стоял Джон Бельяш, владелец популярного третьего канала телевидения, большой любитель брюха и того, что под брюхом. По правую руку Бельяша прыгала девица, которую он, очевидно, обещал сделать телезвездой.

- Наши зрители, - говорил Бельяш, - имеют разносторонние духовные запросы, и мы

неравнодушны к тайнам Вселенной. У нас каждый день есть минутка астролога, и в прошлую среду мы показывали передачу о горных целителях с Синеи Гряды. Оказывается, они черпают энергию непосредственно из космической праны. Очень поучительно.

Я вернулся к господину князю. Тот сидел в своем кресле и жевал кусочек пледа.

- Мои друзья, - сказал князь, - чувствуют себя неудобно в своем новом доме. Они купили собаку. Не могли бы вы научить ее лаять?

Он выпростал из-под пледа руку, в ней была толстая пачка кредиток. Я пересчитал их.

- Ваши друзья? - спросил я.

- У меня много друзей, - сказал старый туземец.

- В прошлый раз от ваших друзей пахло "козьей головкой".

"Козья головка" - благовоние, которое курят в храмах мятежников, Человек, от которого пахнет козьей головкой, всегда будет иметь неприятности, если попадетс я гвардейцам.

Вице-префект столицы вздохнул и вытащил из-под пледа еще одну пачку. Я запихнул обе пачки в карман и сказал:

- Завтра в три дня. Где обычно. Я вышел в сад - дивно благоухали травы, шелестела листва, и сквозь серебристое озеро пролегла лунная дорожка, прямая, как посадочная полоса. У мраморной кромки озера маялся Денис Лиммерти, раскаявшийся громила.

- Ну что, нагляделись на здешнюю публику? - спросил я. - Неужели вы верите, что из вашей затеи что-нибудь выйдет?

- Иисус пришел, - сказал Лиммерти, - чтобы спасти грешников, а не праведников. Уж наверное, господин Президент - великий грешник.

Лиммерти ушел, а я остался сидеть у пруда с мраморной кромкой и лунной дорожкой.

- Здравствуйте, господин Денисон!

Я обернулся. Это был представитель "Харперс ЛТД".

- Не собираетесь уезжать из Асаиссы?

"Анреко" обвиняют в том, что она скупила половину Асаиссы. Никто не обвиняет "Харперс" в том, что она скупила половину всей Новой Андромеды. Просто за обвинения в адрес "Анреко" платит "Харперс". Три года назад "Харперс" хотела купить "Анреко", но старый Гарфилд выскочил из соковыжималки.

У "Харперс" отличное лобби в Совете Федерации, и поэтому, когда подвернулась эта история с выборами, на которых, по мнению независимых наблюдателей, якобы выиграл полковник, "Харперс" поддержала апелляцию и добилась этого дикого решения арбитражного суда. Подумать только! Признать законченного террориста главой законного правительства только оттого, что грязные батраки голосовали за него, а не за Президента!

Впрочем, "Харперс" не помогает террористам. Это слишком опасное и дорогое занятие. Им достаточно, если в стране воцарится хаос и "Анреко" не сможет быть их конкурентом в экспорте вирилеи.

- Нет, - сказал я, - я не собираюсь уезжать.

- У вас, я слышал, нелюбовь с Филиппом Деннером.

Я помолчал.

- Сколько бы вы хотели получать?

- Не хотел бы обездоливать "Харперс", - сказал я, - вы столько денег тратите на поддержку террористов, что для приличных людей не останется.

Мой собеседник выудил из кармана записную книжку, вырвал из нее листок, написал на нем сумму и протянул мне. Я запустил туда глаза.

- Это вдвое больше, - сказал он, - чем вы получаете в "Анреко".

- Главные деньги я получаю от своей фермы, - сказал я.

- Мы тоже выращиваем вирилею.

- Пытаетесь, - сказал я, - ваши кривые деревья не стоят ни гроша.

- Через три месяца, - возразил мой собеседник, - наши кривые деревья будут стоить дороже ваших сожженных пеньков.

- Идите к черту, - сказал я.

Он встал и забрал у меня листок.

- Когда-нибудь Деннер вам насолит так, что захочется отомстить. Мы всегда вам будем рады. Если вы захватите с собой разработки "Павиана" и кое-какие документы, то получите втрое больше.

Он помахал листком и пропал среди деревьев.

Вскоре после прибытия землян один придворный доложил царю: "Короли женаты на убийстве, князья - на непокорстве, судьи - на подкупе, шпионы на лживости, купцы женаты на мошенничестве, крестьяне - на невежестве, а земляне - на алчности". Как видите, мы с самого начала вполне вписались в существующее социальное устройство.

Ван Роширен имел большой успех. Бельяш обещал показать его проповедь по телевидению, сразу вслед за передачей о парапсихологии и телекинезе, и сам Идар Хас вдруг пригласил его на обед. Я вел машину, а он раскрыл визитницу и аккуратно сажал в гнезда визитные карточки. Сзади копошился Джек Лиммерти. Ван Роширен покончил с визитками и спросил:

- А вы не могли бы мне рассказать историю спора?

- Что? - спросил я.

- Ну, исторические корни конфликта, - застенчиво пояснил проповедник.

Он явно не умел обращаться с такими словами, и это мне понравилось.

- Исторические корни? - сказал я. - Представьте себе, что вы вошли пьяный в кабачок, а там сидит другой пьяный. Ему не понравилась ваша морда, и он дал вам по морде, которая ему не понравилась. После этого половина кабачка стала драться за вас, а другая половина - за этого пьяного. Где тут исторические корни?

- Думаю, - сказал осторожно ван Роширен, что когда борьбу, уносящую сотни жизней и имеющую тысячи мучеников-, сравнивают с пьяной дракой, это унижает достоинство народа.

Я молча проглотил это и начал:

- Как вы знаете, - сказал я, - Асаисса фактически изолирована от остальных стран Новой Андромеды. На западе она выходит к океану, а восток и юг занимают пустыня и горы, Пустыня эта понемногу наступает. Остается сорок тысяч квадратных километров, на которых сотни лет жили разные племена, разводили лошадей и резали друг Другу головы, а в долинах возделывали просо и вирилею. Климат в долинах уникальный, больше нигде на Андромеде вирилея не растет. Купцы из соседних стран всегда приплывали сюда за вирилеей, хотя, конечно, она стоила не так дорого, как сейчас.

Триста лет назад один из местных царей объединил большинство племен под своей властью и основал династию Дассов. Он построил в стране дороги, чтобы быстрее рассылать войска и приказы, ввел единую монету, упорядочил налогообложение и прочее, и прочее, за что прогрессивные журналисты величают его деспотом.

- Хотя, конечно, - прибавил я в раздумье, - если хорошие дороги есть признак деспотизма, то Земля до сих пор даст Асаиссе сто очков вперед.

Впрочем, не все его реформы удались. Он, например, отнял у Бога право суда и передал его назначаемым из столицы чиновникам, но потом вынужден был отменить этот приказ. Население обиделось за Бога.

Итак, Дасак основал свою династию и стал Великим Царем. В оригинале Великий Царь звучит не так громко, как в переводе, потому что Дасс был "великим царем", а правил он "малыми царями". Кажется, это называется феодализмом. Так вышло, что после смерти Дасака власть великого царя становилась все меньше, а власть малых царей - все большей, и вышеупомянутый централизованный деспотизм, то есть дороги, законы и единая монета, исчез совершенно.

Лет сто назад седьмой по счету правнук Дасака решил исправить ситуацию и начал воевать с малыми царями. Сам он был скорее администратором, чем полководцем, но у него были хорошие военачальники, и лучшим из них Исинна, товарищ его детских игр, и сам, как вы понимаете, малый царь. Исинна завоевал для Дасака все отпавшие земли, и чем лучше он воевал, тем больше Дасак его боялся.

- Дальнейшие события, - сказал я, - каждая из ныне враждующих сторон излагает по-разному. Несомненно следующее. Вскоре после того, как Исинна выиграл для Дасака битву Белых Облаков, в которой он использовал пятьдесят тысяч личных, своих воинов, Дасак вызвал его в столицу на новогоднее торжество и утопил в бочке с маслом.

Теологические разногласия между сторонниками Президента и мятежниками заключаются в следующем. Официальная версия гласит, что после битвы Исинна сказал: "Кто сильнее, тот и должен быть великим царем" и отправился в столицу, чтобы убить своего господина. Мятежники рассказывают следующее. Чем больше становилась слава Исинны, тем страшнее была зависть в сердце великого царя. Он думал: "Не для меня старается Исинна! Скоро он убьет всех моих врагов, и выйдет так, что некому будет оказать мне поддержку, когда он пойдет на меня войной. Что тогда спасет меня от смерти? Разве там, где речь идет о власти, есть место слову "преданность"?" На новогодний праздник великий царь позвал Исинну в столицу. "Не ходи", - сказали ему воины. "Я не могу проявить неуважение к государю", - возразил Исинна. "Тогда возьми нас с собой". "Нет, - ответил Исинна, - ибо если я возьму вас с собой, а царь убьет меня, вы поднимете бунт, а разве можно бунтовать против царя?"

Первая версия содержит занимательные подробности в виде говорящих голубей, в последний миг рассказавших царю о приготовленной для него ловушке и о волшебной чаше, которая лопнула, когда в нее налили яд. Вторая версия утверждает, что полководца, чьи руки были по локоть в крови, зарезали, как невинного агнца. Обе содержат множество

несообразностей, и поэтому обе заслуживают доверия.

На улице Семи Богов собралась небольшая толпа. Я остановил машину и вышел посмотреть. Молодой человек в потертых джинсах вежливо обратился ко мне:

- Извините, дайте пройти.

Я посторонился. Молодой человек прошел через толпу, взобрался на ящик у входа в кабачок, поднял вверх кулак и заорал:

- Земляне - вон! Земляне - вон!

У кабачка стояло три грузовых фургона. Водители их выскочили из кабачка, торопясь отвезти машины от неприятного места. Я вытянул голову и прикинул, что толпа набилась большая и что ближе, чем через Оранжевый проспект, не проедешь.

Я вернулся в машину и свернул в ближайший переулок.

- Смерть Исинны, - продолжил я на Оранжевом проспекте, - не вызвала никаких волнений. Исинна принадлежал к роду царей-жрецов. Лет через сорок в его родном краю объявилась крестьянская секта. Лидеры ее пустили слух, что Исинна не умер, а улетел на белом фениксе в пустыню, где и будет скрываться до тех пор, пока беззакония Дасака и его рода не переполнят чашу терпения. После этого Исинна ударит своим жезлом и расколется дворцы и замки, пустыня обратится в возделанное поле вирилеи. Посреди этого поля воссядет Исинна на золотом троне под серебряным балдахином и вычешет из мира все зло, как блох из собаки, и выстирает души людей, как прачка стирает белье. После этого урожаи проса и вирилеи будут созревать четыре раза в год, в небе заделают все дырки, через которые идет дождь и светит солнце, а свет по всей Земле будет идти от трона Исинны.

Политическая программа нового учения, - сказал я, - разбудила прирожденное свободолюбие народных масс. Лозунг превращения пустыни в сад покорило сердца людей, а хозяйственно-экономические преобразования, намеченные в пункте о четырех урожаях, и финансовая реформа, связанная с превращением скал и холмов в золотой песок, побудила народ к героической революционной борьбе.

Сектанты начали резать чиновников великого царя так же усердно, как их легендарный вождь резал его врагов. Правительство перепугалось. В столице поставили Исинне статую и пересмотрели официальную версию истории. Они согласились, что Исинна погиб в полной покорности великому царю, и стали пропагандировать его как идеального верноподданного. Огласили письма, которые Исинна послал своему войску, умоляя не бунтовать после его казни, ибо иначе его жертва станет бесполезной. Половину бунтовщиков повесили, а другая половина публично осознала, что они вели себя противу заветов вождя, и на этом дело кончилось. Уцелевших родичей Исинны вызвали в столицу и держали заложниками на высоких постах.

Лет через пятьдесят на планету явились земляне. Мы заинтересовались сначала пушшиной в горах, а потом и вирилеей. Дасак XI заинтересовался нами и прогрессом. Он расспросил землян, как ему лучше всего получить ссуду под прогресс, и вскоре после этого отрекся от трона, назначил всеобщие выборы и был избран президентом. Пользуясь безграничной любовью народа, он переизбирался президентом каждые четыре года.

Заметим, что за все это время об исиннитах никто не слышал.

Через десять мирных лет на севере, страны случилось небольшое восстание исиннитов. Их хозяйственно-политические идеи были теперь не столь радикальны. Они утверждали, что после отречения Дасака XI и гибели его правнука трон сам собой перешел к потомкам

Исинны, который, как вы помните, тоже был царем. Они также учили, что Земля - это замечательное место, где после смерти возрождаются души последователей Исинны. Они указывали, что их предки, уже возродившиеся на Земле, посылают своим сыновьям радиоприемники, зажигалки, сигареты и прочие чудесные предметы, но "звездные дьяволы", которые живут в летающих кораблях, и правительственные чиновники грабят эти посылки по дороге.

Восстание не стоило выеденного яйца, но сектанты повесили какого-то землянина, случившегося нехоти в деревне, а там, где есть повешенный землянин, непременно окажется неповешенный репортер. Репортер рассказал изумленной Галактике о Президенте, ведущем свою страну по пути прогресса, и фанатиках-изуверах, мечтающих восстановить деспотизм.

Это была ошибка, которой воспользовалось и правительство, и компания.

Президенту развязали руки. Начался террор. Как всегда бывает в таких случаях, половина окружения Президента воспользовалась этим не для того, чтобы расправиться с террористами, а чтобы расправиться с другой половиной. Ведь согласитесь, что помощник министра полиции ничего не выгадывает, повесив нищего повстанца, но многое выгадывает, повесив своего непосредственного начальника. Люди в правительстве начали резать друг друга, и те, кого недорезали, бежали к повстанцам. Ситуация изменилась коренным образом: повстанцы обрели опытных чиновников. Нынешний их лидер полковник Дар Исинна - сын одного из генералов Президента и, действительно, потомок того самого Исинны. Кстати, сам генерал бежать не успел, его зарезали прямо на глазах Президента. Генерал Бассар возглавлял дворцовую стражу. Человек номер три - Сай; говорили, что это был единственный умный человек в министерстве финансов. У всех этих людей были друзья за границей. Не прошло и пяти лет, как о фанатиках-изуверах уже никто не писал, Начали писать о диктаторе-кровопийце, которого поддерживают хищники из транснациональных корпораций, сосущие кровь бедняков Асаиссы, и о повстанцах, сражающихся за демократию, свободу предпринимательства и национальное согласие, против продажных чиновников и международных монополий.

Мы остановились у гостиницы.

- И это все, - сказал я.

- Как все? А выборы?

- Ах да, - сказал я, - полгода назад прошли очередные выборы, и на них, согласно иностранным наблюдателям, победил полковник, а согласно главной избирательной комиссии - Президент. Дело тянулось по инстанциям и комиссиям, и наконец неделю назад арбитры ООН не нашли ничего лучшего, как признать террориста главой правительства.

- Насколько я понимаю, - осторожно сказал ван Роширен, - они всего лишь признали результаты демократических выборов.

- Демократия, - сказал я, - это не когда партия приходит к власти через выборы. Это когда партия, пришедшая к власти, предоставляет оппозиции свободу высказывания, а не варит ее в кипящем масле. Если бы к власти пришел полковник, то а) были бы расстреляны все чиновники и родственники Президента, б) местные князья распоясались бы совсем, в) имущество казненных было бы роздано народу, который бы его и проел.

Народ же голосовал за полковника по двум причинам: а) от общего любопытства черни, которой нравится, когда казнят сильных мира сего, б) из надежды на конфискованное богатство и в) по приказу князей, могущество которых тем больше, чем больше в стране бардака.

- Не очень-то вы любите демократию, - сказал ван Роширен.

Помолчав, я сказал:

- Я заеду за вами в двенадцать часов. Мы отправимся на обед к старому Идару Хасу.

Разворачиваясь перед гостиницей, я заметил под загнутым козырьком храма темную фигуру. Это был молодой террорист, он жался к кирпичной кладке и жадно глядел на освещенное окно ван Роширена. Какого черта этот ван Роширен вздумал заступаться за демократию? Чудо - самая недемократическая процедура.

По пути домой я все думал о террористе, целовавшем ему ботинки.

Но мы так и не побывали у старого Идара Хаса, бывшего народного вожака и вице-префекта столичной полиции.

Днем я заехал в гостиницу: ван Роширен сидел на террасе в виноградной тени и кушал яичко. В руках у меня была "Daily Express", а в ней - интервью фанатика, убившего вице-префекта на пороге его собственного дома: "Я мечтал об этом два месяца, но сомневался в успехе. Вчера, однако, попросил благословения у приезжего святого. Мы молились вместе. Он благословил меня и сказал, что праведное дело всегда удастся".

Террорист, одетый горцем-охотником, упал перед своей жертвой на колени, вопя о справедливости и протягивая прошение, когда тот утром выходил из автомобиля. Вице-префект ласково его поднял и получил удар ножом прямо в сердце.

- Вы и ваши молитвы, - сказал я, шваркнув газету ван Роширену на стол.

Он прочел - у него стал грустный вид.

- Да, - сказал он, - я сделал ошибку. Что ж, один Господь не ошибается.

Мне вдруг представилось мертвое лицо вице-префекта, он оскалился и жалобно проговорил, как вчера: "Мне надо обязательно встретиться с вами, господин ван Роширен".

До последнего срока оставалось семьдесят дней.

Глава третья

Следующий день был пятница, и начиная с полудня, сотрудники стали потихоньку уезжать на фермы, на три дня и даже больше, я намеревался прихватить понедельник.

Наша с Агнес ферма была в Кипарисовой долине, в трехстах километрах от столицы. В этом году мы летали туда на вертолете. В прошлом году поездка на автомобиле обходилась в три кредита, а на вертолете - в десять кредитов. Но в этом году лететь стало дешевле, потому что несколько князьков по дороге требовали плату за мосты и перевозки. Президенту они объясняли, что так делали их отцы и деды, а при иностранцах ссылались, что вот строят же на Земле дороги и берут плату за проезд. Два месяца назад Филипп Деннер вызвал к себе одного из этих князьков. Тот вошел в кабинет, выслушал все доводы землянина, вежливо всадил в стенку над его головой две пули и смылся из здания, прежде чем охранники оторвали свои зады от кресел.

Мелкие князья Асаиссы не служат ни Президенту, ни полковнику, они служат себе. Они отлично дерутся, пока ими никто не командует. Они любят свободу и полагают, что свобода состоит во владении рабами и убийстве себе подобных; и они знают, что чем больше несогласия в стране, тем больше у них свободы.

Хотел бы я видеть, как ван Роширен будет проповедовать мир и покаяние этим диким котам.

Через три часа наш вертолет завис над другим миром.

Пропали президенты и чиновники с влажными руками, пропали террористы и ворохи отчетов, пропала городская грязь и сумасшедшие проповедники.

Внизу распахнулась Кипарисовая долина.

Вдали, у края долины, кончалась неровная кромка гор в белых шапочках с узкими, будто нарезанными мечом, ущельями. Горные духи топили свои шатры горы курились. Начиналась весенняя засуха. Вся долина была перерезана отчаянно-рыжими пыльными дорогами и серебристыми каналами, там и сям на холмах были разбросаны плоские домики под черепичными крышами, и до самых гор, куда ни взгляни, тянулись ровные сады вирилеи, усыпанной ярко-красными цветами с оттопыренной синей нижней губкой. У Бродячего Перевала на залитой солнцем скале торчал, как шляпка строчка, замок того самого старого князя, который два месяца назад упражнялся в стрельбе над головой Филиппа Деннера, и во дворе замка бил крыльями игрушечный белый вертолет.

Солнце уже шло на посадку: над горами тянулись плоские золотистые облака, словно кто-то набросал в небо дынных корок.

Секрет преуспевания компании состоит в том, что все служащие, решительно все, любят выращивать вирилею. Не владеют предоставленными компанией фермами. Не проводят на фермах выходные дни. Не получают главный доход от продажи вирилеи. А любят ее выращивать. Она не растет у человека, который ее не любит. Такой человек чахнет и бурчит, и через год его вышибает с планеты.

Вирилея - это не наркотик, когда ее пьешь, но это наркотик, когда ее выращиваешь. Фермеру нельзя без вирилеи. Даже справа и слева от ворот надо посадить два деревца, мужское и женское. Когда рождается ребенок, сажают третье. За этими деревцами ухаживают вручную, наряжают и кормят. Их называют деревцами-чиновниками, потому что они передают твои приказания другим деревьям. Они очень сильно зависят от настроения хозяина. Я заметил, что в их присутствии лучше не ругать туземцев.

Когда рассказывают, как был убит Исинна, обычно начинают с того, что "царь перестал появляться в своем саду, и его дерево больше не говорило ему, что хорошо, а что плохо". Говорят, что во дворце Дасака Первого деревце-чиновник цвело круглый год. Царь наряжал его в парчу и бархат.

Я точно знаю, что Джек Митчелл с соседней фермы зарыл под корнями своего деревца телевизор: пусть смотрит. А Лайош Варда, другой мой сосед, сделал вот что: взял большой рекламный щит, поставил его немножко боком к своему деревцу, так, чтобы не загораживать солнце, и слово в слово переписал ту невнятицу, которую компания пишет на желтых фирменных упаковках вирилеи: "Это удивительное растение, культивируемое жителями отдаленной планеты не одну тысячу лет, уникально по своим качествам. Семь ягод вирилеи позволяли охотнику семь дней, не останавливаясь и не передыхая, преследовать зверя. Напиток из ягод вирилеи улучшит ваше самочувствие, повысит работоспособность и сделает ваши решения безошибочными без каких-либо вредных последствий. Пейте вирилею - и вы не ошибетесь!"

У Лайоша каждый год отличные урожаи.

Петухов в жертву, конечно, режут все.

Самое красивое - это созревшая вирилея. Видели когда-нибудь связку разноцветных

воздушных шаров? Теперь уменьшите их в двадцать раз и привяжите к ветвям, и так до горизонта. На Новой Андромеде, как и на любой планете, где в атмосфере много гелия, такой способ размножения весьма распространен: поверх семени образуется пузырь из гелия. Когда семена созревают, ножка пузыря пересыхает, он взлетает в воздух и летит, пока стенки его не потеряют эластичность. Ягоды созревают не сразу, и у ленивого хозяина урожай запросто может улететь.

Когда человек идет по полю, деревья сразу чувствуют, хозяин это или гость, и меняют цвет. Когда великий царь Дасак навещал свои сады, синие ободки у цветов пропадали, они становились красными, как его мантия, и почтительно склоняли головки.

Меньше всего это понимают газетчики. Газетчики пишут всякую чушь. Пишут, что компания, усвоив местные феодальные порядки, платит за службу не деньгами, а землей. Что мы живем на фермах, как бароны в средневековых замках, только вместо котлов с кипящей смолой завели минометы. Теперь они пишут, что бароны захотели завести крепостных...

Крепостных! Да я в жизни не подпущу ни одного туземца к своему саду!

Через десять километров от меня начинаются поля одного туземца, не знаю, как его зовут, Расси, кажется, или Нисси. Как я его подпущу к своему саду, если мое поле красное с синим, а его - зеленое, как протухшая котлета? Его вирилея еще не цветет - я заметил, когда подлетал!

Этот человек снимает со своего поля урожай вчетверо меньше моего, потом его рабы (у него-то рабы есть, штуки три или четыре, асаиссу нельзя без раба - теряет лицо) растащат половину, потом еще треть пропадет просто так, а потом к нему прилетит какой-нибудь журналист с Земли, и этот Расси или Насси даст интервью: "Вся Галактика пьет вирилею, но я не в силах прокормить свою семью! Служащие компании проводят в саду два дня в неделю, но компания дает им машины и улучшенные семена. Я провожу в саду семь дней, но у меня нет ничего, кроме моих рук". Все верно. Я, может, и провожу в саду два дня, но не разгибаю спины. А туземец - да, проводит в саду неделю, лежит животом кверху и греется на солнце.

Богатых в деревнях презирают. То есть не просто богатых. Если ты разбогател, вырезав городок или городок вырезал твой прадед, то о тебе поют хвалебные песни. Это славное богатство. А если ты разбогател, вкалывая как собака, - это позорное богатство. Позориться не желает никто. А потом приезжают левые журналисты, берут интервью, выкидывают все о славном богатстве и делают из местного князя какого-то социалиста. Князь читает это и начинает усваивать высказанные им взгляды...

Однако я отвлекся.

Весь день я трудился, как вол на маслбойке.

Вирилея очень требовательна к воде, но не выносит переувлажнения. Единственное спасение - автоматические поливальные установки. У меня был отличный, вполне новый "Даймонд", но этой йесной я соблазнился и купил "Эльзу-люкс". За субботу я ее смонтировал, а "Даймонд" откатил в сарай и развинтил.

Конечно, я немного сошел с ума, покупая новую машину накануне войны. Может статься, что бомбардировщик мятежников разнесет ферму на куски и через десять лет сады съест надвигающаяся пустыня, а я как раз кончу выплачивать за "Эльзу" деньги.

Но я давно хотел "Эльзу", и Агнес хотела "Эльзу", а в этом году я получил изрядную премию за "Павиана" и просто не мог забыть, что это последний год, когда я спокойно выращиваю свой сад. Мне хотелось сделать для деревьев все, что можно. Притом я купил "Эльзу" с шестидесятипроцентной скидкой - агент понимал, что охотников обзаводиться его техникой

накануне светопреставления не так-то много.

Я вкалывал за троих, и мне, конечно, некогда было следить за Деном.

Дену уже семь лет, и в этом возрасте детей вполне можно оставлять без присмотра, но только не на ферме. Песчаные тигры сюда не забредают, но в округе есть несколько ферм, принадлежащих туземцам, и стоит зазеваться глядь, а дети служащих и туземцев бегают вместе. Служащие компании и туземцы не общаются друг с другом. О чем нам разговаривать? Но детям этого не объяснишь. Они будут либо сидеть вместе в одной канаве и квакать, либо драться. Просто не замечать друг друга они не могут.

В прошлом году у моего соседа было десять штук детей, а в этом, кажется, двое померли. У них визгливые голоса, ужасный английский и шелушащиеся от недоедания руки. Все выращивают вирилею, потому что в Кипарисовой долине самое прибыльное - вырастить вирилею и, продав, купить остальное. Свежие фрукты и экран компьютера эти дети видали только в дешевом кино. Мне до безумия жаль этих детей, но я не могу их спасти. Их могут спасти только их отцы. А отцы греются на завалинке и рассказывают гадости про тех, кто трудится в садах. Иногда к завалинке подкатывает машина, отцы садятся в нее и едут кинуть бомбы в Президента.

Не хочу, чтобы мои дети общались с туземцами.

Поэтому, когда я обнаружил, что Дена нет, а на дворе уже сумерки, я сел в машину и поехал к синей канаве.

В лощине у синей канавы уже стемнело, звезды рассыпались по небу, как спелые десятицентовики, и цветы вирилеи, красные под солнцем и оранжевые под луной, поменяли окраску. Я остановился на мгновение, чтобы полюбоваться садами, и тут до меня донесся отчаянный детский крик. Кричал Ден.

Я перепрыгнул через канаву, обвалился в воду и полез раком наверх.

Мальчишки дрались у плетня, перед старым садом, Ден и какой-то туземец катались по траве. Туземец был вдвое старше Дена. Пока я бежал к плетню, туземец сел на Дена, выхватил у него из рук автомат и стал бить его прикладом по голове. Я заорал. Туземец оглянулся, вскочил и бросился к лесу. Остальные мальчишки подняли визг, разлетаясь, как стая голубей. Я схватил автомат и завопил:

- Стой!

Мальчишки улепетывали. Я дал очередь поверх стволов вирилеи. Автомат не стрелял. Я взглянул на него и сообразил, что это игрушечный автомат, который я подарил Дену на день рождения. Это. была очень дорогая игрушка.

Туземные мальчишки уже перебрались через канаву и улепетывали по дороге. Ден с товарищами швыряли им вслед комья грязи и улюлюкали.

- Что случилось? - спросил я.

Дети опустили головы. Эрик Митчелл сказал:

- Мы хотели играть в войну, как всегда. У них были луки, а у нас автоматы. Вдруг они набросились на нас и стали отбирать автоматы. Они сказали: "Старые игры кончились. Теперь наши отцы возьмут себе ваши автоматы. А потом они возьмут себе ваши машины и фермы". Вот мы и подрались.

На обратном пути Ден сидел в машине тихо, как курица на яйце, утирая сопли и кровь. Один

раз он спросил:

- А что, когда у них будут наши автоматы, они станут жить так же хорошо, как мы?

- Нет, - сказал я, - когда у них будут наши автоматы, они потеряют последний шанс жить так же хорошо, как мы.

Я забыл навесные кольца для "Эльзы" и в полдень воротился за ними на ферму. У ворот под деревцем вирилеи сидел человек, которого я меньше всех ожидал тут встретить, - это был ван Роширен, у его ног лежал в корзинке связанный петух. Петуха я положил в корзинку вчера вечером. Рядом с ним сидел Ден, и они о чем-то беседовали. Ден заметил меня и убежал.

- Какими судьбами, - сказал я, - вы же собирались в Долину Четырех Собак?

- Видите ли, - сказал ван Роширен, - меня просили говорить, что я еду в Долину Четырех Собак. На самом деле я ехал в Дайтан.

Дайтан находился в двухстах километрах к северу.

- Там меня обещали встретить, - продолжал ван Роширен, - и отвезти к Исану Красивые Глаза, Исан Красивые Глаза желал поговорить со мной.

Я хлопнул глазами. Чтобы Исан Красивые Глаза, племянник полковника и человек, который ненавидит землян, хотел встретиться с этим телепроповедником?!

- Но они обманули меня, - продолжал неторопливо ван Роширен. - Меня завезли в какое-то ущелье, ограбили, раздели и побили. Они хотели прикончить меня, но в конце концов решили не брать греха на душу и даже, как видите, дали платье.

Последнее утверждение было сильно преувеличено. Ему дали, кажется, какой-то мешок, в котором держали канистру с бензином.

- Но ведь вы поехали в Дайтан в пятницу, - удивился я. - Что же вы делали эти два дня?

- Шел обратно.

- Пешком?

- Не всегда пешком, - возразил он, - иногда на телегах. Господь наказал меня за гордость и напомнил мне, что прежде чем говорить с такими, как Исан, надо послушать простых людей.

Он выглядел грустней, чем петух в корзинке. Вероятно, ему все-таки очень хотелось встретиться с Исаном. Впрочем, его желание разделяла вся служба безопасности.

- А завтра, в воскресенье, - сказал ван Роширен, - я читаю проповедь в Нерри!

- Значит, у вас стащили ваши двадцать девять серебряников и все прочее, - уточнил я. - Как вы думаете добраться до Нерри?

- Господь мне поможет.

Гм. Если бы я верил в Бога, я бы не стал навязывать ему обязанности туристского агента.

Я поднялся в дом, выкопал из бумажника две тысячи кредиток и вышел на крыльцо.

Ван Роширен все так же грелся на солнышке и смотрел на связанного петуха. Я отставил корзинку с петухом в сторону и протянул ему деньги.

- Спасибо, - сказал он.

- У меня нет времени подвезти вас до города.

- Ничего, - сказал он, - я дойду пешком.

Я завел трактор и поехал в другую сторону. Уже съезжая в междурядья, я сообразил, что он выпросил у меня больше денег, чем взял от компании! Черт возьми, ведь Гарфилду ничего не стоило отломить ему миллион! Но он, верно, предпочитал, чтобы люди давали ему из собственного кармана, да еще радовались при этом.

Мы и Митчеллы - соседи. Наши фермы стоят на соседних холмах. Митчеллы живут на ферме круглый год и приглядывают за нашими садами.

Возвращаясь вечером домой, я увидел у ворот их фермы Сару Митчелл с мужем и Дерека Линда с третьего холма. Они разговаривали о вчерашней драке.

- Надо стрелять их как собак, - сказала Сара Митчелл, - и куда только вы, мужчины, смотрите.

- Мы с ними по-человечески, а они убивают наших детей, - сказал ее муж.

- Надо организовать комитет, - предложил Линд.

И они посмотрели на меня: я был человек из столицы и вообще начальство. Я помахал им ручкой и поехал дальше.

Ворота нашей фермы были широко распахнуты, из раскрытых окон упоительно пахло супом. Было видно, как Агнес в красном фартучке хлопчет у плиты.

Я снимал с трактора борону, когда случайно оглянулся и увидел Дена, тот с вороватым видом выскользнул за ворота. В руках у него был игрушечный автомат. Уже темнело. Это мне не понравилось. Я выскочил вслед за ним.

- Ты куда?

Он показал рукой на соседний холм.

- Поиграть с Эриком Митчеллом.

- Не ври!

Ден опустил глаза и стал переступать с ножки на ножку.

- Майк наврал про вчерашнюю драку. Это не Тайси хотел отобрать у нас автомат, а мы у него отнимали лук. Это была затея Майка. Он всегда терпеть не мог Тайси, но раньше у Тайси было два старших брата, а в этом году они умерли. Тайси не захотел отдавать лук, а Майк засмеялся и сказал: "Моя мама говорит, что скоро вас всех начнут продавать в рабство. Я ее попрошу тебя купить, и твой отец получит за тебя меньше, чем стоит этот автомат".

Ден вздохнул и добавил:

- Когда ты прибежал, Майк испугался и решил соврать. Он не виноват. У него мама такая.

- Ну, - сказал я, - и куда ты собрался?

- Я решил пойти к Тайси и отдать ему автомат. Пусть у него вместо братьев будет хотя бы автомат.

- Сам придумал?

- Нет, - сказал Ден, - не сам. Тут утром ходил какой-то бродяга. Землянин, а в старом мешке. Я проводил его до третьего сада.

Я забрал у Дена автомат.

- Иди домой! Никуда ты не пойдешь!

- Нет пойду, - сказал Ден.

Я надулся и зашипел. Еще не хватало, чтобы Ден бегал по дорогам в сумерках!

- Цыц! Я сам отвезу эту штуку.

Я швырнул игрушечный автомат на заднее сиденье, на переднее положил настоящий Ингрэм и вылетел из ворот, забыв снять ручной тормоз.

Я был в бешенстве. Так. Мой сын мне лжет. Это раз. Два - какого черта мой сын рассказывает этому бродяге ван Роширену то, о чем молчит мне? И почему мой сын должен извиняться перед этим туземцем, как его, Тай-си? Положим, все было так, как он говорит, но ведь могло быть и наоборот! Дети есть дети!

Тут я сообразил, что ван Роширен еще до разговора с моим сыном знал, в чем дело. Ведь он же ходил в своем мешке по долине! Разве он с нормальными людьми говорил? Он говорил с туземцами. Какого черта, спрашивается, он знает, что происходит в долине, а мы не знаем?

Машина летела мимо цветущих садов.

Я был так разъярен, что заметил часового на повороте только тогда, когда тот уже собрался стрелять. Я затормозил, машину развернуло и сунуло боком в кювет. Туземец распахнул дверцу. Он даже не взглянул на Ингрэм на переднем сиденье. Глаза его сразу уперлись в игрушечный автомат.

- Куда? - сказал он.

- Туда, - ответил я, показав рукой вперед, на холм с белой туземной фермой. Черт побери! Я так и не знал имени отца этого Тайси, а спрашивать у часового было явно неудобно.

Часовой забрал с переднего сиденья автомат, сел в машину и ткнул в мои ребра моим же автоматом.

- Поехали.

Когда я нажал на газ, из придорожной канавы вылез еще один туземец и стал на место своего товарища.

У ворот фермы мой сопровождающий покинул машину и пошел объясняться. Я высунулся из окна и стал смотреть. Южная сторона фермы была хорошо защищена маленькой речкой. С остальных сторон ее окружал небольшой ров. На другом берегу речки старый бензиновый двигатель крутил большое водяное колесо с подвешенными к нему бадейками. Бадейки съезжали в речку, наполнялись водой и опорожнялись в каменный желоб. Десяток женщин в пестрых юбках окунали в желоб ведра, вешали их на коромысло и шли в сад. Босые их ноги давили грязь. У плотной стены трое туземцев лежа играли в карты и, жадно раскрыв рты, глядели женщинам под юбки. Я вспомнил "Эльзу-люкс", которую опробовал сегодня утром. "Эльза" поливала гораздо лучше. Кроме того, она выглядела привлекательней, чем туземки. От нее не пахло прелым ежом.

Гид мой наконец закончил переговоры и снова ткнул автоматом под ребра.

- Въезжай.

Я оглянулся в последний раз.

Женщина, как раз вешавшая ведро на коромысло, была довольно молода с изможденным красивым лицом, маленькими ручками и большим животом. Судя по всему, она была на седьмом месяце.

Ворота заскрипели и распахнулись - я въехал во двор. Во дворе, перед покосившимся темным крыльцом, стоял коренастый человек примерно моего возраста (а мне тридцать два) ,со смуглым, довольно приятным лицом, коричневыми глазами и такого же цвета бровями, разлетающимися вверх наподобие пихтовых веток. Свежие полные губы его чуть коротковаты. На нем были потертые джинсы и рубашка, вышитая целующимися гусями. Под рубашкой с целующимися гусями сидел в кобуре пистолет. Вероятно, это был хозяин дома.

Я вышел из машины, взял игрушечный автомат и шагнул ему навстречу. Я остановился перед ним, не доходя двух или трех метров. Он, наклонив голову, ждал. Я покосился вправо: среди родовых деревьев за белой решеточкой торчали два молодых пенька. Так и есть, остальные деревья только-только зацветали!

- Мой сын, - вдруг сказал я, - вел себя как мерзавец. Он хотел отдать вот это вашему сыну. Он просто не переживет, если ваш сын не возьмет подарка! И не подумайте, что я завтра поеду и куплю моему сыну новый!

Человек все так же стоял и смотрел на меня, склонив голову, и ничего не говорил. Глаза у него были колючие, как куст шиповника. Я вдруг сказал:

- Это я виноват. Это я его так воспитал, что человек тысячи долларов должен иметь тысячу сто долларов, а человек пяти долларов должен иметь шиш. Простите меня!

Человек в рубашке с вышитыми гусями закусил губу. Глаза его смотрели мимо меня. Черт! Я опять сморозил глупость! Ведь из моей речи следовало, что он - человек пяти долларов, и вряд ли это пришлось ему по вкусу.

Хозяин посторонился и показал рукой на крыльцо.

- Входите, - сказал он. - Гостю негоже стоять на пороге.

В главной комнате, куда меня привели, вместо циновок на пол были постелены старые картонные ящики. С потолка свисал связанный из лоскутьев абажур с одинокой лампочкой внутри. Ради меня достали из-под пола и зажарили десяток морских свинок. Раб-мальчишка, шелестя по картону голыми пятками, вынес из погреба кувшин бананового вина. Слава богу, первый же раб обратился к хозяину фермы по имени. Хозяина звали Ласси.

Мы разговорились. Когда-то Ласси закончил ирландский университет; отделение биохимии. Дальше - наследственная ферма, больной отец, сыновний долг... Какая там карьера! Родственники ссужают деньгами в случае недостатка, забирают в случае избытка...

С ним было приятнее, чем с Джеком Митчеллом.

Мужчины закончили есть. К нам вышла женщина с большим животом и маленькими ручками. Она переделалась. На ней была пестрая юбка, отороченная гусиным пухом, и кофта абрикосового цвета, на шее висел бархатный мешочек с богом для рожениц внутри. Ее звали Лина, и она была женой Ласси.

Я вспомнил, как она таскала воду, и спросил Ласси, что он об этом думает. Ласси помрачнел и ответил, что у него сломалась водяная установка.

- Надо отвезти в мастерскую, - сказал я.

- Я отвез, - сказал Ласси, - и мне объяснили, что она сломалась скорее навсегда, чем на время. Я им же ее и продал.

Лина опустила глаза и сказала:

- У нашего племянника была свадьба.

- Но это значит, - сказал я, - что при такой засухе вы вряд ли соберете хороший урожай.

- Похоже на то, - согласился Ласси.

Я оглядел комнату. Черт возьми! У меня земли было ровно столько же, сколько у этого туземца, и такого же качества. Только у меня растет счет в банке, а он... Заставлять беременную женщину таскать воду!

- Знаете, - сказал я, - мы только что купили новую водоустановку.

Ласси встрепенулся и подозрительно посмотрел на меня. Я запнулся и продолжил:

- Не очень-то это хорошо, если у меня будет две установки, а у вас ни одной. Как я буду глядеть на ваши поля и думать, что они пропадают из-за моей жадности?

"Что я несу?" - отчаянно подумал я. "Даймонд" стоит по меньшей мере десять тысяч кредитов. Что я, украд его? Он мой, а этот бездельник...

Ласси как-то странно смотрел на меня.

- Вы мне ее дарите, - уточнил он.

Вот! В этом-то все и дело. Если бы передо мной стоял Джек Митчелл, я бы сказал ему: "Слушай, у агента старый "Даймонд" будет стоить тысяч семь, и кто может поручиться за его состояние? Я продам его тебе за четыре тысячи ты сэкономишь на покупке, я на перевозке, и ты получишь машину, за качество которой можно ручаться". Я и Митчелл выгадали бы на этом деле оба и остались бы друзьями, если это можно назвать дружбой. Но с туземцем так не бывает. Я не могу продать ему эту машину хоть за два гроша и быть ему другом. Я не могу дать ему эту машину в аренду, потому что это значит, что я становлюсь его господином, а он - моим вассалом. Если я хочу быть его другом, я могу только подарить ему машину, которая и сейчас стоит пять-шесть тысяч. Они дотошно различают каждый тип обмена вещами и услугами, и то, к какому типу обмена прибегают между собой два человека, раз и навсегда помещает их в определенную категорию людей.

- Конечно, дарю, - сказал я.

- Спасибо, - Ласси поклонился, - я принимаю ваш дар с открытым сердцем.

Мы переночевали у Ласси, а утром поехали за водоустановкой. Я думал, что Агнес рассердится, но она только сказала. "Конечно, милый"

К вечеру мы смонтировали "Даймонд".

После совместной работы уехать без трапезы было никак нельзя, а после трапезы настала ночь, а ночью по Кипарисовой долине тоже ездить не следует, потому что ночь - время привидений и террористов.

Спали мы вместе с Ласси и его рабами под открытым небом. Мы долго глядели на звезды, ворочались и говорили, а под конец Ласси спросил:

- Скажи, почему ты все-таки приехал извиниться за парнишку?

- Знаешь, - сказал я, - недавно в мой кабинет явился один чудаковатый по имени ван Роширен и стал говорить, что все люди должны каяться друг перед другом: и если бы Президент и полковник попросили друг у друга прощения, то и войны бы не было.

- Неглупая мысль, - сказал задумчиво Ласси.

- Очень глупая.

- Почему? Ты же вот просил прощения?

- Это потому, - возразил я - что мы с тобой обычные люди. Пешки И между нами, если разобраться, нет никаких поводов для вражды. Даже наоборот. А президенты? У них свои интересы, свои партии... Как же им извиняться? Кто извинится, тот потеряет власть.

Вечером в понедельник я вернулся в столицу и первым делом позвонил ван Роширену. Я боялся, что он опять попал в какую-то переделку по дороге, но трубку немедленно сняли.

- Алло, - сказал он, - это вы, мистер Денисон?

- Я только хотел сказать вам, - говорю, - что не верю в Бога.

- Я только хочу вам ответить, что Бог верит в вас.

Я пожал плечами и бросил трубку.

До последнего срока оставалось шестьдесят семь дней.

Глава четвертая

Двести лет назад на месте здания "Анреко" стоял замок князя Басина, и в этом замке князь, будучи опекуном государя, выкинул государя из окошка. Народ за такое дело ворвался во дворец, повесил князя за волосы и отщипывал от него по кусочку, пока ничего, кроме волос, от князя не осталось. Дворец снесли, жрецы предали место проклятию, а новый глава государства запретил возводить на месте дворца каменные здания. Так в самом центре столицы обосновалась куча крытых соломой лачуг, пока на это место не позарилась компания. Запрета она не нарушила: в шестнадцатипятиэтажном здании компании не было ни одного камня, только сталь и бетон.

После утреннего совещания я встретил в коридоре ван Роширена. За ним следовали лев и ягненок.

- Как прошла вчерашняя проповедь? - поинтересовался я.

- Меня забросали плодами крушинника, - ответил он.

Теперь я понял, почему от него так странно пахнет. Запах крушинника не выветривается неделю. Я пожал плечами и сказал:

- Ничего у вас не получится.

- У меня - нет. У Бога - да.

Часа через два мне позвонил Антонио Серрини; я поднялся в его офис.

- Ты знаешь, - спросил я, - как ван Роширен ездил на свидание с Исаном Красивые Глаза?

- Об этом знают даже утренние газеты, - сказал Тони.

- Предположим, - сказал я, - что Исан Красивые Глаза заинтересовался этим человеком или решил его использовать. Во вторник он послал ему приглашение. В четверг случилась эта история с убийством вице-префекта, ван Роширена возили к майору Ишеддару, и Исан Красивые Глаза испугался: он решил, что за ван Роширеном будут следить. Что делать? Отменить встречу значит выдать себя. Он велел своим людям прикинуться грабителями. Возможно, дал им приказ убить ван Роширена, если те убедятся, что он - шпион.

- Ну и что это означает?

- Это означает, что Исан Красивые Глаза находится в Кипарисовой долине, потому что ван Роширена не повезли бы через всю страну.

- Находился в пятницу, - возразил Тони. - Даже если дела обстоят так, как ты говоришь, Исан не повез бы ван Роширена к себе. Он наверняка бы назначил для свидания какую-нибудь туземную ферму, а их в Кипарисовой долине насчитаешь не меньше тысячи.

- Две недели назад, - сказал я, - застрелили Ричарда Таша.

Тони вздохнул. Смерть Ричарда Таша стала сенсацией. Это был туземец, блестящий инженер, выпускник университета Торонто. Перед ним были открыты все пути, но его дядя был большой человек среди мятежников. Ричард бросил карьеру, вернулся в Зеленые Горы и жил там среди ящериц, обезьян и террористов, а две недели назад нелепо погиб, наравшись в одном из уездных городков на гвардейский патруль.

- Пять дней назад, - сказал я, - по рекомендации старого князя Санны я съездил в одно место, научить собаку лаять.

- Так! Опять!

- Я же не могу, - возразил я, - отказать такому уважаемому человеку, как князь. Ты сам знаешь, что из-за таких отказов бывают неприятности! И в конце концов, это вице-префект столицы, который говорит, что собаку купил его племянник.

Тони махнул рукой.

- Это была система наблюдения типа "Дайни", - сказал я. - Как ты знаешь, они обладают искусственным интеллектом. Нужно научить программу распознавать наиболее часто встречающихся животных, чтобы она не поднимала тревогу из-за зайца, попавшего под контрольный луч. Я обнаружил, что кто-то начал работать с программой, а потом бросил. Это был почерк блестящего специалиста. Хозяева сказали, что они попытались разобраться с машиной сами. Абсолютная чушь. Никто из бывших там не знал, что такое логический диск. А между тем это самое сложное: обучить систему наблюдения, изготовленную на Земле, совершенно не запланированным условиям Новой Андромеды.

- Иными словами, - сказал Тони, - систему обучал Ричард Таш, потом его убили, и заканчивать работу пришлось тебе?

- Да.

- И ты знаешь, куда тебя возили?

- Они могли скрыть все, кроме двух вещей: меня возили в замок, а не на ферму, и перед самой посадкой вдруг смерч захватил и потащил вертолет. Как ты знаешь, моя ферма тоже в

Кипарисовой долине. Когда я приехал туда в пятницу, только и было разговоров, что о вчерашнем смерче. Час назад я просмотрел сводки погоды и обнаружил, что днем в четверг смерч был только в Кипарисовой долине. А замков там только три.

- Да, - сказал Тони, - замков там только три, и один из них принадлежит князю Бродячего Перевала.

Это был тот самый князь, что палил для острастки в Деннера. Впрочем, между ним и Деннером была еще одна нелюбовь.

- Вздор, - сказал Серрини. - Исана Красивые Глаза не могло быть в этом замке.

- Почему?

- Потому что всю неделю в замке гостил Рай Адан.

Рай Адан - один из ближайших помощников полковника, и, по слухам, он сильно не ладит с Исаном, потому что мятежники вообще чаще выясняют отношения друг с другом, чем с правительством.

- И что же сделает Президент, узнав, что князь Шадак якшается с мятежниками?

- Ба, - махнул рукой Антонио, - он пожалует ему новые земли, чтобы быть старому князю лучшим другом, чем Рай Адан. - Помолчал и прибавил: Кстати, опять звонил старый Гарфилд. Интересовался, не приходил ли ко мне тот ангел, который рекомендовал ему во сне ван Роширена.

Тони раскрыл сейф и вынул оттуда кувшинчик с банановой водкой. Все земляне на Андромеде пьют местную водку. Этим начинается и заканчивается наш, местный патриотизм.

- Что ты хочешь делать? - удивился я.

- Напиться. Вот напьюсь, мне явится ангел и даст рекомендацию ван Роширену.

- Лучше пей виски, - сказал я, - а то тебе явится не ангел, а божественный предок Президента.

Был уже полдень, когда я вернулся в свой кабинет.

На площади в рыжей пыли стояла маленькая понурая демонстрация и жгла крест. Молодой туземец командовал в мегафон всей процедурой. Я включил селектор и прислушался. Туземец с мегафоном сравнивал нас с конквистадорами, а ван Роширена - со священником, который приехал крестить закабаленную страну огнем и гранатометом. "Христиане - вон!" - поддакивала толпа. Я пожал плечами и выключил селектор. Ко мне это не относилось.

Я взял газеты и начал читать вчерашнюю проповедь ван Роширена, но на середине зевнул и спихнул газету на пол.

Я подошел к окну. Далеко внизу расстилалась туземная часть города: грязные одноэтажные домики без окон. За окна брали дополнительный налог. В подпольях домиков без окон держали морских свинок - единственное мясо, доступное простолюдинам по праздникам. Под стрехами плоских крыш держали луки и автоматы. Президент не платил жалованья чиновникам три года. В позапрошлом 'месяце компания ссудила ему полтора миллиарда кредитов, чтобы он достойно отпраздновал замужество своей дочери. Ричард Таш был гениальным программистом - я использую для "Павиана" одну идею, которую увидел в четверг.

Не знаю, кто создал этот мир, но если его создал Бог, то я бы не принял его в отдел и младшим дизайнером.

В два часа я спустился в столовую и сел в углу с целой горкой свинины с фасолью - блюда, которым столица славилась до тех пор, пока фунт свинины не стал стоить дороже мелкокалиберного патрона, "Daily Express" напечатала интервью одного из учеников ван Роширена - тот был наркоманом, но сменил иглу на крест. Одну напасть на другую. Я постелил газету под тарелку, вместо скатерти.

- Здравствуйте, господин "Нет", - услышал я сзади.

Я оглянулся: это был ван Роширен. Дальше, в проеме двери, маячил Джек Лиммерти.

- Откуда вы знаете это прозвище?

- Господин Серрини сказал мне, что вы всегда говорите "нет", а потом делаете "да".

- Умный человек, - сказал я, - всегда говорит "нет".

- В таком случае словарь умного человека сильно уступает словарю простака.

От него по-прежнему пахло крушинником. Он улыбнулся, пододвинул стул, сел на него верхом и спросил:

- Итак, у меня ничего не получится?

- Нет.

- Почему?

Я постучал пальцем по интервью бывшего наркомана.

- Это очень эффектно, - сказал я, - обращать к вере в Иисуса Христа наркоманов и гангстеров. Но что такое наркоман? Это маргинал. Человек, выброшенный из общества. Человечек-ничто, человек, которого никто не любит. И вдруг приходите вы и говорите ему: Иисус пришел не ради праведников, а ради грешников. Он пришел взять все твои грехи! Он любит тебя. Ваш наркоман в восторге. Как?! Сам Иисус пришел ради него! Как?! Иисус его любит! И вот он садится с иглы - на крест. Проститутки на ваших проповедях падали в обморок - а вы скажите, много ли на ваших проповедях падало в обморок банковских служащих?

Ван Роширен хлопал ресницами.

- Туземцы, - продолжал я, - так же уверены в своей правоте, как банковский служащий. Те, что стреляют здесь из луков и автоматов, делают это не потому, что они выбиты из своего рода или клана, а наоборот, потому что они к нему принадлежат. Они не убивают. Они делают то, что делали их отцы и деды.

Четыре дня назад вы заставили меня рассказать про историю конфликта и про его идею, но идеи тут ни при чем. Есть несколько людей - на самом верху, и с той и с другой стороны, - которые выбирали себе сторону сами. Их не интересовали идеи. Их интересовала власть. Остальные, внизу, никогда ничего не выбирали. Они продолжали войны, которые вели их отцы. Род Черных Волков враждовал с родом Песчанок, потому что шестнадцать поколений назад один волк перерезал одной песчанке глотку из-за бурдюка с кислым молоком. Волки оказались на стороне правительства, - стало быть, песчанки оказались при мятежниках. Допустим, вы сделаете так, что волки уверуют в Иисуса, значит, песчанки окажутся против вас. Здешняя резня не имеет никакого отношения к "прогрессу", "демократии",

"межнациональной розни", "международным монополиям" и к прочим словам. Она не имеет никакого отношения к нестабильному обществу. Напротив, ее причина в том, что это общество совершенно стабильно. Каждый человек помнит традицию. Каждый человек помнит сорок поколений своих предков. Каждый имеет список тех, кто должен его роду, и тех, кому должен его род. В своем поведении по отношению к другим людям туземец руководствуется прежде всего этим списком. Вы не поймете его мотивов, не выучив этого списка, а выучить этот список нельзя с ним надо родиться.

Краем глаза я заметил, что в столовую вошел Филипп Деннер. Деннер любит, чтобы руководство ело с сотрудниками. Я покривился и продолжал:

- Вы приходите к гангстеру и говорите: "Иисус ничего не отберет у тебя, кроме твоих грехов. Он умер за тебя и отсидел за тебя, и он взял все твои грехи", и гангстер радуется. Вы приходите к местному князю, который из поколения в поколение грабит и режет, и говорите: "Иисус взял все твои грехи, все убийства, которые ты совершил". "Ба! - изумляется князь, - но это же не грехи, а подвиги!"

Деннер остановился около нашего стола.

- Добрый день, господин ван Роширен, - сказал он.

- Добрый день, - ответил проповедник.

- Пятьдесят лет, - сказал Деннер, - как "Анреко" несет свет и прогресс людям Новой Андромеды. Сегодня впервые за пятьдесят лет перед зданием нашей компании жгли крест и кричали: "Христиане - вон!".

Ван Роширен кротко улыбнулся и развел руками.

- Зачем вы сюда приехали? Обличать лихоимство нанявшей вас компании? Бесить знахарей и жрецов? - спросил Деннер.

- Я приехал, - сказал ван Роширен, - творить чудеса.

Деннер сделался красным, как помидор.

- Очень хорошо! - сказал Деннер. - Если назавтра вы не сотворите чуда, вы вылетите с этой планеты, мистер ван Роширен! - повернулся и ушел.

Если бы я нуждался в доказательствах, что Бог - скверный художник, Деннер был бы тому отличным доказательством.

Я доел остывшую свинину, выпил стакан вирилеи и пошел в кабинет.

Компания перерабатывает на своих заводах девяносто восемь процентов урожая вирилеи и, кроме того, владеет примерно третью земель Асаиссы. Два года назад Филипп Деннер добился от своего друга Президента права иммунитета: налоги на его доходы идут не государству, а компании. Частью земель владеют наши служащие, а часть сдается в аренду туземцам. Любимая светлая мысль Деннера заключается в том, что компании не обязательно покупать вирилею, если можно владеть землями и получать ее как налог. Но известно, есть много способов не платить справедливые и положенные по закону налоги.

Группа моих сотрудников разработала программу, выявлявшую потенциальных нарушителей. Мы прогнали через компьютер список туземных арендаторов, Я наставил на распечатке красные галочки и понес этот список к Деннеру.

Деннер взял его и сказал:

- Вы, Денисон, тянули с этим, сколько могли.

- Компания, - ответил я, - создана, чтобы торговать вирилеей. А налоги собирает государство.

- Если Президент, - сказал Деннер, - увидит, как эффективно мы собираем налоги со своих земель, он отдаст нам на откуп государственные земли. - Потер задумчиво щеку и добавил: - Мне не нравится эта демонстрация у здания компании. Не следует давать населению лишний повод для недовольства. Что вы думаете о ван Роширене?

- Его заповеди, - сказал я, - рассчитаны на другую историческую эпоху. Если тебя ударят по левой щеке, можно подставить правую, но если в тебя выстрелят из гранатомета, то подставлять уже будет нечего.

Лицо Деннера озарилось улыбкой.

- Вот видите, Денисон, - вскричал он, - а вы говорите, что у нас нет общих взглядов!

Я задержался в здании до девяти и поехал домой в темноте.

Вот так. Деннер обдирает туземцев, как липку, и выгоняет из страны ван Роширена, - "чтобы не давать местному населению поводов для недовольства!".

Небо над городом было цвета копирки. За рекой бил автомат, словно кто-то большой и неискусный жарил картошку на неисправном масле. Я вдруг разозлился.

В конце концов, какое мне дело до этого проповедника. Он сострадает человечеству? Ну и что? Они сострадали человечеству две тысячи лет с хвостиком - и что из этого вышло? В стиральной машине больше сострадания прачке, чем во всех молитвах за благополучие прачек всех времен и народов. Может быть, тысячу лет назад в них что-то и было. Но если бы мне попался в руки кусок паровой машины восемнадцатого века, вряд ли бы я сумел его использовать в "Павиане", а эта штука ровно на восемнадцать веков старше самой устаревшей паровой машины.

Я сворачивал на Мейн-стрит нашей деревни, когда увидел: посреди дороги разложена противошинная цепь. Я затормозил, но было уже поздно: острые зубья блеснули в свете фар, передние колеса подбросило, машина взвизгнула и остановилась. "Ну почему я?" - мелькнуло в голове. Затрещали автоматы. Я зажмурился. Автоматы продолжали трещать. Я открыл глаза - вокруг машины плясали дети. Пятилетняя девица вцепилась в бронированную дверцу.

- Паф-паф! - закричала она. - Дядя, ты убит!

Я открыл дверь и посмотрел вниз. Противошинная цепь мне примерещилась - ребятишки, играя в войну, выстроили поперек дороги аккуратный ряд банок из-под кока-колы.

Я убрал ногу с тормоза, тихонько закрыл дверцу и поехал домой. "Все в порядке, Денисон, все в порядке, - сказал я себе. - Это не террористы, это наши ребятишки балуются".

На двери моего кабинета была приколотая записка: просьба зайти к исполнительному директору.

Господин Деннер сидел за компьютером.

- Вы не были на вчерашней проповеди? - спросил он.

- Нет.

- И я нет. Вы только взгляните!

Я подошел и наклонился над экраном.

Как я уже говорил, Деннер очень переживал из-за того, что арендаторы уклоняются от уплаты налогов. Почему-то сегодня с самого утра пятьдесят три арендатора и охотника решили заплатить требуемые суммы. Пока я глядел и моргал, экран мигнул, и к списку прибавилось новое имя: Ричард Дан. Я вспомнил, что это имя было среди тех, которые я отметил вчера красной галочкой.

Да! Ван Роширен знал, какое чудо совершить, чтобы убедить господина исполнительного директора!

Я заперся в кабинете и просмотрел то, что говорил ван Роширен. В основном он призывал помогать друг другу и почитать власти. На последнем он сделал особое ударение и призвал помнить, что всякий, кто присваивает чужое, будет проклят и прочее, а тот, кто раздает свое, получит на небесах сторицей. Там было еще что-то о Боге, который умер за нас.

Я не могу понять, отчего из-за этого следует швырять в человека крушинником. Или продавать новую машину. Хватит. Секрет изготовления богов давно утерян.

За обедом Антонио Серрини спросил меня, как мне показалась прочитанная проповедь.

- Отличная проповедь, - сказал я. - "Ибо начальник есть божий человек, тебе на добро. Хочешь не бояться власти - делай добро, и получишь похвалу от нее". Деннер порекомендует это Президенту в качестве новой телевизионной заставки.

- Мне сегодня звонили из Правительственного банка, - сказал Серрини, - и спрашивали, что такое эти проповеди. Я ответил, что это новейшая социологическая техника.

Холл на третьем этаже занят у нас довольно красивым садом - с деревом вирилеи, огороженным бронзовой решеткой с изображениями фазанов и павлинов, с золотистыми шариками, играющими в струе фонтана, и с пляшущими идолами с грустными глазами и тонкими пальцами. Секрет изготовления "грустных богов" был утерян двести лет назад, когда городок, где их делали, сожгли вместе с богами и мастерами. Последние пятеро пляшут перед дверью исполнительного директора "Анреко". Местные газеты время от времени требуют вернуть народу его богов.

Я дошел до нашего сада и замер. У мраморной кромки фонтана стоял ван Роширен, а напротив него - майор Ишеддар, любимец Президента, глава его личной охраны, один из самых страшных людей в стране. Ишеддару было лет тридцать пять, это человек небольшого роста, со смуглой кожей и с красивыми синими глазами, с осиной талией и нежным, почти девичьим личиком. Издали его можно было принять за девушку, но я своими глазами видел, как однажды он на спор разорвал пару стальных наручников, защелкнутых на его тонких запястьях.

Майор Ишеддар не имел заместителей-землян и отлично знал грамоту. Компанию он ненавидел. Это тем печальней, что он учился на Земле на деньги компании и был назначен на свой пост по настоянию старика Гарфилда, а потом Президент заупрямился и не захотел его снимать. Ходили слухи, что упрямство Президента объясняется страстью, которую престарелый отец народа питал к своему похожему на гибкую иву начальнику охраны и на которую красавец Ишеддар отвечал полной взаимностью. Слухи эти распускала сама компания. Это было приятней, чем понимать, что Президент держит своего начальника охраны как цепную собаку, которая заливается лаем при виде землян и которую можно в удобный момент спустить с цепи.

Ишеддар поклонился ван Роширену и сказал:

- Мистер ван Роширен, вы привлекли к себе внимание народа. Президент находится под неослабным впечатлением вашего заявления, что нет власти, кроме как от Бога. Президент глубоко взволнован вашими словами о мире.

- Спасибо, - сказал ван Роширен, - я не сомневался, что так оно и будет.

- Президент очень желает, чтобы в своей завтрашней проповеди вы упомянули об этом.

- Это замечательно, - сказал ван Роширен, - и еще лучше, если он сам примет участие в проповеди. Почему бы ему не сказать, что он глубоко страдает от творящегося насилия и что он готов встретиться с полковником?

Красавец майор усмехнулся:

- Нет, завтра Президент занят. Однако он просит вас сказать, что Президент целиком поддерживает заботу о примирении в отличие от террористов полковника, которые целиком против этой заботы.

- Я не могу это сказать, так как это неправда, - промолвил ван Роширен.

Майор долго и с интересом на него смотрел, потом покачал красивой головой, повернулся кругом и прошел в кабинет исполнительного директора Деннера.

Вечером третьего числа господин Президент поссорился со своим другом Филиппом Деннером.

Деннера вызвали к Президенту. Господин Президент изволил топтать ножками. Господин президент сказал:

- Вы ведете двойную игру! Этот ван Роширен превращается в политическую силу, и силу довольно сомнительную! Раньше все считали, что компания поддерживает меня, и деловые круги тоже поддерживали меня! А теперь пойдут толки про этого проповедника, нанятого компанией, и все скажут, что компания меня больше не поддерживает!

Господин Президент так разошелся, что пригрозил аннулировать торговый договор, если Деннер не уволит ван Роширена.

Деннер взбеленился. Утреннее чудо с уплаченными налогами поразило его в самое сердце. Кроме того, Деннер был упрям как-'бык. Он ответил, что если ван Роширен - пророк, то пророка трудновато уволить с должности, а если он не пророк, то не о чем и беспокоиться. Господин Президент пришел в неистовство. Он схватил августейшими руками флажок компании с изображением серебряного бобра на голубом фоне - флажок торчал у него на столе из одной подставки с национальным флагом - и заорал, что он "еще сдерет с этого бобра шкурку". Впрочем, он был пьян.

На следующее утро эта история попала в газеты.

В пятницу человека, из-за которого поссорились Президент и директор, пришлось слушать вшестеро больше народа.

Президент заявил, что ван Роширен не получит от него никакой поддержки. Ван Роширен заявил, что соберет деньги через пожертвования.

В субботу пятого числа в отделение Аса-банка явился человек в маске бога-муравьеда, что продаются нищими на каждом шагу, подошел к загородке и потребовал у кассира сто тысяч

"кроликов". Кроме короткоствольной "Беретты", он не привел никаких аргументов в пользу того, что ему должны выдать эти деньги. Кассир согласился с таким аргументом и отдал ему деньги, после чего клиент утек. Номера крупных купюр, однако, были переписаны.

На следующий день Денис Лиммер-ти, раскаявшийся громила и ученик ван Роширена, был схвачен при попытке разменять одну из украденных купюр. Остальные деньги, лежавшие у него за пазухой в толстом белом конверте, были изъяты при аресте.

Это произошло в маленьком городке Лисьи Ручьи, в ста двадцати километрах от столицы.

Я сел в машину и поехал в Лисьи Ручьи.

Принадлежность к сословию землян в Асаиссе значит чрезвычайно много. Особенно - к верхушке сословия, служащим компании. То, что позволено человеку из дома в шестнадцать этажей, не позволено туземцу из дома в пол-этажа.

Местное полицейское управление в Лисьих Ручьях разместилось в двухэтажном курятнике с решетками на окнах.

Я поманил пальцем охранника, скучавшего на крылечке. Он подбежал к машине, и я, сунув ему зажигалку, велел посторожить машину и прошел внутрь, раздавив таракана, некстати вздумавшего переправляться через порог.

Лиммерти сидел во второй комнате слева, на железной жердочке, и отчаянно брыкался скованными ногами.

- Эй! - орал он, - если бы я обчистил этот клоповник, черта с два вы бы меня взяли!

Это был основательный довод.

- Что происходит? - спросил я следователя. Он затравленно посмотрел на меня.

Перед ним стоял тридцатичетырехлетний белокурый землянин, с широкими плечами и с уверенной улыбкой человека, который каждый день ест мясо. От него пахло невиданным запахом - одеколоном. Из нагрудного кармана костюма выглядывала регистрационная карточка компании с красной полосой начальника отдела.

Я был немножко больше, чем Бог и немножко меньше, чем Президент.

- Он не признается, - жалобно сказал следователь.

- А что он говорит?

- Говорит, что конверт с деньгами ему положили в шапку, когда он после проповеди собирал приношения. Вот, - и следователь ткнул пальцем в оприходованную шапку. В ней лежало несколько мелких бумажек и целая куча патронов.

- Так оно, наверно, и было, - предположил я.

- Ага, - саркастически сказал следователь.

- Мытарь Левий, - сказал наставительно Лиммерти, - устроил пир для Иисуса. Почему же человек, ограбивший банк, не мог раскаяться и пожертвовать деньги Иисусу?

Я поманил следователя в глубину комнаты, туда, где за пунцовой занавеской дремала статуя Президента.

- Отпустите Лиммерти, - сказал я.

Тот вздрогнул.

- Но, - сказал он, - сейчас за ним приедут...

- От кого приедут?

- От господина майора.

Я почтительно покосился на мраморную статую.

- А вы уверены, - сказал я зловещим шепотом, - что Президент, узнав о вашем решении, одобрит его?

Маленький следователь вздрогнул и отчаянно заморгал. Мои слова могли означать только одно: между Президентом и его начальником охраны - крупное несогласие. Стало быть, начальнику охраны недолго осталось быть на своем посту и на этом свете. Недостойно порядочного человека повиноваться намекам начальника охраны.

Следователь вышел из-за занавески. Лицо его было бело, как мел.

Лиммерти ткнул пальцем в висевшую на стене маску бога-муравьеда: в такой же маске, по описанию, был и грабитель.

- Слушайте, - сказал Лиммерти - я верую в Господа. Неужели бы я напялил на себя эту бесовскую личину? Я бы надел черный чулок.

- Действительно, - забормотал следователь, - преступник был в маске одного из двенадцати богов... гм... это местный почерк...

Я вывел Лиммерти во двор, посадил его в автомобиль и повез в столицу.

На середине пути он встрепенулся:

- А как же меня выпустили? У вас разве был приказ?

- Здесь повинуются не приказам, а намекам, - ответил я.

- Я так думаю, что здесь дело нечисто, - объявил Лиммерти. - Когда я раскаялся, пять лет назад, разве я отдал деньги ван Роширену? Я послал их обратно в банк.

Я высадил Лиммерти перед глиняным домиком, который теперь снимал проповедник, и уехал, не дожидаясь благодарностей.

Ван Роширен неплохой человек, но я терпеть не могу людей, которые учат других, как жить. Они не понимают, что люди - не цыплята. Мой отец всегда повторял: "Денисон, если ты хочешь добиться в жизни успеха, смотри на мир объективно и принимай решения самостоятельно". Так что мне не так-то просто что-то внушить!

На следующий день в редакции "Daily Express" раздался звонок. Звонивший сообщил, что он - член боевой пятерки "Союза за Свободу". Что, по приказу своего непосредственного командира, он ограбил банк и положил конверт с деньгами в шапку для пожертвований. Краткая речь его была напечатана на первой полосе газеты. Он сказал:

"Мы рассуждали так: если полиция арестует ван Роширена по подозрению в грабеже, это будет означать, что он действительно независим. Если полиция тут же отпустит его, это будет означать, что пресс-служба Президента поносит проповедника для отвода глаз.

Как известно, ученик ван Роширена был арестован, но за ним тут же примчался

высокопоставленный сотрудник компании Денисон, известный своими связями со службами безопасности, и подозреваемого выпустили.

Борцы за свободу предупреждают всех граждан страны о том, что ван Роширен, христианский проповедник, - наемник компании и шпион Президента, и оставляют за собой в отношении вышеуказанного ван Роширена полную свободу действий".

Я поехал к ван Роширену и узнал, что он проповедует в храме Семи Зернышек. Я поехал к Семи Зернышкам показал ему газету и попросил отменить проповедь. Он отказался. Я вытащил из багажника бронежилет и велел надеть хотя бы это. Ван Ро-тирен погладил бронзовый крест на груди и покачал головой:

- Вот мой бронежилет.

Вообще-то он был прав. Странно выглядит человек, который в бронежилете проповедует мир и согласие.

Я остался послушать проповедь.

На лужайке перед храмовой рощей собралось сотни три того ничем не занятого народа, который большею частью и творит беспорядки и видит чудеса, и торговцы из соседних улочек. Никакой охраны не было, десяток журналистов скучали на солнышке. Я отыскал Дениса Лиммерти, сунул ему под нос газету и объяснил, что ван Роширена сегодня убьют и что Президент его охранять, конечно, не собирается.

Но прошло полчаса, и ничего такого не случилось. Я расслабился и даже стал слушать.

Вероятно, ван Роширену кто-то намекнул, что он проповедует небылицы, потому что тот стал рассказывать про Атиллу и Льва Первого. Этот Атилла был вождем гуннов, которые давным-давно напали на Рим. Войска в Риме не было, и римский папа Лев выехал навстречу язычнику, проповедуя мир, без всякого оружия, лишь с крестом. Атилла раскаялся и отвел войска.

Я наострил уши, Я думал, папы в основном жгли инакомыслящих. Таких рассказов я не знал.

В этот миг я обернулся и заметил у балюстрады храма человека. В свете заходящего солнца в руках его блеснула и хлопнула самодельная нарезная трубка. Люди закричали. На помосте ван Роширен взмахнул руками и зашатался. Человек перепрыгнул через балюстраду и побежал к роще. Я бросился за ним. Почти нагнал его, но зацепился за корень и въехал лицом в землю. Когда я вскочил, террорист уже пропал за деревьями. Какой-то фоторепортер, присев на корточки, сфотографировал мою заляпанную рожу.

Я побежал обратно к толпе. Ван Роширен был жив и даже не ранен. Что он проповедовал, я не слышал.

После проповеди я протолкался к нему вместе с газетчиками и сказал:

- Вам повезло, что парень промахнулся. Но я был прав, советуя надеть бронежилет?

Ван Роширен молча снял с груди крест: прямо между перекладинами сидела пуля двадцать второго калибра. Он выставил этот крест на обозрение репортерам, и те принялись орудовать фотовспышками.

До последнего срока оставалось шестьдесят дней.

Глава пятая

Настало лето - самая жаркая пора, когда для хорошего урожая надо вручную оборвать с каждого дерева лишние завязи и через день рыхлить междурядья. Все деловые операции были прерваны на двадцать пять дней, и сотрудники разъехались по фермам.

Через три дня после моего приезда Ласси прислал мне и моей семье в подарок три шапочки. Шапочки были круглые, как перевернутая чашка, с узорчатой пестрой каймой и вышивкой, изображавшей пантер в тростниковых зарослях. Это были очень красивые шапочки.

Этого-то я и боялся. У туземцев не принято получать подарки, не отдавая их. Чувство чести у них развито бесподобно. Только, например, ты ему даришь поливальную установку ценой в двадцать тысяч, а он тебе дарит три шапочки, вроде тех, которые нищие раскладывают на картонных ящиках в аэропортах. То есть шили эти шапочки наверняка всей семьей, и честь это необыкновенная, и, кроме меня, может, разве десяток землян получило такую шапочку. И поскольку это необыкновенная честь, он считает, что отдал мне в три раза больше, чем от меня получил.

Ласси подарил мне эти шапочки, я запихал их в багажник и даже не показал Агнес.

В понедельник, пятнадцатого числа, я заехал с Джеком Митчеллом в местную харчевню. Мои отношения с фермерами-землянами несколько испортились, и я знал, что лучший способ их восстановить, - напоить Джека Митчелла. У рассыпавшейся двери на матрасике сидел туземец и вслух читал газету, Вокруг матрасика на циновках сидело с десятой поденщиков. Я прислушался.

- Иаван, Фувал и Мешех торговали с тобою, - читал туземец, выменивая товары твои на души человеческие и медную посуду. Из дома Фогарма за товары твои доставляли тебе лошадей и строевых коней и лошаков. От обширности торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрешил. И я низвергнул тебя, как нечистого, с горы Божией...

- Эй, - сказал Митчелл, - это что за статья?

- Это о вашей компании, - ответил туземец.

Митчелл надулся.

- Слушайте, мистер Денисон, - сказал он, - тут что-то не так. Мы никогда не вели дела с этими... Иаваном, Фувалом и Мешехом, Это какая-то фиктивная фирма.

Я вынул из рук туземца газету. Поверх полосы значилось: "Книга Пророка Иезекииля". Первый перевод на асаисский.

- Это, - сказал я, - сбылась мечта господина ван Роширена - чтобы Библию печатать на первой полосе, вместо новостей.

Митчелл усмехнулся, взял газету и стал рвать ее на куски. Клочки летели на пол, сквозняк подхватывал их, и они вспархивали на циновки и стулья. Туземцы, поденщики Митчелла и мои, молча поднимали их и клали за пазуху.

- Прекратите, Митчелл, - негромко сказал я.

Он обернулся ко мне.

- И ты туда же, асаисский под...

Слово, которое он употребил, всем присутствующим было отлично известно, но в словарях не значилось.

Одной рукой я перехватил запястье Митчелла, а другой размахнулся и ударил его снизу в челюсть. Удар вышел основательный: глаза Митчелла поехали вбок, а сам он отлетел к стене, съехал на пол и закувыркался среди плетеных матрасиков. Я расправил то, что осталось от газеты, положил на стойку и повернулся к выходу. За моей спиной кто-то предостерегающе крикнул. Я отпрыгнул в сторону: бутылка, пущенная Митчеллом, разлетелась о косяк над моей головой. Я обернулся. Он схватил вторую бутылку и пустил ее вслед за первой. Счастье, что у него не было с собой пистолета.

Я прыгнул на него, и мы покатались по полу. Митчелл не умел драться. Он совал мне пальцы в глаза и кусался. Я слегка придушил его и стукнул головой об пол. Он улегся на циновке и раскинул руки. Я встал, отряхнул брюки и пошел к двери.

Туземцы сидели все так же молча и равнодушно. Драка между землянами их не касалась. Сквозь прорези в глиняной стене светилось закатное солнце, и в его свете было видно, как по полу течет из разбитой бутылки пальмовая водка. Пол был земляной: он быстро размокал, и водка утекла недалеко.

Я вышел из харчевни и пошел к своей машине. Заводя мотор, я оглянулся: туземцы сидели все так же неподвижно, и только старик, взяв со стола скомканную газету, рвал ее на полосы и раздавал сидящим вокруг.

Дня через три после этой драки мне понадобилось съездить в ближайший городок, в скобяную лавку.

Это был традиционный маленький городок, сплошь из глиняных хижин, размокающих от дождя. Там по утрам жители по-прежнему кланяются в сторону дворца Президента и у женщин всего две профессии, легко различимые по одежде: жены укутаны в черные платья и белые покрывала, а проститутки одеваются, как женщины Земли.

Принадлежал он Шадаку, князю Бродячего Перевала.

Я сильно закопался, и, когда выехал из города, уже темнело. Я поколебался, не остаться ли ночевать, но вспомнил о неизбежных клопах в единственном постоялом дворе, погладил рукой автомат и нажал на газ.

Я включил приемник и попал как раз на проповедь ван Роширена - их теперь довольно часто передавали. Я разозлился и выключил приемник. Да! Давайте дружить друг с другом! Ты ему - водоустановку, а он тебе - три шапочки!

Лев Великий и Аттила! Ну и дурак, значит, был этот Аттила, если ушел от беззащитного города! Покажите мне человека, который говорит, что ему не нужна власть. Пока не увижу, что он говорит правду, буду считать его лжецом. А когда я увижу, что он не врет, скажу, что он дурак.

Я знаю, зачем этот человек приехал сюда: он принадлежит средневековью и хочет его сохранить. Он тоскует по временам, когда всякие аттилы подчинялись условиям, которые в наши дни почтет позорным любой гражданин.

Небо было черное, как копирка, и стальные фермы моста над Оранжевой рекой выгнулись, как выцветшая радуга. За мостом хорошая дорога пропала, начались пустынные глиняные плечи, и на повороте мои фары выхватили буксующий в подземной промоине грузовик. Я затормозил и, осторожно придерживая рукой автомат, полез из машины.

- Помочь?! - крикнул я.

Пара сильных рук рванула меня в одну сторону, а автомат - в другую. Я перекувырнулся в

воздухе, и в следующее мгновение меня положили у колеса мордой в глину, и чья-то босая нога стала мне на шею.

- Собака, - сказал гортанный голос. - Катается ночью, словно у себя на Земле.

Это были люди полковника: что-то они нюхали в садах. Я понял: меня сейчас убьют, и, признаться мне это не очень понравилось.

Босая нога пощекотала пальцами по шее и стукнула меня раз и другой. Потом они поддели меня локтем и в конце концов шваркнули лицом вверх. Они обшарили автомобиль и багажник, стали делить содержимое. Я все видел. Один из них достал из-под запаски бумажный пакет, а из пакета - три шапочки, украшенные вышивкой с изображением пантер в тростниковых зарослях.

- Это у тебя откуда? - спросил Босая Нога.

- Это мне подарил мой сосед Ласси, - ответил я.

Босая Нога поглядел на меня и спросил:

- Это ты тот землянин, который подарил этому Ласси водяную установку и который подрался с Джеком Митчеллом?

- Ну я.

Босая Нога надел мне шапочку на голову и наставительно сказал

- Носить такие вещи надо вот так.

Они сложили все обратно в багажник, высосали из моей машины бензин, развязали на мне веревки, сели в свой грузовик и поехали. В сотне метров они остановились, спустили на дорогу канистру с бензином и уехали насовсем. Когда я добрался до канистры, донес ее до машины и перелил бензин в бак, след их уже простыл.

Я подумал; что насчет стоимости шапочек был прав Ласси, а не я, и что есть в "Анреко" довольно много людей, которые с радостью бы заплатили за каждую шапочку по семь тысяч.

Мои отношения с фермерами-землянами становились все хуже. Обо мне прошла слава как о человеке, который не боится ездить по долине ночью.

Меня видели в кабачке для туземцев, и праздник Первой Тыквы я отпраздновал вместе с фермерами-туземцами.

Между тем рекламная кампания ван Роширена во славу Господа возымела большой успех у широких слоев местного населения. Люди покупали кресты, которые стоили дешевле бронжилетов, и просили ван Роширена поглядеть на эти кресты счастливым взглядом. Одной девице, плескавшейся в ручье, явился Христос. Над ручьем поставили часовню и вырезали статую, приставили специального человека кормить Христа каждый день кислым молоком.

Были происшествия и посерьезнее.

Несколько гвардейцев Президента в горах нарвались на засаду, потеряли два задних колеса и товарища, но удрали через Перевал. Они шли, изнемогая от жажды, пока предводитель их, недавний христианин, не вспомнил о примере Моисея и не дал по скале автоматную очередь - скала раскололась, из нее: забил источник, гвардейцы напились воды и уверовали.

В нашей долине был храм, а в храме - жрец, известный святостью жизни и тем, что, когда он забивал на алтаре барашка, к алтарю особенно хорошо слетались боги и духи. Жрец угощал богов и духов и спрашивал у них о будущем. Ван Роширен, придя на одно из жертвоприношений, стал пенять ему и хвалить достоинства мессы. Жрец же, лично видя по четыре стороны жертвенника толпу крылатых богов, сначала не обращал внимания на его слова, а потом, рассердившись, спросил окружавших его духов: "Бесы вы или ангелы? Ну скажите этому дураку: если я неправильно молюсь, зачем вы прилетаете?" По счастью, духи оказались ангелами и ответили: "Ты хоть и неправильно молишься, но чист сердцем - мы жалели тебя за неведение и прилетали. А теперь мы уйдем с этим человеком - ведь он и сердцем чист, и верует правильно". Ван Роширен повернулся и пошел прочь, а ангелы полетели за ним. Жрец, увидев это, разбил жертвенник и закричал, чтобы и ангелы, и ван Роширен остались.

Этот жрец теперь тоже ходил по деревням и фермам, а на упреки в отступничестве возражал: "Если кто имеет автомат, станет ли стрелять из лука? Если кто имеет копченую собаку на ужин, станет ли есть отруби? Если кто узнал Иисуса Христа, станет ли почитать старых богов?"

Крест победил все другие узоры на луках и автоматах. Повсюду говорили, что те, кто простят друг другу свои грехи, непременно победят врага.

Вместо перспективы гражданской войны перед страной замаячила перспектива теократии.

Поэтому я не очень удивился, когда встретил ван Роширена в замке на Бродячем Перевале, куда меня позвали вместе с Ласси через неделю после праздника Первых Тыкв. Хозяином замка был тот самый князь Шадак, который собирал пошлины с дорог и перевозов и разрядил свой револьвер над ухом Деннера.

Князь собирал оброк с подвластных ему фермеров Кипарисовой долины, а от свободных фермеров, каковым был Ласси, он получал подарки. Как известно, различие между рабами и свободными состоит в том, что рабы платят князьям Оброк, а свободные дарят князьям подарки.

Князь Шадак придерживался старинных обычаев. Он выехал встретить мой автомобиль у подножия замка на рыжем в черных носочках коне. Князю уже за шестьдесят: он был весь, как высушенная щепка, отлично держался в седле, и зрачки в его глазах катались, как капли ртути по белому блюдцу. Он был в длинном плаще из темной и пушистой, не отражающей свет ткани, и на голове его сидела шапочка, похожая на петушиный гребень. За его спиной вставали витые зубцы замковой стены. Из-за зубца тарачила красный глазок телекамера.

Я вышел из машины и расцеловался с князем, а Ласси, выражая покорность, встал на колени и положил свои руки под его руки.

Пировали в большой зале. В зале было холодно - даже в середине лета толстые стены служили превосходной изоляцией. Зала была разделена на два уровня: наверху, на скамьях, сидели князья и большие люди, а на нижнем сидели местные фермеры и охотники из свободных людей. Рабы в зале не ели, только разносили блюда. Меня посадили слева от князя, а ван Роширена справа. Ласси, из уважения ко мне, посадили с господами.

После третьего кубка я основательно осоловел. Я моргнул и спросил князя:

- Говорят, к вам недавно наведывались гвардейцы. Сам майор Ишеддар учинил обыск. Отчего?

Князь помахал руками.

- Господин Президент узнал, что у меня в замке гостил мой старый приятель Рай Адан.

- Черт знает что, - проговорил я. - А если бы народ так же мало уважал правителей?

Князь Шадак взял большой серебряный кубок, украшенный плохо ограненными рубинами, и стал лакать из него пальмовое вино.

Ван Роширен, улыбаясь, глядел на него. Шадак вылез из кубка и сказал:

- Я хотел бы стать христианином.

- Так станьте же им, - промолвил ван Роширен. - Христос любит вас.

- На мне слишком много преступлений, чтобы Христос меня любил, проговорил князь.

- Я не сказал, что Христос любит ваши преступления, - ответил ван Роширен, - я сказал, что он любит вас.

- Ван Роширен хороший человек, - сказал князь.

- Я пьян, - сказал я, - а вы не хотите стать христианином.

- Откуда вы знаете, - сказал князь, - что я хочу?

- Вы, - сказал я, - надеетесь, что Президент, узнав о вашей дружбе с ван Роширеном, пожалует вам земли по другую сторону Оранжевой горы чтобы вы были ему лучшим другом, чем ван Роширен.

- Вы думаете, - спросил ван Роширен, - Президент не может стать христианином?

- Кто вам сказал, - возразил я, что Президент не может стать христианином? Он станет магометанином, буддистом или почитателем Митры, он станет кем угодно, если это поможет ему в его власти. Он станет христианином и провозгласит крестовый поход против полковника. А если полковник тоже станет христианином, он отыщет во взглядах полковника ереси и провозгласит крестовый поход против еретика. Что вы будете делать, проповедник, когда Президент станет христианином? Благословлять его на крестовый поход?

Это была слишком долгая речь. Она отняла все мои силы. Я моргнул в последний раз, уронил голову на блюдо и заснул.

Утром я проснулся с головной болью. Выглянул в узкое окно и увидел на дворе ван Роширена. Тот толковал со слугами и рассказывал им какую-то притчу. Он размахивал руками и бегал по двору. Ласси стоял в толпе и слушал проповедника.

Когда он закончил, я спустился вниз и спросил, к чему вчера пришли они с князем. Ван Роширен ответил:

- Князь хочет креститься.

- Я уже высказал все, - ответил я, - что думаю по этому поводу.

- Вы по-прежнему не верите, - промолвил он, - что Бог принесет этой стране мир?

- Назовите мне хоть одного правителя, - сказал я, - который добровольно отрекся от власти и ушел служить Богу.

- Вообще-то, - сказал осторожно ван Роширен, - когда на Земле еще были христиане, все правители добровольно отрекались от власти и уходили служить Богу.

Я вытаращил глаза.

- У них была такая привычка: принимать постриг перед смертью. Так что, например, я мог бы сказать, что все византийские императоры отрекались от престола и уходили в монастырь.

- Это называется ханжеством, а не верой, - сказал я, - и это доказывает, что власть была им дороже души.

- Напротив, это доказывает, что, как ни была дорога им власть, в сердце своем они прекрасно знали, что есть нечто важнее власти. Императоры, которые принимали монашество перед смертью, думая обмануть этим Бога, были так же наивны, как крестьяне, которые колотили Бога во время засухи, если тот не откликнулся на их молитвы. Но Бог прощал и тем, и другим их обман, ибо они имели веру.

- Но ни один, - сказал я, - не постригся добровольно и в полном здравии.

- Ну почему? - возразил он. - Например, Карл Пятый.

- А чем он занимался до этого?

- Он был последним императором Священной Римской империи и пытался по мере сил ее восстановить.

- И жег еретиков?

- Не только еретиков. Однажды он даже сжег и разграбил Рим. У его католического величества возникли некоторые политические разногласия с папой.

- И он, - сказал я, - постригся?

- В 1556 году, в маленьком эстремадурском монастыре.

- Назовите еще хоть одного, - потребовал я.

- Болгарский хан Борис, - сказал ван Роширен, - этот человек крестил Болгарию, а в 889 году сам ушел в монастырь.

- И умер через два месяца?

- Напротив. После пострижения Бориса старший его сын, Симеон, поставленный ханом, начал разрушать церкви, замучил болгарского архиепископа. Поэтому через четыре года Борису опять пришлось вернуться в мир, начать войну с сыном, свергнуть его и ослепить. После этого на трон взошел младший сын Бориса, а сам хан опять ушел в монастырь.

- Так я и знал, - пробормотал я.

- Что?

- Что политика всегда была занятием для сумасшедших.

Ван Роширен тихонько засмеялся. Я ослабился и спросил:

- А почему вы мне говорите одно, а слугам - другое?

- Я везде говорю то же самое, - ответил проповедник.

Я повернулся и ткнул в него пальцем:

- Нет! Сейчас, в разговоре со мной, вы обращаетесь к фактам. А полчаса назад вы говорили с толпой: вы размахивали руками и только что не висели в воздухе, и вы обращались не к разуму толпы, а к ее инстинктам. Знаете, как называется человек, который в разных местах говорит разные вещи?

- Я не говорю разные вещи, - возразил ван Роширен, - я говорю одинаковые вещи, но иногда говорю их разным способом.

- Вздор, - сказал я, - со мной вы говорите фактами, а с толпой говорите чудесами.

- Вы не верите в чудеса? - удивился ван Роширен.

- Я не верю толпе. И я не хочу верить в то, во что верит толпа.

Проповедник развел руками и сокрушенно пробормотал:

- Удивительный вы человек, Денисон. Ведь вы, например, доверяете мнению народа, когда речь идет о выборах. Почему же вы не доверяете мнению народа в вопросе о чудесах? Почему вы считаете народ компетентным, когда он избирает правителя, и некомпетентным, когда он верит в Бога?

- Чудес не бывает, - повторил я.

- Хорошо, - сказал ван Роширен, - я обещаю вам чудо.

- Зарегистрированное чудо. На бланке и с сертификатом, - настаивал я. - Чудо, на которое заведена документация.

Ван Роширен улыбнулся:

- Я обещаю вам чудо с сертификатом.

- Я все равно вам не поверю, - сказал я.

Мне в багажник положили двух жареных баранов, и я заехал в сад, чтобы отдать одного из них работникам. На другого барана я позвал окрестных фермеров, Митчеллов, Доррешей и Дерека Саммерса. На окнах сверкали белизной занавеси, стол в большой гостиной был уставлен блюдами на серебряных ножках, и огонь, пылавший в камине, окончательно растопил лед некоторого недоверия между мной и соседями, возникший с тех пор, как я подарил Ласси поливальную установку. Князь Бродячего Перевала, чей замок господствует над долиной, это вам не безродный Ласси. Все окрестные фермеры оценили по достоинству тот факт, что князь Шадак, безнаказанно разрядивший свой револьвер над головой исполнительного директора компании Филиппа Деннера, дарит баранов и зовет на охоту начальника отдела связи компании Рональда Денисона.

- Знаете ли, какую мне рассказали историю? - спросила Ирен Дорреш. Ван Роширен крестил целую деревню в Белой долине, через неделю они пошли причащаться. Один поденщик не съел облатку, а зажал ее в кулаке и спрятал в карман, желая отнести больному брату. Карман его прохудился, облатка упала на землю, мимо пробежавший гусь ее съел - и что же? В бедного гуся вошел святой дух, и тот три часа проповедовал Иисуса.

- Жаль, - промолвил я, - что проповедующего гуся не сняли на пленку.

- Конечно, его сняли на пленку, - возразила миссис Дорреш, - но пленку, по личному приказу Президента, сожгли.

- Я смотрел очень хорошую передачу про ван Роширена, - сказал Джек Митчелл, - там все

объясняли. Там сказали, что этот человек одолевает различными психическими комплексами и не отдает себе отчета в реальном положении дел, предпочитая утопать в собственных фантазиях. Убеждение в собственной непогрешимости, проецированное на мистическую фигуру "бога", составляет основу его инфантильного и нарциссического характера. Мир для него существует лишь постольку, поскольку он соответствует его фантастическим рассуждениям о существовании Иисуса. Его поверхностная вежливость и напускная любовь к людям скрывают глубокое пренебрежение к кому-либо, кроме самого себя. Его равнодушие к женщинам, привычка соблюдать посты и желание непрестанно помогать человечеству, несомненно, связаны с психическими травмами, перенесенными в детстве, и с определенного рода извращенными стремлениями. Вместо того чтобы общаться с собеседником, он стремится воздействовать на него, провозглашая себя говорящим от имени якобы "непогрешимого существа". В сущности это опаснейший характер, который только и может возникнуть в эпоху взаимного отчуждения людей, в эпоху механической цивилизации. Характер, способный возбудить вокруг себя массовую истерию, стать фокусом надежд для человека, вырванного из круга привычных социальных связей, развязать страсти толпы, санкционируя, с помощью несбыточных надежд, самое разнузданное насилие...

- Вы, Джек, современный человек, - сказал я. - Если вы увидите на дороге Фаворский Свет, вы решите, что это террористы палят ферму.

- Мы все здесь современные люди, - гордо согласился Митчелл.

На следующий день поздно вечером раздался звонок.

- Рон?

Это был Ласси.

- Что такое?

- Рон, Лина заболела. Поскользнулась на дворе и ударилась животом о пень.

- Ясно, - сказал я, - у вас есть страховка?

- Нет. Ты не мог бы довезти нас до Белых холмов?

- Буду через пятнадцать минут, - сказал я.

Через пять минут я был уже в воздухе. Я редко летал ночью и надеялся только, что меня не собьют. Животом о пень. Если бы моя жена на восьмом месяце беременности ударилась животом о пень, я бы отвез ее в Дайтан. Там отличная больница и обслуживает всех, кто имеет страховку. У Ласси страховки не было.

Через десять минут я сел во дворе Ласси. Лассп с братом втащили Лину в вертолет, и я тут же взлетел. На женщине была цветастая кофта, подбитая пухом, и клетчатая юбка с желтой каймой. Губы у нее были синие, она была без сознания.

- Эй, - сказал Ласси минут через десять, - куда мы летим?

- В Дайтан, - сказал я.

- У моей семьи нет страховки, - сказал Ласси.

- У моей есть.

Ласси нахмурился.

- Лина не твоя жена, а моя, - сказал он.
- Но в больнице об этом не знают.
- А что будет, когда все раскроется? - спросил Ласси.
- Не пори чепухи, - сказал я.

У людей, которые привозят жену в больницу на собственном вертолете, не спрашивают документов.

Лину погрузили на каталку и увезли за стеклянные двери, я был неспособен на пояснения и громко рыдал. Ласси, немного бледный, безупречно одетый, объяснил, что я - начальник отдела связи "Анреко", что Лина - моя жена, а он - брат жены, совладелец небольшой фирмы, что все мы были на ферме, когда сестра его поскользнулась и... Его английский был безукоризнен, а он весь - воплощение уважаемого преуспевающего туземца, возможно, из древнего и близкого Президенту рода, породниться с которым высокопоставленному служащему компании, конечно, вовсе не стыдно.

Лине понадобилась операция. Всю ночь я провел в кожаном кресле под пальмой. За стеклянной стеной, на посадочной площадке сиротливо обвис голубыми крыльями похожий на головастика вертолет. Я думал о том, как мне объясняться с местными знахарями, если Лина умрет. Я также думал о том, что мне придется продать похожий на головастика вертолет в самом ближайшем будущем, чтобы расплатиться со страховой компанией. Ночью у убитого тревогой отца никто не спрашивал страховки, но утром...

Ласси, напротив меня, положил ногу на ногу, взял со столика журнал и, как ни в чем не бывало, читал. Я даже рассердился, пока не увидел, что он четвертый час смотрит на одну и ту же страницу.

Молодой врач вышел из операционной в четыре утра, оглядел меня, подошел к Ласси и сказал:

- Поздравляю с сыном.

Я подскочил.

- Эй, - сказал я, - вы перепутали. Это я - муж.

Доктор оглядел меня с головы до ног.

- Да? Тогда уж не знаю, с кем вам изменяла ваша жена. Оба родителя ребенка - туземцы.

Я схватился за голову. Ласси спросил:

- И что ему теперь будет?

- Ничего ему не будет, - сказал доктор, - если вы заберете женщину и ребенка и улетите отсюда до восьми утра, потому что я не такая сволочь, как те, кто выписывает эти страховки.

- Я заплачу, - отважился я, - если женщине нужен уход.

- Помолчите, - сказал доктор, - на вас и так лица нет от вашего геройства.

Доктор надавал нам обоим лекарств и советов, помог донести Лину с ребенком до вертолета. Он заметно нервничал: в восемь утра кончалось его дежурство, и человек, который должен был прийти ему на смену, не упустил бы возможности возвыситься из-за такого случая в глазах начальства.

На прощание я спросил врача:

- Вы случайно не слышали проповедей ван Роширена?

- Это кто? - сначала удивился врач, а потом всплеснул руками: - А, этот ваш шарлатан! Не слышал.

До последнего срока оставалось сорок три дня.

Глава шестая

В субботу, тридцать второго числа, я ужинал у Ласси.

Мы остались одни на глиняной. веранде, глядели на звезды и ели при свечке дыню.

- Ласси, - сказал я, - раньше я глядел на твою ферму и видел, что моя ферма богатая, а твоя - бедная. Я думал, что это от вашей лени. А теперь я вижу, что спелые вы стараетесь, пожалуй, больше нас. Куда ты деваешь деньги?

- Сколько, - спросил Ласси, - ты платишь налогов?

- Десять процентов - компании.

- Ну а я плачу десять процентов компании, и пять - Президенту, и еще шестьдесят процентов отдаю Движению.

Я закусил губу. Я знал, что мятежники вымогают от фермеров деньги. Не заплатишь - изнасилуют дочь, сожгут урожай. Но я думал, это десять двадцать процентов..

- А что будет, если ты не отдашь эти деньги? - спросил я.

- Вряд ли я могу не отдать эти деньги, - возразил с усмешкой Ласси, - потому что это для тебя я Ласси, а для других я - Исан Красивые Глаза.

У меня похолодели руки. Исан Красивые Глаза. Племянник полковника. Человек, который больше всех в окружении полковника ненавидит землян. Человек, который хотел в самом начале встретиться с ван Ро-ширеном в Кипарисовой долине. Человек, который возил меня к князю Бродячего Перевала. Стало быть, князь Бродячего Перевала дарил баранов не мне, Рональду Денисону, который сделал доброе дело для бедного туземца, он дарил баранов другу Исана Красивые Глаза.

И стало быть, даже если половина того, что пишут об Исане, - вранье, все равно факт остается фактом: я подружился с человеком, голова которого оценена правительством вдвое больше, чем моя ферма.

- Ну спасибо, - говорю я, - что ты представился. И что мы теперь будем делать?

- А теперь, - сказал Ласси, он же Исан Красивые Глаза, - мы возьмем твою машину и поедем в столицу, и спросим, что нам делать, у этого вашего проповедника.

Мы сели в машину и поехали. Я сел за руль, Ласси - рядом, а на заднее сиденье забрались трое: лиц их я в темноте не видел, только слышал, как брякнули у них на коленях автоматы.

В два часа ночи мы оставили троих наших спутников под окнами глиняного особняка, где теперь жил ван Роширен. В окнах горел свет. Ван Роширен трапезовал с учениками и выслушать нас наедине отказался. Я закусил губу и надулся. Ласси пожал плечами и стал рассказывать все по порядку.

Ван Роширен выслушал исповедь Ласси в полном молчании. Ласси закончил, проповедник поглядел ему в глаза и спросил:

- Почему ты продал поливальную установку?

Ласси побледнел. "Что за idiotский вопрос, - подумал я. - Ну сломалась и продал. Может, террористам понадобились деньги, а может, для свадьбы племянницы. Это же туземец - что такое честь, он знает, а что будет впереди - наплевать, рассчитывать наперед они не умеют".

- Почему ты продал установку?

- Ну, - процедил Ласси сквозь зубы, - она все равно сломалась, а у племянницы была свадьба.

Ван Роширен вдруг подпрыгнул и ткнул в него пальцем:

- Кому лжешь?! - заорал он. - Не мне лжешь, а Богу!

Что он делает? Это же племянник полковника, это же его, ван Роширена, шанс!

- Почему ты остался без установки?

Ласси вскочил со стула, отпихнул проповедника и выбежал в коридор. Через мгновение за окнами взвизгнули колеса сорвавшегося с места автомобиля. Между прочим, моего автомобиля.

Я схватился за голову и стал орать на этого блаженного. Я орал долго, и он мне не мешал. Я остановился только тогда, когда под окнами опять заскрипели шины. Кого еще принесла нелегкая?

Дверь распахнулась - это вернулся Ласси.

- Я тут покатался, - сказал Ласси, - и решил рассказать, почему я остался без поливальной установки.

Он уселся на крашеной циновке, подгрел под себя ноги, оглядел меня как-то странно, как покупатель оглядывает связанного гуся на базаре, и начал:

- Как вы знаете, мой дядя старался не ссориться с землянами, а я их до крайности не любил, и из-за этого меня в прошлом году вышибли из первой пятерки. Вскоре объявили о решении арбитражной комиссии, и мне показалось досадным, что меня не будет в официально признанном правительстве и что мы опять будем рубить друг другу головы на потеху телевизорам, а компания будет только снимать сливки.

Я сильно поссорился с дядей, но у меня осталось много верных мне людей. И вот они стороной узнают, что мой сосед, Рональд Денисон, большая шишка в компании и разработчик ихнего "Павиана", просто так, бесясь с жиру, покупает новую водоустановку, а старую ставит в сарай.

Тогда мы составили план. Я тихо продаю свою установку. Потом, в рабочие дни, когда Денисона на ферме нет, вывожу его установку и ставлю себе. Денисон поднимает шум. А я: "Да он продал мне эту установку! А то с чего бы ему покупать вторую? Вот и документы!" А документы о продаже один человек уже подделал.

Кое-кому из моих людей это не понравилось, но я сказал: "Какая разница? Все равно он вор, украл нашу землю. Все они воры, не один позарится на чужое добро, так другой. Сам мошенник, а меня же будет обвинять в грабеже!"

Ласси откинулся к стене и равнодушно продолжал:

- С тех пор, как прежний владелец этой фермы, человек из Движения, усыновил меня, у меня были очень хорошие документы, и никто не мог заподозрить во мне Исана Красивые Глаза. Мы рассчитывали так: пресса поднимает ужасный шум. Компания грозит послать за установкой своих людей. Мы сжигаем свою ферму и говорим, что это - результат нападения фермеров-землян. Кстати, поэтому ферма была в таком запустении, когда Денисон увидел ее в первый раз. Ей оставалось стоять полмесяца.

А вскоре мы в отместку должны были напасть на ферму Денисона.

- Пустую или с людьми? - спросил ван Роширен.

- С людьми, - спокойно ответил Ласси. - После такого нападения земляне вынуждены были ввязаться в бой. Компании пришлось бы воевать с моим дядей, а дяде - с компанией. Это было бы лучше, если бы лишняя тысяча асаисцев умерла хорошей смертью, чем если бы все наши фермеры стали бы крепостными компании.

Ласси усмехнулся.

- Так что сам понимаешь, Рон, - когда ты явился на ферму и предложил установку в подарок, я было решил, что тебе донесли о нашем плане, и перепорол всех своих людей, А когда я понял, что твой подарок от чистого сердца, я решил, что поживу на ферме подольше, чем месяц.

Я сидел, как заяц, с которого содрали шкурку. Я представил свою сожженную ферму и в этой сожженной ферме - Дена и Агнес. "Господи, подумал я, - неужели это ты подсказал мне подарить эту вонючую лейку?" А потом я поглядел на Ласси и подумал: как же нам быть теперь с нашей дружбой? Как я буду дружить с человеком, который хотел убить мою жену и сына и не убить даже, а сначала... Какого дьявола этот ван Роширен полез, со своим дурацким вопросом?

- Так что же, - сказал Ласси, - нам делать?

Он не смотрел на меня, и я не смотрел на него.

- Завтра, - ответил ван Роширен, - я проповедую у Облачного храма: вы должны оба быть там и рассказать людям все, как вы рассказали мне, - и о том, господин Ласси, что вы хотели сделать с Денисоном, и о том, господин Денисон, как Господь вас спас через ваш собственный выбор.

Что ж? На следующее утро мы погрузились в машину и поехали. Я вел машину, а Ласси сидел рядом и дремал от усталости. На шею, в знак покаяния, он повесил веревку, довольно грязную, и снять ее отказался.

Трое людей его остались в своей вчерашней одежде, только автоматы, по-моему, убрали под сиденье.

Столица страны бежала мимо нас, праздничная и умытая. Мы миновали трехэтажное министерство внутренних дел, с двумя нижними каменными этажами и верхним деревянным. В палисадничке министерства копошились розовые свинки, стадо гусей успешно перешло дорогу на красный свет.

Что ж, покаяние так покаяние! Я представлял себе, что будет сегодня с газетами. Это раньше называлось публичной исповедью, а теперь это называется сенсацией дня. Матерый террорист, племянник полковника, стоит перед Христом с веревкой на шее...

Я свернул на проспект Единорога: вдалеке за рекой мелькнуло шестнадцатизэтажное здание компании и витые, как улитки, верхушки павильонов Облачного храма. По мосту к храму спешил народ.

Справа потянулась белая стена, огораживавшая дворец Президента. В конце стены, за позолоченной загородочкой, украшенной узором в виде бьющих передними лапами в воздухе львов, возвышалась статуя Президента. У ног статуи стояла мисочка с кислым молоком. Перед статуей маялся десяток солдатиков.

Ласси положил мне руку на плечо и подмигнул. В этот миг солдатики повернулись к нам боком и замерли, как игрушка, у которой кончился завод. Тревожно взблеснула мигалка, и поперек проспекта на нас вылетел кортеж с машиной Президента.

Черт побери! Ван Роширен не сказал нам, что Президент тоже будет на проповеди! Каяться при августейшей роже - так мы не договаривались!

Но в этот миг президентский лимузин запел тормозами и ушел вбок. Сопровождавшие его мотоциклисты схватились за автоматы. "Поворачивай!" закричал Ласси. Один из мотоциклистов бросил мне под машину гранату, и машина перекадилась через нее раньше, чем она разорвалась. Я повернул руль вправо и перескочил через какую-то канавку. Фигурная решеточка, ограждавшая статую отца отечества, разлетелась в куски, солдатики брызнули кто куда. Я развернулся и нажал на газ. Стекло сзади запело и расколосось, вдалеке гнусно запели сирены, а трое на заднем сиденье выхватили автоматы и начали весело отстреливаться.

Впоследствии я сообразил, что нам следовало оставить тех троих, что сидели на заднем сиденье, у ван Рошцрена. Потому что хотя я их рож и не знал, в охране Президента их знали наверняка; и что, скажите, должен думать гвардеец, если он сопровождает Президента к Облачному храму, а им наискосок выезжает машина с тремя известными террористами-смертниками на заднем сиденье?

Скажем прямо, мне даже не в чем особенно было обвинять гвардейцев, потому что им очень трудно было предположить, что террористы едут к Облачному храму на публичную исповедь перед народом и журналистами.

Но все это я сообразил потом. А тогда я вел машину и ни о чем особенно не размышлял. Помнится, я умолял Ласси лечь на пол. Нас преследовали, и те трое отстреливались, как умели. А так как они это хорошо умели - это-то и была их профессия, - то через полчаса они застрелили последнего мотоциклиста.

В воздух поднялись вертолеты, но я уже свернул в узкие улочки торговой части города, где вторые этажи нависали над мостовыми, словно шляпки гриба, и где с воздуха разглядеть было ничего невозможно. После этого я проехал разрушенным водостоком. Там мы бросили машину, забрали из нее вещи, приглядели у обочины грузовичок, вынули из грузовичка стекло, залезли внутрь и поехали от греха подальше. Нам удалось выбраться из города еще до того, как полиция перекрыла все дороги.

Ни о каком возвращении домой не могло быть и речи. По приказу Ласси я поехал на северо-восток. Вскоре машина начала петлять меж гор, похожих на гигантскую каменную лапшу, порубленную мечом.

Радиоприемник в грузовичке был сломан. Через два часа мы остановились в придорожном магазинчике, чтобы купить новый. Ласси сделал несколько звонков. Он вернулся очень бледный и сказал, что не может дозвониться до своей фермы: в этих местах, до самых гор, действовали только местные линии.

Мы покатали дальше, с включенным радио.

Я был прав - сегодняшняя проповедь оказалась сенсацией, ничего не скажешь. Все обзоры новостей начинались с рассказа о покушении на Президента.

Официальный четвертый канал сообщил следующее:

"Президент, желая явить солидарность с народом, сегодня утром намеревался посетить Облачный храм, где проповедовал имеющий некоторую популярность священник ван Роширен. О предстоящем визите, ввиду возможности покушения, было известно лишь ближайшим лицам президентского окружения. Тем не менее заговорщикам удалось проникнуть в тайну. По сообщению начальника охраны Президента, майора Ишеддара, предателем оказался некто Кирилл Дай, его второй заместитель. Агент террористов, однако, не дался живым и был застрелен при аресте.

Столкнувшись с машиной Президента на проспекте Единорогов, террористы немедленно открыли стрельбу. Жизнь главы правительства была спасена чистой случайностью и самоотверженностью майора Ишеддара, который первым осознал, что происходит, и начал отстреливаться.

Президент немедленно вернулся в свою резиденцию, где с обычным хладнокровием продолжил занятия текущими делами".

Не все комментаторы были столь подобострастны. Одни намекали, что с Президентом сделалась истерика. Другие предсказывали эпидемию расправ, предлогом для которых станет это покушение. Третьи выражали уверенность в том, что предполагаемый изменник, Кирилл Дай, взят живым, а сообщение о его смерти пущено для вящего удобства начальника охраны. Все, однако, сходились на том, что мы начали стрельбу первыми. О ван Роширене не говорили ни слова. И еще этот Кирилл Дай!

- Он и в самом деле ваш человек?

- Не знаю, - сказал Ласси, - но похоже, что он и в самом деле наш человек.

К вечеру мы услышали, что машина, из которой стреляли заговорщики, принадлежала Рональду Денисону, начальнику отдела связи "Анреко". Что последние дни Денисон находился в отпуске, на своей ферме. Накануне вечером он куда-то уехал и, вероятно, в пути был захвачен террористами.

Жена Денисона не имела понятия, куда он уехал. Сосед его, Митчелл, высказал предположение, что он отправился к другу-туземцу. Гвардейцы поехали по указанному адресу - туземная ферма была пуста. Они перерыли все вверх дном, нашли на заднем дворе бочки со взрывчаткой и еще кое-какую стряпню, изготовленную по рецептам поваренной книги террориста, и вскоре настоящее имя Ласси было во всех обзорах новостей.

Майор Ишеддар, лично обыскивавший ферму, заявил: "Исан Красивые Глаза воспользовался доверчивостью высокопоставленного служащего компании, свел с ним дружбу и заманил его в ловушку. Вероятно, террористов прежде всего интересовал бронированный, мощный автомобиль Денисона, который, кстати, и спас их после покушения".

В заключение майор Ишеддар сказал, что жена и слуги террориста были предупреждены о неудаче покушения предателями внутри гвардии и что он приложит все силы, чтобы изобличить этих предателей.

Джек Митчелл с соседней фермы воскликнул в микрофон: "Вот до чего доводит дружба с туземцами!"

О ван Роширене не было ни слуху ни духу.

В садах Кипарисовой долины продолжались поиски моего изуродованного трупа.

Поздно вечером два гвардейских броневичка появились перед замком на Бродячем Перевале и потребовали впустить их переночевать. Старый князь отказался, броневички выстрелили из гранатомета и отбили порядочный кусок от стены замка, после чего князь махнул рукой, и впустил их внутрь.

Носились слухи о его аресте.

- Как ты думаешь, - спросил Ласси у одного из спутников, - могли на ферме остаться те дарственные, с распиской от князя?

- Это я виноват, - сказал я. - Князь позвал меня ставить систему наблюдения, а я рассказал в секретном отделе, что князь купил ее через мятежников.

Поздно вечером один из журналистов добрался до моей жены. Агнес сказала, что это недоразумение и что она не верит, будто ее муж похищен. Репортер спросил, почему она не сказала гвардейцам, что ее муж поехал на туземную ферму, коль скоро она прекрасно знала, как обстоят дела. Агнес ответила, что после того, как полиция нанесла ей визит, она позвонила жене Ласси, Лине, и изложила ей все происшедшее. Лина сказала: "Он, наверное, назвал Рональду свое настоящее имя, и они вместе поехали в столицу к этому проповеднику". "А какое имя?" "Исан Красивые Глаза". "Они считают, что твой муж похитил Ронни, и я думаю, вам надо поскорее бежать".

И вот поэтому, когда гвардейцы 8 81 явились на ферму Л-асси через три ^ 1.1 часа, там все было уже пусто.

Репортер спросил:

- Зачем вы это рассказываете? Ведь это могут поставить вам в вину...

Агнес возразила:

- Майор Ишеддар уже заявил, что жена террориста была предупреждена изменниками среди его подчиненных, и уже обещал этих изменников выловить. Не стоит ему слишком усердствовать.

Я выключил приемник и спросил:

- Ласси, а как зовут человека, который занял твое место при полковнике?

- Рай Адан, - ответил Ласси.

- А скажи, ты хотел встретиться с ван Роширеном у князя Бродячего Перевала?

- Да.

- Но переменял свое намерение, испугавшись, что тебя схватят гвардейцы?

- Нет, - медленно сказал Ласси, - я переменял свое намерение, узнав, что у князя эту неделю гостит Рай Адан, а нам с Раем Аданом тесно, за одним столом, как двум патронам в одном стволе. - Он помолчал и добавил: - А с ван Роширеном я тогда повидался. Когда он пошел в столицу пешком, я удивился, переоделся батраком и повидался с ним по дороге.

Ночью началась гроза: вода хлестала по дороге и лилась водопадом вниз, от молний и фар вспыхивали мокрые головки камней в далеком ущелье. Один из парней едва не опрокинул

грузовичок. Наконец мы вышли из грузовичка и спихнули его в пропасть, а сами полезли охотничьими тропами вверх.

Когда мы переходили один из лысых, пологих, как тело ящерицы, хребтов, между хребтом и тучами летали коротконогие желтоглазые молнии. Дождь смыл все наши следы, как будто нас и не было на земле.

Почти через сутки мы вышли к нищей деревушке по ту сторону Сизого хребта. Над деревушкой торчал древний замок. В этот-то замок мы и и постучались и, после недолгих объяснений Ласси, были впущены.

Нас обчистили и накормили, а когда через полчаса мы вышли во двор, там уже крутил красным носом охотничий самолет.

Час мы летели над грозой, любуясь звездами, наклеенными в беспорядке на небосвод, потом нырнули в облака и стали снижаться. Самолет трясло, вокруг стояла густая стена тумана. Однажды она разорвалась, словно разрезанная большой бритвой, и я увидел крупный, немного обрубленный кусок луны и внизу горы, острые и лысые. Самолет стал заваливаться на крыло, заскользил вниз; на мгновение мне показалось, что по горам бежит его тень, но потом я сообразил, что тень лежит на одном месте и что это не тень, а другой самолет, разбившийся при посадке.

Потом мы опять вошли в туман. Через полчаса мы сели где-то на крошечном горном аэродроме. Люди в черных штанах и белых рубашках, опоясанные патронташами, окружили самолет. Мы прилетели к друзьям, но мне почему-то захотелось выйти из самолета с поднятыми руками.

Из-за облаков, нависших над ночными горами, все было окрашено в призрачный желтый свет. Летное поле расположилось едва ли не на уступе скалы, отделенное от пропасти мокрым лужком.

С противоположной стороны вдоль скалы лепились длинные глиняные домики, в каких зимой держат мелкий скот. Крыши их для маскировки были завалены ветками. Было ветрено и темно; в тумане вырисовывался часовой на деревянной башенке, и откуда-то доносилось бляенье овец.

Меня слегка развернули и вежливо подтолкнули к одному из домиков. Ласси со своими сопровождающими уже ушел вперед.

- А как же... - начал я.

- Иди.

Я пошел.

Я проснулся утром около семи. Стены комнаты из необожженного кирпича отсырели из-за вчерашнего ливня и были покрыты слоем размокшей глины. Часть глины сползла на пол и под постланные для меня подушки. Было слышно, как под деревянным полом копошатся морские свинки. Я испачкал холодной глиной брюки, куртку и лицо, вымок и потому проснулся.

Я вздохнул и принялся думать о нашем с Ласси положении. Я не знал, где мы - в учебном лагере, или у какого-нибудь мятежного князя, или у самого полковника, но в любом случае сказать, что мы находились среди друзей, было бы преувеличением.

Люди полковника ничуть не походили на местных князей, которые воют очень хорошо, пока им никто не приказывает. Изо всех постулатов старинной ереси исиннитов нынче

сохранилось лишь два: постулат беспрекословного повиновения старшему по званию и постулат незамедлительной кары за своевольные действия. Ласси, как бы высоко он ни стоял в иерархии мятежников, был троекратно виновен. Он самовольно назвал мне свое имя. Сделав это, он обратился за приказом не к своему учителю и родственнику, а к заезжему святому. Он рассказал этому святому вещи, которые отнюдь не красили борцов за свободу, и намеревался повторить их во всеуслышание. Его выходка привела к тому, что тщательно спланированное покушение на Президента было сорвано, трое людей, преданных полковнику, мертвы, а самый драгоценный агент полковника сидел, скорее всего, напротив майора Ишеддара и рассказывал то, что ему никак не полагалось рассказывать. К тому же Ласси, видимо, еще три месяца назад поругался с руководством мятежников.

Насколько опасным было его положение, можно судить по нашему странному бегству. У полковника были друзья гораздо ближе к столице, тем не менее Ласси поволок нас бог знает куда, через горы, где трижды можно было убиться... Почему? Потому что хотел добраться до человека, который не воспользуется случаем, чтобы расстрелять попавшего в немилость племянника немедленно. И ближе, чем по другую сторону Сизого хребта, такого человека не нашлось.

Тут мои размышления прервались - в дверь постучали. Стражник помотал головой и шевельнул автоматом, дверь открылась.

Молодой парень в черных штанах и белой рубашке поклонился мне и пригласил следовать за собой. Я сказал, что хотел бы вымыться и переодеться. Принесли черные брюки и белую рубашку. Охранники, кланяясь, подали ботинки. Мы вышли на утреннее солнышко, и меня повели к небольшому домику, втиснувшемуся между скал.

- А где Ласси? - спросил я.

Никакого ответа. Забавное это ощущение, когда не знаешь, на завтрак тебя ведут или же на расстрел.

У порога домика меня заставили снять обувь и распахнули дверь в комнату направо. Комната была низенькая, с двумя щелями для света в потолке и большим дубовым столом посередине. Возле стола - десяток коротконогих стульев. На стене - обшитая мехом картина: полководец Исинна, коленапреклоненный, преподносит великому царю Дасаку захваченный город. Полководец крепко держал город в руках. Город походил на торт с кремовыми башенками. Царей, принимавших город, было сразу двое. Один царь протягивал руку и улыбался, принимая от своего любимца город с кремовыми башенками. Другой царь вытаскивал из-за пояса кривой меч. Вернее, это был один и тот же царь Дасак IV, а картинка символизировала его двуличие.

За столом посередине комнаты сидел человек и ел яичницу. Ему было лет сорок на вид, он был сухощав и подтянут, с тонким, чуть удлинненным кверху лицом, с широким лбом и большими глазами цвета желтой осенней листвы верная примета того, что человек болен вечерней лихорадкой. На левой руке его не хватало двух пальцев. На нем была белая шелковая рубашка, расстегнутая у ворота.

- Здравствуйте, - сказал он, - меня зовут полковник Исинна.

За спиной полковника висел отрывной календарь. На календаре была изображена цифра 236 - до официального признания мятежников оставалось тридцать два дня.

Глава седьмая

Полковник спросил, что я предпочитаю на завтрак, и я ответил, что полагаюсь на гостеприимство хозяина. Мне принесли то же, что и полковнику, - поднос с перепелиной

яичницей, лепешками и козьим сыром. На этот раз я был довольно голоден и с удовольствием принялся за яичницу.

Я покончил с яичницей, полковник налил мне полную кружку дымящейся вирилеи и спросил:

- Я хотел бы услышать вашу версию того, что произошло.

Я стал рассказывать. Я старался быть чрезвычайно убедительным. Я призвал на помощь весь свой талант рассказчика, зная, что от моего языка зависит жизнь Ласси и моя собственная. Полковник откинулся на спинку стула и пристально глядел на меня своими желтыми, как головка сыра, глазами. Потом махнул рукой.

- Хватит. Вы говорите то же, что и другие.

- Мы договорились рассказывать правду, - возразил я.

- Откуда я знаю, о чем вы договорились - лгать или рассказывать правду? - резонно заметил полковник.

Судя по реплике полковника, ни Ласси, ни тех троих еще не пытали. Иначе бы он был уверен, в чем мы договорились. Полковник побарабанил пальцами по столу и спросил:

- Вы - сотрудник отдела безопасности "Анреко"?

- Нет, - сказал я, - я начальник отдела связи.

- А что может доказать, что вы не подрабатываете по совместительству шпионом?

- У меня нет на это времени, - сказал я.

Полковник полез в ящик стола, достал оттуда папку, а из папки несколько фотографий.

- Кто это?

- Глава отдела безопасности Антонио Серрини.

- А это?

- Его секретарь.

- А это?

- Один из сотрудников. Его, кажется, зовут Ремис. Майкл Ремис.

- А это?

- Джонатан, двоюродный брат Ремиса.

Полковник бросил снимки в папку.

- Вы отлично знаете всех этих людей, и тем не менее вы не шпион.

Я разозлился.

- Я отлично знаю всех этих людей потому, что эти люди пользуются электроникой, за которую отвечаю я. Как специалист я получаю в десять раз больше, чем получал бы у Серрини.

- И поэтому, - сказал полковник, - если бы речь шла о какой-то нестандартной операции секретных служб, лучшего кандидата, чем вы, трудно было бы найти? Например, если бы

кому-то понадобилось разыграть роль землянина, который вдруг усовестился своих соплеменников, начинает вести себя, как добрый христианин, и заводит дружбу с туземцем.

- Никакой я не христианин, - сказал я, - так получилось.

- Да, - сухо сказал полковник, - так получилось, что друг начальника отдела безопасности вдруг становится другом моего племянника... Жаль, что вы не отыскиали себе другого друга среди туземцев...

- Очень жаль, - сказал я, - потому что, если бы Ласси не был вашим племянником, мы бы сейчас как раз начинали собирать урожай... А собирать вирилею, знаете ли, приятней, чем беседовать с вами.

За дверью зашебуршились.

- Войдите, - сказал полковник.

Дверь отворилась, на пороге стояли пять человек, - видимо, верхушка мятежников. Они расселись вокруг стола, и по правую руку от полковника возник человек с невзрачным лицом и маленькими белыми руками, имевший вид скорее бухгалтера, нежели террориста. Он сел за стол и принялся обкусывать ногти, глядя на меня не без ехидного удовольствия. У него была рыжая борода и черные курчавые волосы - редкая особенность, свидетельствующая, по мнению местных знахарей, о врожденном лукавстве. Человек, по-видимому, гордился своим врожденным лукавством, коль скоро не брил бородку. По этой примете легко было узнать Рая Адана, врага Ласси.

Полковник встал и, расхаживая по комнате, начал:

- Секретный сотрудник отдела безопасности Рональд Денисон предложил своему начальству операцию "Проповедник", План операции был такой: создать ван Роширену искусственную популярность, заставить "этих грязных туземцев" заинтересоваться его болтовней или колдовскими способностями и добраться через ван Роширена до "главы террористов".

Мой племянник проявил непростительную поспешность, захотев встретиться с ван Роширеном в замке у Бродячего Перевала. Я приказал ему оставить это дело. Он сделал вид, что выполнил приказание, но, услышав, что проповедник отправился с места свидания пешком, не устоял перед искушением и повидался с ним, разумеется, как случайно встреченный фермер.

Служба безопасности составила список всех, с кем встречался ван Роширен, и нашла след Исана Красивые Глаза.

Когда Рональд Денисон обнаружил, что его сосед по ферме - племянник самого полковника и человек, видимо, равнодушный к проповедям, план операции был изменен. Денисон подружился с соседом, стал делать ему дорогие подарки и оказывал услуги, мотивируя такое необъяснимое в землянине изменение благотворным влиянием проповедника. Наконец этот глупец Исан признался во всем. Денисон рассчитывал, что вслед за этим Исан добровольно расскажет ему о вещах, о которых бы молчал даже под пыткой, но попался в собственную ловушку. Исан заметался, не будучи приучен поступать самостоятельно, и, чувствуя, что натворил бед, бросился спросить совета у ван Роширена. Его телохранители не спустили с Денисона глаз, и тот не сумел уведомить свое начальство.

Ван Роширен не был посвящен в планы отдела безопасности, но этот агент компании сразу увидел возможность для потрясающей саморекламы. А ведь ван Роширен живет саморекламой - это его способ добывания денег. Он представил себе впечатление, которое произведет публичная исповедь этих двоих Денисона и Исана. Он сразу сообразил, что

Денисону не в чем признаваться, кроме как в христианской добродетели и просветлении души. Что же касается Исана Красивые Глаза, то его исповедь как нельзя более своевременно выливает ушат грязи на головы мятежников.

Когда после вашего ухода ван Роширен известил своих покровителей из отдела безопасности, те пришли в ужас. Антонио Серрини связался с начальником охраны Президента. Президент, вернее, его пустая машина без предупреждения выехала к Облачному Храму. Сопровождавшие ее гвардейцы обстреляли вас, но дали вам уйти. Они понимали, что Ласси, невзирая на опасность, отправится прямо ко мне, потому что в любом другом месте его тут же убьют. И вот вы здесь.

- И где же мой хвост? - спросил я.

- Ласси ушел от него, - сказал полковник. - Они нашли разбитую машину в горах и решили, что вы свалились в пропасть.

Полковник сел, взглянул на часы и чуть заметно кивнул Раю Адану. Рай Адан положил правую руку на стол и вытянул большой и указательный пальцы. Остальные один за другим сделали то же самое. Этим жестом великий царь и его совет выносили смертный приговор.

Полковник подошел к двери и подозвал пару охранников. Я взял со стола кусок лепешки, который недоел, и молча стал его жевать. Покончив с лепешкой, я встал, и охранники отвели меня в определенный мне домик.

В середине дня в домик явился Рай Адан, правая рука полковника, и лично обыскал меня с головы до ног. Вел он себя по-хамски.

Рай Адан и Ласси не выносили друг друга. Поэтому, когда Ласси ненавидел землян, Рай Адан был их защитником, а теперь дело обстояло наоборот.

Охранники развели огонь и принесли новые подушки. Глина на стенах высохла.

Я валялся в подушках и думал об Агнес, о Дене, о Ласси и о том, что весь урожай вирилеи наверняка пропадет. И еще: стоит залететь в эти места любому двухмоторному кукурузнику, как его собьют, и даже если террористы не найдут внутри ничего, кроме горшка с кислым молоком и двух старушек, горшок они посчитают замаскированной атомной бомбой, а старушек - переодетыми десантниками.

На следующее утро пришел Ласси. Мы обнялись, и он сказал:

- Я уезжаю. Хочу попрощаться.

- Полковник простил тебя?

Ласси пожал плечами:

- Неужели ты думал, что мой дядя меня казнит?

Я похолодел. Конечно, его не казнят. У полковника мало столь преданных людей, чтобы переводить их без всякой выгоды для дела. Его не казнят. Ему прикажут взорвать мост через Белые Воды или подложить бомбу под президентский дворец. Завтра люди прочитают в газетах, что Исан Красивые Глаза, племянник полковника, возглавивший три дня назад покушение на Президента, повторил свою попытку и погиб.

- Есть возможность вернуться живым?

- Постараюсь, - сказал Ласси.

- Это не ван Роширен?

Ласси повернулся и вышел.

Через час после его прихода опять пожаловал Рай Адан и опять обыскал меня и всю комнату, чтобы убедиться, что Ласси мне ничего не передал. Я сказал ему, чтобы он не валял дурака, и он с удовольствием ударил меня по лицу.

Впрочем, когда я попросил, он дал мне радиоприемник. Весь день я валялся в подушках и слушал радио.

О Ласси еще ничего не было. Говорили обо мне, и тон комментариев заметно изменился. Три дня назад я был похищен. Подло выкраден, истерзан и убит. Полиция искала мой обезображенный труп.

Теперь об обезображенном трупе не вспоминали. Майор Ишеддар выразил подозрение, что я был не похищен, а подкуплен.

Мой сосед Джек Митчелл сказал в интервью: "А мы-то думали: чего он ездит к этому туземцу? А он продавал секреты компании и ездил к нему за инструкциями". Барбара Лиддел прибавила: "Я всегда говорила мужу: ты посмотри, мы столько же получаем и так же работаем, а живем вдвое хуже Денисонов. Откуда у него лишние деньги? От террористов".

Этьен Лади, которого я уволил из отдела за систематические прогулы, сказал: "Я давно почувствовал, что в отделе что-то неладно. Но стоило мне об этом заикнуться, как Денисон вышвырнул меня на улицу".

Только Сартори защищал меня: "Денисон был отличный парень и действительно подружился с этим туземцем. Он, наверное, выболтал ему что-нибудь, террористы загнали его в угол, и после этого Денисону ничего не оставалось, как выкладывать и выкладывать информацию".

Словом, три дня назад я был жертвой, а теперь стал предателем. В моем доме были найдены изобличающие меня документы. Моя жена заявила, что документы подсунуты Ишеддаром. Ишеддар заявил, что Агнес, возможно, моя соучастница. Он сказал, что Агнес будет арестована, если я в ближайшее время не сдамся властям.

Даже если бы я хотел сдать властям, это было бы весьма затруднительно сделать.

По радио повторили какую-то из старых проповедей ван Роширена. Он сказал: "Вы сидите в клетке и видите это. Но присмотритесь - и вы заметите, что сидите в клетке с открытой дверью".

Я присмотрелся и открытых дверей не заметил.

В полночь меня разбудил минометный выстрел, один и другой. Стражники без церемоний опрокинули меня на спину, надели мне на ноги деревянную колодку и выскочили наружу.

Я немедленно принялся возиться с колодкой. В лагере царил страшный переполох. Собаки в клетках и без клеток заливались злобным лаем. Колодка в моих руках уже начала побрякивать.

Стрельба стихла. Стражники вернулись и позвали Рая Адана. Тот оглядел сломанную наполовину колодку, холодно усмехнулся и ушел.

Партия из пяти человек отправилась в горы, и на рассвете причина переполоха выяснилась: камни.

Камни в здешних горах иногда взрываются. Все дело в составе атмосферы и вулканических газах, заключенных в камне, как в пузыре. Камни лопаются не хуже гранаты, разбрасывая во все-стороны осколки, окрашенные на конце в характерный сине-голубой цвет. Эти осколки годятся на талисманы.

Днем под окно явился человек из поисковой партии и выменял на свежий осколок два патрона.

Этот случай навел меня на кое-какие размышления. Я взял осколок в руки и сказал:

- Я, конечно, мог перепутать это с минометом. А что же ваша система слежения?

Охранник ткнул пальцем в собаку, у порога вилявшую коротким хвостом.

- Вот наша система слежения, - сказал он.

Делать мне весь день было нечего, кроме как слушать радио и смотреть в окно.

За окном трое террористов принялись сооружать помост и виселицу. Видно было, что они чаще держали в руках автомат, нежели топор. Я не выдержал и стал покрикивать на них и командовать. Но к вечеру виселицу построили.

В этот день я, наконец, услышал по радио ван Роширена. Тот рассказал все, как оно было, умолчав лишь об одной исповеди Ласси.

Загадка трехдневного молчания ван Роширена объяснялась просто. Увидев, что меня и Ласси на проповеди нет, он решил, что мы трусили, и помолился за наше спасение. О том, что произошло, он узнал лишь через два часа. Он тут же позвонил в охрану Президента и, едва положив трубку, обнаружил под своими окнами гвардейскую машину, на которой его и увезли к майору Ишеддару.

После двухдневных препирательств - майор все интересовался, в чем собирался публично каяться Ласси, а ван Роширен возражал, что он не может покаяться за другого, как не может сходить за другого к зубному врачу, проповедника выпустили. Но было уже поздно: почву хорошо подготовили, и запоздалый рассказ ван Роширена прозвучал нелепо.

Правительство стояло на своем. Объяснения ван Роширена? Либо он лжет для рекламы, как это у него в обычае, либо два негодяя, Денисон и Исан Красивые Глаза, использовали проповедника, чтобы облегчить свое покушение. Он стоит на своем? Да он, наверное, просто сумасшедший! Рассказ о покушении его потряс, ему показалось, что террористы были у него. Ведь этот человек, по его собственному признанию, страдает видениями! Он не в состоянии отличить того, что кажется, от того, что есть! И этакий-то безумец берется указывать путь другим!

Словом, Господь, как всегда, действовал через всех - и через тех, кто ему повинуетя, и через тех, кто не повинуетя. Позавчера благодаря Ему я стал предателем, а сегодня благодаря Ему ван Роширен стал сумасшедшим.

Единственный, кому не повредила эта история, - князь Бродячего Перевала. Президент извинился перед ним за минометный выстрел и пожаловал ему, извинения ради, три туземные фермы и леса по склонам Оранжевой горы. Трудно было сказать издалека, в чем дело: дал ли старый князь взятку в министерстве, чтобы его связи с мятежниками были представлены в самом невинном виде, или, наоборот, пригрозил, что открыто примет сторону полковника, если Президент основательно не извинится.

Вечером Рай Адан, начальник охраны, навестил меня и поинтересовался, не возражаю ли я отобедать завтра в обществе полковника. Я показал на окно, за которым красовалась

виселица, и спросил:

- А это для кого строили?

- Уж наверное, не для меня, - процедил сквозь зубы похожий на бухгалтера террорист.

Я спросил:

- А где Ласси?

Рай Адан погладил свою черную бородку:

- В долине Четырех Черепах.

- Вот оно как, - сказал я.

- Вот оно так, - повторил наставительно Рай Адан и вышел.

Ван Роширен вот уже неделю приглашал всех желающих на проповедь в долине Четырех Черепах.

В обеденной комнате оставалось все, как прежде. Дубовый стол был накрыт скатертью с вышитыми гуляющими павлинами и уставлен серебряной посудой. Возле стола стояло шесть стульев, а под ними - праздничная циновка, украшенная синими полосами и золотыми звездами. На стене висела все та же картина с двуличным царем, а немного слева от нее поставили телевизор. Телевизор рекламировал зубную пасту.

Полковник сел напротив телевизора. Рай Адан, его любимец и начальник его охраны, сел крайним справа, а меня посадили по левую руку Рая Адана.

Зубная паста кончилась, на экране появилась симпатичная девица. Очаровательно улыбнулась зрителям и сообщила:

- Сегодня четвертый канал с удовольствием выполняет многочисленные просьбы зрителей и ведет прямую трансляцию воскресной проповеди господина ван Роширена из долины Четырех Черепах. Сейчас вместе с вами мы окажемся на центральной площади храмового комплекса, знаменитого своими чудесами и историческими событиями.

Охранники расставили горшки с овощной похлебкой и положили на стол горку лепешек. Два человека втащили за ушки в комнату позолоченное по краям кожаное блюдо, наполненное фасолью и всяким мясом: свининой, бараниной, крольчатинной и крысятиной. Сверху все было посыпано козьим сыром. Рай Адан спросил меня, какое мясо я предпочитаю. Я сказал:

- На ваш выбор, только не крысу.

Рай Адан улыбнулся и положил мне кролика.

Полковник ел аккуратно и с удовольствием, время от времени взглядывая на экран.

На экране возник круглый храмовый двор с большими подмостками посередине: вогнутые крылья храмовых павильонов стягивали двор, как обручем, и многочисленные боги из розового дерева и камня, обнаженные и одетые, дремлющие и пляшущие, замерли в недоумении, глядя на деревянный крест посередине помоста.

Двор был набит народом, люди свисали из храмовых окошек, как гроздь винограда в хорошее лето.

На помост вышел ван Роширен. На этот раз он был не в сером костюме, а в каком-то платье,

синем, с откинутым капюшоном и с белым воротником, который висел, как заячьи уши, до пола. Он улыбался, как кошка на солнышке.

Вдоль проходов меж храмовых павильонов скучали в парадной форме гвардейцы. Они стояли слишком далеко, чтобы спасти ван Роширена в случае покушения. Они стояли в самых хороших местах, чтобы поймать убийцу.

Ван Роширен стал говорить, он говорил долго, а временами читал из своей большой золоченой книги.

Большинство проповедей ван Роширена походило на лекции: он брал какую-то заповедь и излагал ее, как теорему, а вместо доказательства рассказывал притчу. На этот раз он рассказал притчу о том, что следует прощать не до семи, но до семидесяти семи раз. Это была притча о должнике, который задолжал царю десять тысяч талантов, но царь по слезной его мольбе простил ему долг. Тот же, выйдя на улицу, схватил другого, который был должен ему сто динариев, и посадил в темницу.

- Тогда, - сказал с экрана ван Роширен, - царь, изумившись, призвал его. Как же так: сам владыка простил ему огромный долг в десять тысяч талантов, а он требует с такого же, как он, сто динариев.

Судя по названиям принятой в то время валюты, это была очень старая история. Но, видимо, люди с тех пор не очень изменились.

Я сидел и бессмысленно смотрел в свою тарелку.

- Господин Денисон, вам не нравится проповедь? - спросил полковник.

- Господин Денисон современный человек, - холодно усмехнулся Рай Адан. - Он полагает, что если Бог и заключил с человечеством контракт, то сорвал все сроки по его выполнению. Этот контракт давно недействителен, а с Бога причитается неустойка.

- А я думал, - удивился человек напротив меня, - господин Денисон верит в Бога.

- Вы всегда думаете глупости, Ланно, - сказал Рай Адан.

Ван Роширен на экране недоуменно поднял руки. '

- Как же так, - сказал ван Роширен, - получилось, что тот самый человек, который был должен десять тысяч талантов золотом - а это невероятная сумма, - стал терзать другого за грош? Почему он забыл о своем долге тому, кто стоял над ним, и помнил только о крошечном, ничтожном долге, который, однако, давал ему власть мучить другого, тащить его в тюрьму, одним словом, распоряжаться другим человеком? Почему этот человек забыл о своей вине, а о чужой вине помнил?

- Тю, - сказал Ланно, - это что же он говорит, что мы виноваты не меньше, чем Президент? Можно я его выключу?

- Не надо, - проговорил полковник, - его и так сейчас выключат.

Я выронил вилку. Рай Адан наклонился и поднял ее.

- Не роняйте вилку, господин Денисон, это плохая примета.

На экране ван Роширен схватился за голову:

- И что же случилось дальше? Царь отдал этого человека истязателям, чтобы те требовали

с него большой долг, как он требовал со своего брата малый.

- Вы сволочь, - громко сказал я полковнику, - вы послали Ласси на смерть. Посмотрите, сколько охраны!

Двое из обедающих вздрогнули и с интересом посмотрели на экран. Очевидно, они не знали, куда послан Ласси.

- Да, - сказал полковник, - охранников, словно пчел в улье. Первый раз майор Ишеддар поставил своих людей охранять ван Роширена. И вы только посмотрите, где они стоят! Похоже, майор хочет скорее поймать убийцу, нежели уберечь праведника!

- И Господь, - сказал ван Роширен, - поступит с нами также, как царь поступил с должником, если мы поступим так же, как этот должник.

- А вы что не едите, господин Денисон, - насмешливо спросил мой сосед, Рай Адан. - Это позор хозяевам, если гость сидит голодный.

И любимец полковника рассеянно потянулся к блюду с мясом, выбирая кусочек получше. Рука его мелькнула передо мной, у меня в руках была двузубая вилка, я молча поднял вилку и изо всей силы ткнул ею в ладонь Рая Адана.

Реакция террориста была молниеносна: он отдернул руку, и вилка вонзилась в дубовый стол. Я потерял равновесие и больно ударил локоть. Рай Адан, вскочив, одной рукой прижал мою левую руку к столу, а другой крепко и страшно ударил меня в челюсть. Я закатил глаза и ударился о стол, навалившись спиной несобственную тарелку. Я брыкнулся: тарелка выскользнула из-под меня, полетела на пол и, подпрыгнув, раскололась на две половинки. Рай Адан сгреб меня за шиворот и сказал:

- Экий стервец! Еще не напился, а тарелки бьет!

Он ударил меня коленом в живот, и я полетел в угол, к старинной картине, обшитой мехом, изображавшей двуличного царя и полководца Исинну, подносящего царю город.

Я встряхнулся и сказал:

- Для бухгалтера вы деретесь неплохо.

Рай Адан подскочил ко мне и ударил меня еще раз. Картина затрепетала, город с розовыми башенками заколебался в руках Исинны и повалился со всеми своими домами и площадями мне на голову.

- Вы думаете, - закричал где-то ван Роширен, - Бог прощает все и вся? Если бы Он прощал все, не было бы ада. Кто попадает в ад? Те, кого не простил Бог. Кого не прощает Бог? Тех, кто не прощает друг другу.

Я открыл глаза и выбрался из-под обломков нарисованного города. Город по-прежнему висел на стене.

Ван Роширен с экрана ткнул в меня пальцем.

- Кто ты такой, - сказал ван Роширен, - что ненавидишь врага? Кто ты такой, что ненавидишь соседа? Все мы предстанем на суд Христов: и тот, кто прощал, будет прощен, а осуждавший будет осужден.

Двери напротив меня распахнулись.

- Гвардейцы! - заорал кто-то.

Но это были не гвардейцы. Это Ласси с товарищами, Ласси в желтом халате дорожного рабочего. В руках он держал автомат с насечкой - в виде кленовых листьев, выложенных синей эмалью и золотом.

Рай Адан поглядел на ван Роширена, который продолжал проповедовать с телеэкрана, и усмехнулся.

- Так, - сказал он Ласси, - ты, я вижу, совсем забыл, что такое приказ.

- "Отвергнувши ложь, - прочитал ван Роширен из золоченой книги, говорите каждый истину ближнему своему, потому что мы члены друг другу. Гневаясь, не согрешайте, солнце да не зайдет во гневе вашем; и не давайте места дьяволу".

Ласси подошел к полковнику и положил перед ним на стол пачку бумаг.

- Да, - сказал Ласси.

- Сукин сын, - заорал Рай Адан, выхватывая пистолет.

В тот же миг раздался выстрел; Рай Адан выронил оружие и схватился за окровавленную руку. Полковник выстрелил снова. На этот раз пуля вошла в живот. Любимец его рухнул на циновку, украшенную синими полосами и золотыми звездами.

Полковник взял свой стул, повернул его спинкой к столу и сел. По его кивку Ласси накинул на шею Рай Адана веревку и подтащил его к ногам своего дяди.

- Когда, - сказал полковник, - из-за Исана и Денисона были арестованы мои люди в окружении Президента, я сразу подумал: "Почему их так быстро схватили? Не иначе, как кто-то давно их предал!" Но кто же предатель, если о них знали только двое - ты и я?

Начальник охраны корчился на циновке, украшенной синими звездами и залитой красной кровью. Левой рукой он вытащил из-за пояса нож, но приподнять руку сил не имел. Ласси наступил ему на запястье, и он выронил нож.

- Всякое раздражение, - сказал за нашими спинами ван Роширен, - и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены. от вас; но будьте друг к другу добры, сострадательны; прощайте друг друга, как и Бог во Христе простит вас.

Ласси ударил начальника охраны в рот сапогом и сказал:

- Тварь! У Синего Брода я вытащил тебя из огня! Без моей поддержки ты никогда бы не занял этот пост! А ты?! Сначала из-за твоих доносов меня выкинули из пятерки, а потом ты при первой же возможности послал меня на смерть?

Начальник охраны хрипел и хватал полковника за ноги.

Ван Роширен сказал с экрана:

- Есть закон сохранения добра. Только добро не пропадает и сохраняется вечно. Мало не творить зла - надо прощать врагов. Мало прощать врагов надо забывать, что они враги.

Полковник схватил бумаги, которые принес Ласси, и стал бить умирающего по лицу.

- Ты думал, - орал он, - я послал Исана убить этого блаженного? Я послал его совсем в другое место! Как тебя звали собаки из тайной полиции? "Белым Желудем"?

- И еще он сказал: "Прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши; если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших".

Рай Адан наконец перевернулся на спину. Полковник махнул рукой. Ласси вынул револьвер и стал неторопливо всаживать одну за другой пули в своего бывшего врага.

Ван Роширен на экране продолжал проповедовать мир и согласие.

До предельного срока оставалось двадцать восемь дней.

Глава восьмая

Наутро я завтракал с полковником один на один. Телевизор в углу молчал. На полу лежала новая циновка, расшитая по белому фону малиновыми шишками и отороченная полоской из меха выдры.

- Что, - спросил я, - больше не считаете, что я платный агент Президента?

Полковник аккуратно очистил яичко.

- Да, - согласился он, - как бы ни обстояли дела в действительности, мы сейчас считаем именно так.

- И кто же у вас теперь начальник охраны?

- Как - кто? Мой племянник.

Вот так. Полковник велел пристрелить одного начальника охраны и сделал начальником охраны того, кто пристрелил первого. Один начальник охраны был предателем. Полковнику политически невыгодно слишком часто разоблачать предателей в своем окружении. Если я воистину шпион, это наносит слишком большой удар репутации Ласси, а следовательно, и полковника. Поэтому меня временно вычеркивают из списка шпионов. Истина никого не интересует. Полковнику она нужна не больше, чем Президенту.

Я спросил:

- А когда вы начали подозревать Рая Адана?

- Довольно давно. Но самую большую ошибку он сделал, предложив убить этого проповедника, ван Роширена. Тот довольно популярен - это убийство помогло бы правительству и скомпрометировало нас. А когда я убедился, что проповедника впервые охраняют гвардейцы и что охрана расставлена так, чтобы схватить убийцу, а не так, чтобы спасти ван Роширена, я понял, что Рай Адан решил оказать своим хозяевам двойную услугу.

Я посмотрел полковнику прямо в глаза.

- Я не верю, - сказал я, - чтобы Рай Адан продавал нас полиции. Я думаю, что он просто зарился на ваше место.

- Можете думать, как вам удобней, - ответил полковник.

Как уже было сказано, Ласси не убивал ван Роширена и не собирался этого делать. Он всего лишь ограбил департамент полиции.

Каменное пятиэтажное здание департамента полиции на улице Каштанов было окружено стройными кипарисами, подтянутыми часовыми и системами слежения, гостеприимно выглядывающими из ветвей кипарисов. Окна здания были забраны стальными решетками

поверх темных стекол.

Утром, в семь часов, когда первые служащие робко проходили на работу, взмахивая пропусками, к зданию департамента подкатил ремонтный фургон, и рабочие в желтых халатах стали выгружать из него прелестные фигурные решетки, изображавшие различные сцены из жизни Президента и его царственных предков. Президент на решетках был посеребрен и ярко сверкал. Служащие кидали на решетки многозначительные взоры и сообщали друг другу, что они всегда чувствовали, что грубые стальные решетки - это вульгарно. Словно ты не следователь, а арестант. Арестант в своем собственном кабинете. Они выражали крайнее удовлетворение решетками с посеребренным Президентом. Посеребренный Президент удовлетворял все их эстетические и гражданские потребности.

Между тем рабочие приступили к установке решеток, и, естественно, чтобы установить решетки с серебряным Президентом, им понадобилось снять решетки простые. В два часа они опрезидентили весь первый этаж и добрались до второго, на котором располагались кабинеты директора департамента и его первого заместителя. К этому времени система сигнализации в здании была отключена, потому что она начинала орать, стоило рабочим прикоснуться к решеткам.

Никто из высшего начальства не поинтересовался, по чьему приказу ставят новые решетки. Дело в том, что директор департамента полиции и его заместитель враждовали друг с другом и доносили друг на друга Президенту. Он одобрял эту вражду, так как благодаря ей мог быть твердо уверен, что если один из начальников департамента изменит ему, другой непременно об этом донесет.

Директор и заместитель увидели рабочих, и каждый из них решил, что это - инициатива его врага. Каждый из них сообразил, что в этом деле лучше не возражать, потому что потом твои возражения представят таким образом, будто ты протестуешь против решеток, украшенных изображением Столпа Государства и Ворот Благодичия.

Ласси и его товарищи выдвинули из ремонтной машины лестницу, дошли по ней до кабинета директора и стали свинчивать решетку.

Директор не успел утром позавтракать и, кроме того, был раздосадован новой интригой заместителя. Поэтому он сидел один, запершись в кабинете, и кушал банановую водку. Ему надоело пить одному, он открыл окно и предложил Ласси пить вместе. Ласси и его люди обрадовались, влезли в окно и спросили директора о важных доносах, поступавших за последние сутки в департамент. Директор засмутился и стал спрашивать, какие у них доводы, но Ласси вытащил из слесарной сумки автомат и ткнул его этим доводом в зубы. С такими доводами они быстро переспорили директора департамента полиции, он оказался на удивление сговорчивым человеком.

Быстро выяснилось, что вчера в департамент поступило известие от агента по кличке Белый Желудь. Агент извещал, что завтра в долине Четырех Черепах Исан Красивые Глаза будет убивать Арнольда ван Роширена. Директор департамента не знал, кто такой Белый Желудь. Зато Ласси очень хорошо знал, что, кроме начальника охраны полковника Рая Адана, ни один человек в мире не считал, что он, Ласси, должен убить ван Роширена.

У директора департамента был просторный кабинет с мебелью, затянутой белым шелком, и круглым стальным сейфом в углу. На стене, над столом, висел портрет Президента, спускающегося с небес на расположенном наподобие ковра национальном флаге, и целая коллекция оружия. На столе стоял выключенный компьютер.

Директор открыл им секретный сейф. В сейфе были бутылки с виски и несколько книжек из числа непристойных. На нижней полке маялись две или три тощие папки. Там же стояли две дискетницы с десятком дискет.

Ласси и его люди взяли с собой дискеты, виски и папки и сняли со стены понравившееся им оружие. Директора они на всякий случай пристрелили.

На следующий день мы с Ласси сидели на веранде глиняного домика и пили виски из кабинета директора департамента. Виски было превосходное.

- А что же дискеты? - полюбопытствовал я.

- Испорчены, - сказал Ласси. - Мы попытались их прочесть, но там была защита, и мы все стерли.

- Хорошенькие у вас специалисты.

Ласси помолчал и сказал:

- Ты не мог бы попытаться восстановить то, что они стерли?

- А не стоило, - спросил я, - позвать меня с самого начала, до того, как ваши неспециалисты все стерли?

- Нет, - ответил Ласси, - не стоило. Это преданные полковнику люди, и они испортили дискеты по невежеству, а не от злого умысла. А представь себе, что ты начал бы работать и тоже все испортил - опять пошли бы ненужные разговоры.

- Ты понимаешь, - спросил я - что донос о покушении на ван Роширена ничего не значит? Рай Адан мог и не предавать полковника. Он мог донести один-единственный раз на тебя и воспользоваться для этого кличкой уже известного ему предателя.

- Не очень-то это честный поступок, - сказал Ласси. - Такие дела полагается решать между собой, не прибегая к помощи полиции.

- Может быть, они хорошо сделали, что загубили дискеты, - сказал я. Вдруг на дискетах окажется информация, которая оправдает Рая Адана.

- Ты посмотри на эти дискеты, - ответил Ласси, - а потом мы подумаем, что делать дальше.

К вечеру в глиняный домик, где я сидел у монитора, пришли полковник и Ласси. Я вышел на веранду, и мы сели вокруг плетеного столика. Я сел так, что мне были видны розовые верхушки гор и склоны измятые, как простыня. Над горами висели облака. Их верхняя кромка была цвета простокваши, а нижняя розовая от заходящего солнца.

- Вы плохо выглядите, - сказал полковник.

- У вас отвратительные мониторы. У меня болит голова.

Я вынул из кармана переписанную дискету.

- Вы ее восстановили?

- Да, - сказал я.

- Что это?

- Порнография. Компьютерная графика. Пауки, насилующие девушек, и прочее в том же роде.

Полковник едва заметно поднял брови. Ласси брезгливо пожал плечами.

- И это все?
- Полиция перехватывала и расшифровывала всю вашу корреспонденцию.
- Из-за предателей? - спросил полковник.
- Из-за шифров.
- Чем плохи наши шифры?
- Я их уже встречал.
- Где?
- В популярных журналах, в разделе "Разгадай на досуге".

Полковник глядел на меня пристально и не мигая. Окрашенные розовым облака отражались в его глазах, и глаза его тоже стали розовыми.

- Сначала я решил, что это радиоигра. Что полиция попала на вашу уловку. У меня ограниченное воображение. Я не мог себе представить, что повстанцы переговариваются со своими базами только что не по телефону. Вы что-нибудь слышали о цифровых системах связи и о ЕСМ? - спросил я.

Глаза полковника из розовых стали красными, а рука поползла к кобуре под мышкой.

- Три месяца назад, - сказал Ласси, - мы купили систему связи "Харлекс". Человека, который ее купил, звали Ричард Таш. Он учился на Земле и отказался от блестящей карьеры, чтобы служить нашему делу. Месяц назад он погиб в нелепой перестрелке. Это был блестящий специалист.

- Я знаю, - сказал я, - мне пришлось заканчивать за него работу в замке Бродячего Перевала. Я воспользовался одной из его идей для "Павиана".

- А теперь, - сказал Ласси, - у нас есть "Харлекс" и нет ни специалистов, ни документации, чтобы он заработал.

- Замолчи, - сказал полковник.

- А где документация? - спросил я.

- Сгорела вместе с Ричардом Ташем, - ответил Ласси.

- Я бы хотел посмотреть на то, что осталось...

Закупленное Ташем оборудование стояло в картонных коробках в домике с глиняными стенами и травяной крышей. Тот же ливень, который превратил в жидкую грязь три дня назад стены моей тюрьмы, размочил и стены склада. Глина стекла вниз, и ящики с миллионным оборудованием были намертво приклеены к полу. Углы их обвисли и оттопырились вверх. Можно подумать, у мятежников не умеют расстреливать. Если у них умеют расстреливать, почему бы им не расстрелять интенданта, который так хранит ящики с миллионным оборудованием?

Через три часа я сидел под травяным навесом среди развороченных коробок. Была уже ночь. Липкая лента, склеивавшая коробки, сверкала под луной, и они выглядели, как огромные квадратные зебры. Небо было черным, как сгоревший особняк. Кто-то выбил великану желтую челюсть и повесил ее над верхушками скал вместо луны.

Вдалеке под огромным дубом горел костер. Вокруг на корточках сидело десятка два мятежников - почти мальчишки, вчерашние крестьяне.

Сзади заскрипели ступеньки - это был полковник. Он подошел и сел на циновку рядом со мной.

Я ткнул в ящики, похожие на смирных полосатых зебр.

- Сколько вы заплатили за все это?

- Шесть миллионов.

- Похоже, - сказал я, - что правительство пристрелило своего собственного агента.

Полковник тяжело задышал.

- Что вы хотите сказать?

- Красная цена всему этому хламу, - объяснил я, - шестьдесят тысяч. Откуда Таш его взял? Ограбил музей технических заблуждений предков?

Полковник схватил меня за шиворот и сказал:

- Я тебя повешу на той же виселице, что и Адана! Ты говоришь о герое, павшем в борьбе за свободу!

Голос полковника изменился. Он стал визгливым и неестественным.

- Этот человек имел предложения от известнейших компаний. Он бросил все - деньги, покой, безопасность! Его беззаветная любовь к родине служит примером моим людям.

Я выслушал все это и еще немножко. Полковник наконец отпустил мой ворот, и я упал на циновку.

- Ага, - сказал я, - Ричард Таш беззаветно любил родину. Вместо того чтобы пробивать себе дорогу наверх на чужой планете и быть мальчишкой на побегушках, он стал вашей правой рукой, да? Непререкаемым техническим авторитетом? Зрячим в стране слепых, а по совместительству - предателем. За бывший в употреблении хлам, который он купил под видом последнего слова в системах связи, он положил себе в карман пять с половиной миллионов, да еще департамент полиции подкинул ему за такую операцию.

Полковник опять вцепился в меня.

- Оставьте в покое мою рубашку, - потребовал я. - Она у меня единственная.

Полковник выпустил мой воротничок и сел на ящик.

- Вы узнали это, - продолжал я, - и послали людей наказать предателя. И вы приписали это дело полиции, чтобы прекрасный пример самоотверженного служения родине не пропал втуне.

Полковник сидел, опустив голову.

- Поэтому вы держали эти ящики так, чтобы они через год сгнили. Поэтому вы сожгли документацию. Поэтому когда в ваши руки попал я, специалист по системам связи, вы сообразили, что дело дойдет до ящиков, и готовы были расстрелять меня под любым предлогом!

- Ричард Таш, - тихо сказал полковник, - не был предателем. Он был вором. Он клал деньги народа в свой карман, воровал, как хотел. Когда я это понял, я предложил ему на выбор: быть повешенным, как собака, или умереть как герой. Он выбрал последнее.

Полковник повернулся и ушел, а я остался сидеть среди развороченных ящиков. Он даже не удосужился сказать, что пристрелит меня, если я не буду держать язык за зубами, но об этом я и сам догадался.

В глиняном домике был переносной телевизор. Я вынес его на веранду, обложился подушками и до полуночи смотрел новости.

Последние голоса в мою защиту смолкли. Я был окончательно предатель, шпион и диверсант, вместе с Ласси мастерски обманул ван Роширена, чтобы получить у него приглашение быть в числе участников проповеди и оттуда со всеми удобствами застрелить Президента. Ван Роширен был добрый человек и забавный проповедник, но этот случай доказывал, что он ничего не смыслит в практической политике, - двое мерзавцев надули его, как ребеночка.

Правительство явно ухватилось за меня, чтобы высмеять ван Роширена.

В последних известиях показали наши с Ласси фермы. Деревья вирилеи обросли маленькими, дрожащими на ветру шариками, и шарики уже начинали розоветь. В последнее лето мира судьба подарила мне самый красивый урожай за двадцать лет, но собирать его было некому.

У ворот фермы под охранным деревцем вирилеи стояли гвардейцы.

"Анреко" отреклась от меня Личный друг Президента Филипп Деннер подтвердил, что полиция предъявила ему убедительные доказательства моей измены, и назначил от имени компании награду за мою поимку: десять тысяч кредитов в качестве награды и новый автомат с комплектом боезапасов на год, чтобы защититься от террористов.

Деннер поступал так, как ему было удобней. Он думал, что я уже не могу кусаться.

На следующее утро я явился к полковнику. Он сидел в глиняной комнатке вместе с одним из членов пятерки - старым человеком с большой головой и умными глазами, кажется, княжеского рода.

- Что значит "Христос умер за других?" - обиженно говорил террорист. - Какой тут подвиг? Если человек умирает за своего друга, то это не подвиг, а долг. А если человек умирает за своего врага, то это не подвиг, а глупость.

- Президент Дасак убил моего отца, - сказал полковник.

Тут вошел я, они замолчали. Собеседник полковника поднялся и сказал:

- Ну, я пойду.

- Я могу починить ваш хлам, - когда мы остались одни, сказал я, протянув полковнику лист бумаги. - Больше того, если вы достанете мне эти приборы, я соберу вам из этого хлама аналог передатчиков "Павиана".

Полковник откинулся на стуле, заложил руки за голову и долго меня рассматривал своими желтыми страшными глазами.

- Я слышал, - сказал он, - что для "Павиана" нужно сложное оборудование. А судя по ценам на листе, это не такое сложное оборудование.

- Хорошая система связи, - сказал я, - делается стандартными деталями и нестандартно мыслящими инженерами. Стандартных деталей у меня целый склад, - и я, усмехнувшись, махнул рукой в сторону домика с устаревшим "Харлексом".

- Когда мы делали "Павиана", мои мозги спали на полке. Месяц назад я снял их с полки и понял, как сделать "Павиана" впятеро дешевле и вдвое надежней.

- А "Анреко" знает, что вы сняли мозги с полки?

- Нет, иначе бы они не осмелились полоскать мое имя.

- А почему "Анреко" об этом не знает?

Я пожал плечами.

- Это мое дело.

- Вы решили сбежать из компании, да? - прищурился полковник. - В "Харперс". И вы решили, что нет смысла делиться с компанией изобретением, за которое вы получите вдвое больше у ее конкурентов?

- Господин полковник, - сказал я, - вы не ван Роширен, чтобы наставлять меня в том, что такое хорошо и что такое плохо.

Шестнадцатого числа, вечером, по телевизору опять показали мою ферму: деревья стояли, усыпанные воздушными шариками, словно готовясь взлететь. Работники разбежались, а Агнес и Дена не выпускали из дома.

Я работал как сумасшедший. Я собрал вокруг себя человек двадцать местных умельцев и растолковал им схему и смысл. Это был уменьшенный "Павиан", которого можно было таскать за собой в кармане. Обедал и ужинал я с Ласси и довольно часто у полковника. Не могу сказать, что я стал его личным другом, но, несомненно, знал о нем больше, чем любой другой землянин на Новой Андромеде.

Как-то он спросил меня:

- Как вы думаете, если бы я отпустил вас, то смог бы через вас договориться с "Анреко"?

Я пожал плечами:

- Государство задолжало компании двести миллионов кредитов. Только три месяца назад Деннер предоставил Президенту заем на пять миллионов, чтобы тот мог достойно отпраздновать замужество своей дочери. Вы всегда обещали аннулировать эти кредиты, а заодно и конфисковать собственность компании.

- Я мог бы и не делать этого, - сказал полковник. - Если я конфискую имущество сторонников Президента, у меня будет достаточно добра, чтобы раздать его моим сторонникам.

Я поглядел на него и ответил:

- Это хорошее предложение, но думать об этом следовало в самый первый день, когда компания еще колебалась, кем меня объявить. А теперь Деннер назначил за мою голову награду, и, признаться, это то самое, о чем он всегда мечтал. Так что вряд ли его удастся переубедить.

Как-то раз полковник принялся расспрашивать меня о ван Роширене. Я сказал, что, по моему мнению, это очень хороший человек, но рецепты его несколько устарели. Если тебя ударят по

правой щеке, можно подставить левую, но если в тебя выстрелят из гранатомета, то подставлять что-нибудь будет уже поздно.

Между тем власти опять оставили ван Роширена в покое, и он продолжал проповедовать.

То, что говорил ван Роширен, было ужасной глупостью: этим можно было соблазнить разве что неграмотных крестьян Галилеи. Но беда в том, что большинство населения Асаиссы находилось как раз на уровне развития этих самых галилейских крестьян.

Президент сначала взбеленился: это привлекло к ван Роширену внимание. Президент опомнился и оставил его в покое. Потом он опять обиделся, услышав про папу Льва и язычника Атиллу. Почему-то Президент решил, что под Атиллой имеют в виду его, а не полковника. Полковник тоже обиделся: он решил, что под Атиллой имеют в виду его, а не Президента.

В ван Роширена стреляли: пуля попала в крест, и многие люди повесили себе кресты на шею как новейшее средство против пуль и стрел. Вскорости одного имевшего крест на шее зарезали в кабачке. Ван Роширен поторопился разъяснить, что, если человек носит на шее крест, а в Того, кого носит на кресте, не верует, то толку никакого не будет. Ван Роширен сказал, что тот, кто имеет веру хоть с горчичное зерно, может сдвинуть гору и, уж конечно, остановить пулю. Люди стали веровать в Христа. Впрочем, некоторых из них все равно убивали, и это, несомненно, происходило потому, что эти люди веровали недостаточно.

Раньше, когда бог в мешочке на шее не защищал их от пули, они бранили бога в мешочке на шее. Теперь они бранили себя.

Вышвыривать его из страны было уже поздно, потому что трудно сказать, что сделала бы преданная ему толпа, если бы его вышвырнули из страны.

Одиннадцатого числа я продемонстрировал полковнику возможности моей системы.

Полковник спросил меня:

- Рано или поздно моих людей поймут с этой штукой в руках. Что тогда сделает компания?

- Пожалееет, - сказал я, - что выбросила меня на свалку, как устаревшую модель.

Полковник повертел рацию в руках.

- Вы создали себе хорошую рекламу, - сказал он. - Потом, когда вы уедете от нас и станете работать на "Харперс".

Постепенно, чувствуя свою силу, ван Роширен начал защищать меня и Ласси. Я именовался раскаявшимся циником, холодным, расчетливым представителем среднего класса, в душе которого, несмотря на безбожие окрестного мира, теплился божественный огонь. Мое поведение показывало, что Бог действует через всех - и через тех, кто ему покорен, и через тех, кто ему противится. "Если Денисон мог раскаяться, почему не может раскаяться Президент?" - вопрошал ван Роширен.

Ласси именовался раскаявшимся террористом. Полиция доказала, что это Ласси через четыре дня после покушения на Президента учинил безобразие в департаменте полиции.

Ван Роширен обвинил полицию в подлоге.

Я и Ласси стали весьма популярны.

В воскресенье семнадцатого числа ван Роширен проповедовал в Кипарисовой долине, возле

холма Четырех Коров, в пяти милях от моей фермы. Он произнес короткую проповедь о Христе, пострадавшем безвинно за наши грехи. Он напомнил, что вера без дел мертва.

Он сказал, что подлинная власть дается только от Бога, и ни насилие ни кровопролитие еще не дают права властвовать. После этого он напомнил, что истинному христианину не подобает противиться власти с оружием в руках.

Он сравнил меня и Ласси с мучениками, которых какой-то Диоклетиан бросал на съедение львам. Толпа заволновалась. Он опять повторил, что не призывает противиться власти. Вместо этого он предложил толпе пойти в сады двух невинных страдальцев и собрать урожай.

Люди пришли в наши сады и стали собирать урожай.

Власти заволновались: в середине дня из-за холма перед садом показались два броневичка. Толпа вышла на дорогу. Из броневиков закричали, чтобы люди убирались по домам. Люди взялись за руки и остались. Броневики, дробя в клочья старый асфальт, приближались к ним. Те стали петь песни, которые им объяснил ван Роширен. Из броневиков закричали, что у них есть приказ стрелять. Толпа стала садиться на дорогу.

Ван Роширен поднял в руки крест и пошел навстречу броневичку. Броневинок остановился перед крестом, из него высунулся разъяренный лейтенант и стал орать. Ван Роширен помахал крестом. Лейтенант смутился и нырнул обратно в люк. Ван Роширен поднял крест еще выше и пошел на броневичок. Броневинок же при радостных криках толпы и на глазах телекамер попятился от креста.

Весь день пришедшие на проповедь собирали вирилею: одни собирали, другие веяли и отвозили в амбар, третьи вели репортажи. Броневики забросали цветами. Из города приехали люди с едой. Молодой лейтенант опять вылез из броневичка и на этот раз заговорил вполне печатным языком. Он сказал:

- Президент приказал нам подавить бунт. Но я не думаю, что сбор вирилеи можно считать бунтом. Если сбор вирилеи считать бунтом, что же такое не бунт?

Хозяин харчевни из соседнего городка объяснил:

- Когда я услышал об этом деле, я подумал: ага! Если там есть люди, значит, они хотят есть. Если они хотят есть, значит, они заплатят по кредиту за сандвич.

- Но вы раздали сандвичи даром? - уточнил репортер.

- Ну, - развел руками трактирщик, - а иначе я был бы совершенной сволочью, правда?

Вечером в моих и Ласси амбарах лежало сорок тонн упакованной в мешки вирилеи. Кто бы, вы думали, взял на себя обязанности координатора? Джек Митчелл, мой сосед. Журналист спросил его: "В доме ничего не пропало?" "Ничего, - ответил Митчелл и, сконфузившись, махнул рукой на лесок за синей канавой, - только вон лесок весь загадили".

Вечерние газеты выходили с аршинными заголовками: "Христианский колдун останавливает танки", "Президент объявляет бунтом сбор вирилеи", "Президент, покайтесь!".

Следующий день я провел на одной из военных баз полковника в горах. Я показывал людям, как пользоваться "Павианом-2".

На обратном пути мы узнали, что моя жена вернулась на ферму. У ворот фермы поставили охранников. Князь Бродячего Перевала, заступаясь за обиженных и ограждая слабых, взял ее под свою защиту. Это, впрочем, означало, что он имел право на "долю благодарности" от

урожая.

Когда я вернулся, полковник сказал:

- Что вы за это хотите?

- Ласси спас мне жизнь. Это подарок для Ласси.

- Воспитанный человек не оставляет подарков без ответа, - сказал полковник. - Что вы хотите?

- Освободите мою жену и сына, - сказал я.

- Хорошо.

- Я хочу сам принять в этом участие.

- Вы настолько не доверяете нам?

- В доме есть документы, которые только я могу отыскать. Я бы хотел забрать их с собой в "Харперс".

Через два дня в десять часов утра я вылез из машины во дворе моей фермы.

Под травяным навесом стоял маленький трактор. Местная полицейская машина уткнулась носом в его колесо. Не было ни малейшего ветерка, но дерево вирилеи у ворот слегка шелестело листьями: это время от времени срывались с ветки и взлетали в небо розовые шарики. Утреннее солнце отразилось в большой капле росы на листе толокнянки и недоуменно вытаращилось на меня.

Я был одет в форму майора президентской гвардии. Волосы мои были покрашены в каштановый цвет, и особый крем, каким пользуются актрисы и террористы, наложенный накануне на ночь, стянул кожу на моем лице и совершенно изменил его черты. За соседним холмом на всякий случай стояла еще одна машина - зеленый "пикап" с людьми полковника. Ласси, однако, полковник со мной не пустил - риск и так был слишком велик.

У ворот моего дома скучали два охранника. Они отдали мне честь.

Двое моих спутников поднялись со мной наверх. Я постучался и вошел в гостиную. Агнес и Ден пили чай с добродушным белокурым полицейским.

- Собирайтесь, - сказал я с легким акцентом, - вы едете с нами в столицу.

Глаза Агнес от ужаса стали большие, как блюдца. Она прижала Дена к себе.

- Мальчишка едет с вами.

Полицейский, видимо, расстроился и уткнул глаза в пол. Я незаметно подмигнул Агнес. Она ахнула и выронила чайник, который держала в руках. Я прошел в свой собственный кабинет. Белокурый полицейский поднялся за мной.

- Где ключи? - спросил я.

- Тут уже искали, господин капитан.

Из соседней комнаты донесся всхлип Агнес.

- Ключи, - брезгливо сказал я, - и помогите этой бабе.

Едва я включил компьютер, как рядом со мной зашуршал телефон: кто-то в коридоре набирал номер. Я снял трубку и стал слушать.

- Алло, - сказал голос полицейского.

- Секретариат майора Ишеддара слушает.

- Гм... - сказал гвардеец, - я тут вот это как... Тут жена этого самого... Денисона... Плачет. Может, не надо?

- Вы сержант Данна? Несете охрану фермы?

- Ну да.

- Вы видели ордер на арест? Выполняйте приказ.

На другом конце провода бросили трубку.

Моя система работала превосходно.

- Но она не виновата! - заорал гвардеец в оглохший телефон.

Я стоял в своем кабинете у раскрытого сейфа, когда скрипнули ступеньки, раскрылась дверь, и за моей спиной кто-то сказал:

- Руки!

Я обернулся. Посреди комнаты с пистолетом в руках стоял старый князь Бродячего Перевала.

Глава девятая

- Руки, - сказал князь.

- Что вы себе позволяете! - взвизгнул я.

- Я обещал этой женщине мое покровительство, - сказал князь. - Если Президент совершает бесчестные поступки, князья страны должны напомнить ему о благородстве.

Я вытаращил глаза и взглянул на белокурого полицейского, который осторожно выглядывал из-за спины князя. Я ткнул в него пальцем:

- Это ты предупредил князя!

- Я, - улыбнулся князь, - боялся, что это случится, и. охотился неподалеку.

Полицейский сказал, потупившись:

- Не стоит Президенту причинять зло этой женщине. Люди этого не простят. Надо думать о благе государства.

- О благе государства, - сказал я, - полагается думать Президенту а не нам с тобой. Если каждый начнет думать о благе государства то знаешь, что выйдет?

Князь ткнул меня пистолетом и сказал:

- Выметайся. Если я не защищу эту женщину, я буду обещен.

Я побледнел и выронил дискету, которую держал в руках. Я и князь нагнулись одновременно,

чтобы ее поднять. Губы князя очутились возле моего уха.

- Что пожалует мне Президент, - шепнул князь, - если я отдам ему эту женщину?

- Эту ферму, - прошептал я, - и все туземные фермы между этой фермой и вашим замком.

Князь выпрямился и протянул мне дискету. Вдруг он повернулся к своим слугам.

- Пошли отсюда, - сказал он.

Через минуту со двора послышался шум отъезжающего автомобиля.

Я провел в кабинете пятнадцать минут. Я увлекся, иначе бы услышал, как во двор въезжает еще одна машина. Но я сообразил, что происходит, только когда услышал топот сапог на лестнице, а потом - отчаянный женский крик. Я выхватил револьвер и бросился вниз.

Посреди комнаты валялся чемодан с раскрытым брюхом. В углу заливался криком Ден. Его прижимал к себе человек с рыжей бородкой и с погонями гвардейского капитана.

- Бросьте револьвер, Денисон, - сказал он, - а то я застрелю мальчишку.

Я бросил револьвер. Кто-то подошел сзади, завел мне за спину руки и защелкнул на них наручники. Я оглянулся - человек за моей спиной тоже был одет в гвардейскую форму, он был одного со мной роста и веса, только на мне была серая парадная форма, а на нем - полевой камуфляж. Я лягнулся, и он в ответ сунул мне локтем под ребра. Я свалился на пол.

Капитан отпустил Дена и ушел в соседнюю комнату. Через минуту он вернулся с сумкой, которую я там оставил. Он погладил сумку и сказал:

- Мы давно вас ждем, Денисон. С тех пор, как наши специалисты отыскивали в ваших компьютерах скрытые диски и не смогли их прочесть.

- Вы с ума сошли, капитан! - возмутился я. - За кого вы меня принимаете?

Белокурый охранник что-то залопотал ему на ухо.

- Что, - сказал капитан, - наше ведомство?

Снял трубку и набрал номер.

- Алло, первый секретариат? Дайте мне Адди... Какого черта? Кто это говорит?

Гвардеец внезапно бросил трубку.

- Электронщик, - зашипел он, - это ваши штучки! Быстро в машину!

Капитан и двое охранников проволокли меня по двору и швырнули в полицейский фургончик.

- Быстро, - заорал капитан, - у него тут друзья!

Полицейская машина выскочила из ворот, и в тот же миг на соседний холм вывернулся прыткий зеленый "пикап". Над крышей его сверкнула длинная, как удочка, антенна радиотелефона.

- Вот она, первая канцелярия, - и капитан от избытка чувств двинул меня под ребра.

Затрещал автомат, словно кто-то швырнул горсть железных виноградин о задние, пуленепробиваемые дверцы фургончика.

- Проклятье, - сказал капитан, - а они не боятся угрохать своего дружка?

Напарник его на переднем сиденье орал в рацию, желая вызвать подмогу, но рация словно потеряла сознание.

- Твои штучки! - закричал капитан.

Это и в самом деле были мои штучки.

Фургончик несся во всю прыть: автоматные очереди подгоняли его, как бич ленивую лошадку. Это был обычный полицейский фургончик, консервная банка, на которую навесили немножко брони и пуленепробиваемые щитки над колесами. Такая штука годилась для разгона демонстраций, но не для погонь: мотор фургончика задыхался и фыркал, не в силах справиться с непредусмотренным в конструкции весом.

До первых городских постов было полчаса езды: дальше люди полковника не посмели бы преследовать полицию. За полчаса нас, скорее всего, догонят или подстрелят, несмотря на броневые дверцы и щитки над колесами. Капитан догадался правильно, террористы, конечно, не прочь освободить меня, но меньше всего им хочется, чтобы я живьем попал в руки полиции. Кстати говоря, моя смерть решала множество проблем полковника. Возможно...

Фургончик трянуло. Опять запел автомат.

- Они не успокоятся, пока не получат своего Денисона живым или мертвым, - сказал молодой гвардеец.

- Живым они его не получат, - ответил капитан.

Весомое заявление. Капитан и молодой гвардеец обменялись понимающим взглядом. Гвардеец что-то зашептал ему на ухо.

- Разденьте его! - рявкнул капитан.

С меня безо всяких церемоний содрали штаны и башмаки. С гвардейской курткой им пришлось повозиться, потому что, когда они сняли с меня наручники, я начал пихаться, но они и тут управились в две минуты. Молодой гвардеец напялил мою одежду на себя. Мы были с ним одинакового роста и веса. Я все еще не понимал, что они хотят делать. Капитан защелкнул на гвардейце наручники.

Машина въехала на Чертов мост, передо мной открылся и пропал великолепный вид - скалистый берег Ниссы и стальные фермы моста на фоне синей с белыми барашками реки. В ста метрах, далеко внизу начинались заборные решетки электростанции. Капитан - поднял свой револьвер.

Гвардеец, наряженный в мою форму, налег на боковую дверцу и вывалился наружу, перекувыркнулся через голову, поднял скованные руки и пробежал несколько шагов навстречу зеленому "пикапу". В это мгновение капитан выстрелил: пуля и другая вошли гвардейцу в голову. Тот, охнув, отлетел к деревянному парапету, перевесился через него и со стометровой высоты рухнул в воду.

Вот так. Почему гвардейцам удается одолеть террористов, которые, не колеблясь, убивают себя для блага полковника? Потому, что гвардейцы тоже не боятся убивать себя для блага Президента.

Я еще успел заметить из заднего г, окошка, как зеленый "пикап" затормозил на середине моста. Из него выскочил Дан Большие Уши, подбежал к парапету, посмотрел и без колебаний прыгнул вниз, как полагал он, за моим телом...

Капитан осклабился и с досадой ударил меня рукоятью револьвера по голове. Тут меня выдернули из розетки, и больше я ничего не помню.

Я очнулся от того, что на меня вылили ведро ледяной воды. Я помотал головой и сказал:

- М-м-м...

На меня вылили второе ведро. Я открыл глаза и попытался приподняться. Я лежал на кафельной скамье в тюремном дворике с бетонными стенами. Небо надо мной было обтянуто железной сеткой. В нем плыли плоские с золотой обложкой облака, бессмысленные, как иероглифы, которые сначала изобрели, а потом забыли. Слева торчали витые башенки президентского дворца. Здания компании не было видно. Судя по виду на витые башенки, я лежал во дворике Пятого департамента, в вотчине майора Ишеддара.

На меня вылили третье ведро воды встряхнули, переодели и повели.

Через пять минут меня втокнули в кабинет майора Ишеддара. На потолке был нарисован оригинал известной телевизионной заставки: Президент, спускающийся с небес на национальном флаге. Стены кабинета увешаны разнообразной утварью для убийства - от охотничьего ножа до самого настоящего гранатомета. Это все - оружие, из которого хотели убить, но не убили владельца кабинета. В окна кабинета на всякий случай вделаны стальные решетки. На столе орехового дерева лежали большая папка черного цвета и несколько дискет, вероятно, из числа тех, которые я пытался прихватить с собой с фермы. Из-за стола поднялся и пошел мне навстречу очень красивый человек лет тридцати пяти со смуглым, почти девичьим лицом и осиной талией. Это был майор Ишеддар начальник личной охраны Президента, тот самый, который ненавидел землян.

- Ну, ученик праведника, - сказал майор Ишеддар, - рассказывайте, что вы делали у террористов.

- Я иностранный подданный. Я пользуюсь правом экстерриториальности и ни на какие вопросы отвечать не буду. Позовите представителей "Анреко".

Майор Ишеддар завел глаза к потолку, словно советуясь со спускающимся с небес Президентом.

- Вы, конечно, были иностранным подданным, пока не померли, - сказал майор. - Это интересный вопрос: может ли покойник быть чьим-то подданным?

- Один человек по имени Рай Адан меня уже хоронил, - ответил я.

Майор Ишеддар пожал плечами и продемонстрировал мне несколько телевизионных записей, а вслед за этим любезно разрешил послушать "вторую волну" мятежников. И правительство, и мятежники сходились в том, что я мертв. Не согласны они были в следующем: мятежники утверждали, что я выскочил из гвардейской машины и тут же меня застрелили вдогонку. А гвардейцы утверждали, что стреляли не они, а сами мятежники, желая убрать уже ненужного человека.

- Вы, Денисон, сначала попробуйте доказать, что вы живы, а потом и права требуйте, - наставительно сказал майор. Склонил голову и прибавил: А ведь полковник приказал вас убить.

Я молчал.

- Вы хотели забрать жену, ребенка и вон те дискеты на столе и передать дискеты в "Харперс", чтобы набить себе цену.

Я равнодушно пожал плечами.

- Так вот, когда полковник услышал, что вы не собираетесь оставаться с ним, он решил забрать эти документы себе, а вас утопить в ближайшей канаве. С Ласси он как-нибудь бы объяснился. Вы должны благодарить меня и моих людей: они спасли вас и вашу семью.

- Майор, - сказал я, - отчего у вас на брюках варенье?

Ишеддар удивился и глянул вниз. У него на брюках не было никакого варенья. Майор нехорошо улыбнулся и сказал:

- Не верите? Тогда почему террористы вели по фургончику, огонь на поражение?

Я сказал:

- Может быть, это и так, но, видите ли, майор, если полковник приказал меня убить, у вас все равно нет ни малейших тому доказательств. А если он не приказал меня убить, то вы бы все равно обвинили его в этом.

Красавец майор расхохотался.

- А что вы ему придумали?

- Ничего.

- Не валяйте дурака! Все эти фокусы с радиотелефонами: сообщения, которые нельзя передать, сообщения, которые принимает не тот абонент, сообщения, которые не берут декодеры...

Я молчал, как выключенный телефон.

- Вы будете говорить?

- А пошли вы... - сказал я.

Я произнес довольно длинную фразу. Майор выслушал меня до конца. Смуглое его лицо осветилось застенчивой улыбкой.

- Это физиологически невозможно, - сказал он.

Я снова раскрыл рот. Он ударил меня по лицу и сшиб со стула.

Вечером меня посадили в длинный бронированный автомобиль и повезли. Мы ехали по правительственным улицам, залитым светом военных прожекторов, на перекрестках маялись часовые и танцевали статуи древних богов, а за бронзовыми решетками старых дворцов мирно спали люди в чистом белье и с грязными душами.

Месяц назад мне приснилось, что я еду в правительственном автомобиле, заместителем министра связи. Сон в руку!

Меня ввели в большой кабинет, отделанный согласно старой асаисской традиции. Мебель в кабинете была затянута белым шелком, украшенным голубыми клеймами с изображением богов и героев. По обеим сторонам двери стояли два бронзовых треножника, разделенных золотым кольцом на три пояса с изображениями неба, земли и подземного царства. В чашечке на вершине треножника курились благовония. Посередине комнаты лежал белый ковер с такими длинными и тонкими ворсинками, что, когда открытая дверь всколыхнула воздух в комнате, ворсинки ковра заволновались, как трава под порывом ветра. В глубине кабинета за очень большим столом сидел очень маленький человек.

- Здравствуйте, господин Президент, - сказал я.

Маленький человек встал из-за большого стола и неожиданно пожал мне руку.

- Здравствуйте, мистер Денисон.

Лакеи с каменными лицами танцующей походкой принесли нам несколько подносов с фруктами, печеньем и закусками, неслышно расставили чайный прибор и, поклонившись, удалились. Президент, тяжело вздохнув, налил мне и себе по чашке дымящейся вирилеи.

Я видел лицо Президента бесчисленное количество раз - на банкнотах с белыми кроликами и на плакатах, на статуях прежних богов, у которых гвардейцы посбивали прежние головы, и на телевизионной заставке, изображающей Президента, спускающегося с небес на национальном флаге. Но эти лица совсем не походили на то, которое я видел сейчас. Президент был какой-то усталый и сникший: уголки его глаз опущены вниз и кончик чуть приплюснутого носа время от времени грустно подергивался, как у кота, упустившего добычу. Я знал про этого человека много мерзостей, но сейчас, сидя с ним один на один в обтянутом шелком кабинете, я понял, что этот человек заслуживает доверия. Президент посмотрел мне прямо в душу большими зелеными глазами и, вздохнув опять, произнес:

- Расскажите-ка мне все, как было, мистер Денисон.

Я рассказывал довольно долго. Он слушал, сцепив руки и внимательно глядя мне в лицо. Его брови у самых корней были белые, а дальше - черные: он, наверное, красил брови, но они слегка отросли. По тому, как он слушал, я видел, что он понимает меня. В конце концов этому человеку тоже было нелегко, возможно, хуже, чем мне. Против него были ленивая страна, косные традиции и жадные земляне. Да, теперь еще и сумасшедшие проповедники. Я говорил совершенно откровенно.

Я кончил.

Президент поднялся и стал ходить по пушистому ковру взад и вперед, маленький по сравнению со своим собственным портретом на стене. Я подумал, что в кабинете, наверное, каждый месяц стелют новый ковер.

- Возможно, - сказал Президент, - я в чем-то неправ. Надо что-то делать. А что?

Я молчал.

- Значит, вы не верите ван Роширену? Почему?

- Этот человек живет в прошлом, - ответил я. - Он просто подражает всем этим папам, к которым императоры являлись босиком, и отшельникам, допускаявшим крестовые походы.

- Значит, подражает папам, - усмехнулся Президент. - А кому хотите подражать вы? Старому Гарфилду?

Боковая дверь раскрылась, в кабинет, неслышно ступая, вошел красавец майор Ишеддар.

- Да, - сказал с тоской Президент, повернувшись ко мне, - возможно, я в чем-то неправ. Где сейчас Ласси?

- Не знаю, - ответил я.

- Он хлопчет около ван Роширена, - сказал майор. - Он хотел бы организовать встречу ван Роширена и полковника, но мои люди испортили его планы.

Президент остановился.

- А почему бы, - спросил он, - господину Денисону не помочь другу? Пусть он отправит от имени Ласси извещение, что встреча назначена... ну хотя бы в пятницу, в три часа дня, в замке на Бродячем Перевале.

Президент удовлетворенно покачал головой.

- Да, почему бы и нет? Мятежники считают Денисона мертвым, ни одного "Павиана-2" еще не попало к нам в руки. И если господин Денисон покажет нам, как собрать аппарат и отправить сообщение, то все может вполне получиться.

Майор Ишеддар запротестовал:

- Мой Президент! Зачем вам оказывать благодеяния ненавидящим вас?

- Но, - развел руками Президент, - я тоже хочу быть на встрече. Этот ван Роширен совершенно прав: когда я лично встречу с полковником, все проблемы страны будут разрешены.

Глаза его вдруг окостенели. Черные с белой подпушкой брови дернулись, словно усы у кота, почуявшего мышь. Это был совсем другой человек, не тот, что слушал меня пять минут назад. Вот такие, наверное, у него были глаза, когда палачи убивали при нем отца полковника головой о ступени трона.

- Даже, пожалуй, - прибавил Президент, - ван Роширена вовсе не надо на этом свидании.

- Нет-нет, - возразил майор, - ван Роширен тоже должен быть. Люди полковника наверняка будут следить за ним, и если они увидят, что проповедник не приехал в усадьбу, они естественно, не приедут тоже.

- Мы слишком размечтались, - сказал Президент, - ведь все зависит от доброй воли господина Денисона: захочет ли он помочь нам?

- Нет, - сказал я.

- Как так - не захочет? - словно не расслышав меня, удивился майор Ишеддар. - Его жена и сын в наших руках. Разве он допустит, чтобы что-то случилось с его женой и сыном?

А Президент повернулся ко мне и, слегка улыбаясь, повторил:

- Господин Денисон, я заверяю вас, что у меня самые чистые намерения. Я долго думал о словах ван Роширена и решил, что все проблемы страны действительно будут кончены, если Президент и полковник встретятся лицом к лицу.

Остаток ночи я провел в кабинете майора. Мне связали руки за спиной, а майор взял меня за воротник и сказал:

- Этого человека, ван Роширена, наняла ваша компания. С его помощью земляне создают в стране совершенный хаос.

- Нет, - сказал я.

Майор размахнулся - и я полетел в угол. Майор вытащил меня оттуда и сказал:

- "Анреко" предала Президента и послала вас к полковнику, чтобы обзавестись другом по ту сторону. Деннер - личный друг Президента, а вы должны были стать личным другом полковника.

- Нет, - сказал я и опять очутился в углу.

- Эту операцию, - продолжал майор, - поручил вам лично старый Гарфилд. Когда Деннер сообразил, в чем дело, он отрекся от вас и принял все меры к тому, чтобы вы не сели в его кресло, а вы, в свою очередь, решили переметнуться в "Харперс".

- Нет, - сказал я и очнулся только через пять минут.

Майор Ишеддар сидел верхом на старинном стуле со спинкой, изогнутой наподобие бараньей лопатки, и покачивался вперед-назад, вперед-назад.

- Ну, долго еще вы мне тут будете пачкать мебель?

- Сукин вы сын, - сказал я с тоской, - за что?

- Вы сегодня, - майор загибал пальцы, - рассказывали моему Президенту, что вы, землянин и начальник отдела связи, человек, чью душу деньги съели ради бога, в которого вы не верили, а) помогли этому проповеднику сойтись с высшими чиновниками и князьями, б) помирились с туземцами, которых всегда презирали, в) поругались с землянами и даже побили одного, г) согласились на публичное покаяние! Так?!

- Так.

- Не врите! Почему вы оказались в машине с террористами напротив президентского дворца?

- Мы с Ласси, - сказал я, - хотели прийти на проповедь и просить друг у друга прощения.

- Почему?

- Так велел ван Роширен.

Майор выпучил глаза, вскочил со стула и заорал:

- Мерзавец! Лгун! У вас деньги душу съели! С таким же успехом прощения может просить Президент!

И сломал о меня стул.

Какого черта? Конечно, я сделал все, что он требовал. Чего вы хотите?

Через два дня нас навестил Президент. Майор почистил меня, посадил в кресло и сказал:

- Ван Роширен - агент компании.

- Да, - ответил я.

- Старый Гарфилд послал вас к полковнику.

- Да, - ответил я.

- Компания совместно с полковником организовала покушение на Президента.

- Да.

- Зная, как обстоят дела, вы не верили в бога и презирали ван Роширена, однако по приказу Гарфилда помогали ему.

- Да..

Президент зашипел. Я обернулся к нему и сказал:

- А поскольку дела обстоят именно так, вы загнаны в угол, господин Президент. И я должен от имени нашей компании потребовать, чтобы вы ушли в отставку.

- Меня убьют, - сказал Президент.

- Тогда просите у полковника прощения и защиты, как вам советует ван Роширен. Даже полковник в таком случае не осмелится тронуть вас.

- Видите, - сказал Ишеддар, - эта дрянь говорит то же, что Серрини! Им. мало сбывать нам устаревшую технику! Они хотят сбуть нам даже своих устаревших богов!

- Вы дурак, господин Президент, - завопил я, - неужели вы не видите, что это единственный выход! Вас убьют рано или поздно, в какую бы дыру вы ни спрятались. Я видел этих людей - от них трудно было укрыться и раньше, когда они носили бога в мешочке на шее, а теперь, когда они уверены, что Христос укроет их невидимым плащом и проведет по коридорам вашего дворца...

Президент захрипел. Глаза его налились кровью.

- Я убью вас всех, - заорал он, - всех, крысы с Земли! Я убью вас раньше, чем сделает это полковник!

Меня отвели обратно в камеру.

У меня не было никаких претензий к майору. Майор Ишеддар не может поверить, что землянин способен вести себя по-человечески. Что, когда землянин не прав, он способен сказать "извините". Это задевает его национальную гордость и способность к логическому рассуждению. Ему проще поверить в шесть с половиной тонн заговора, чем в то, что у человека есть совесть. Каждый судит о других по собственному опыту.

У меня не было никаких претензий ни к Президенту, ни к полковнику. Отца полковника убили на глазах Президента. Полковнику было за что мстить. Бомба террористов разнесла в клочья пятилетнего сына Президента. Президенту было за что мстить. Это были люди власти. "Покажите мне человека, который не любит власть, - сказал один местный мудрец, - и пока он не докажет мне, что говорит правду, я буду думать, что он лжец. Когда же он докажет, что говорит правду, я скажу, что он дурак".

У меня не было никаких претензий ни к Президенту, ни к полковнику, потому что их действия подчинялись логике. К кому у меня были претензии, так это к ван Роширену. В его действиях логики не было.

Это из-за него хорошенький майор Ишеддар употребит меня и задушит в тюрьме; это из-за него попадет в ловушку полковник, а мои жена и сын останутся на милости правительства, которое не знает, на какую букву искать в словаре это слово. А ван Роширен? Ван Роширен скажет ей, что Христос меня любит и берет на себя все мои грехи. Пока Христос меня не любил, я был нормальным человеком: у меня были счет в банке, семья и прекрасная должность, уважаемые друзья и ферма. Когда Христос меня полюбил... О, черт побери!

И все-таки мне было обидно, что из человека, говорящего "нет" богу, я превратился в человека, говорящего "да" майору Ишеддару.

Вечером охранник принес мне корм. Он обращался со мной довольно грубо. В вырезе его форменной рубашки я заметил кипарисовый крестик.

- Что, - спросил я, - верите этому ван Роширену?

- А вы нет?

- Господин ван Роширен рассказывает, - сказал я, - что Господь воздаст за добро сторицей. Банк, который обещает семьсот процентов годовых, непременно лопнет.

- Это вы зря, - сказал стражник, - вот старый князь Санны тоже так говорил, а все-таки перед смертью крестился и раздал нищим десять тысяч кредитов.

- Да, - сказал я, - но никому не известно, сколько процентов ему начислили за этот капитал на том свете.

- Как же неизвестно? - удивился стражник. - Всем известно. Он пришел через неделю к ван Роширену во сне и говорит: я, мол, получил за свои десять тысяч сторицей. А ван Роширен: скажут, что ты мне мерещишься. А тот: ладно, если ты не веришь, я тебе отстучу телеграмму. А что вы думаете? На следующий день господин ван Роширен получил из рая телеграмму: так, мол, и так, сделал добро и обрел за него сторицей.

Я зевнул.

- Это хорошая вера, - сказал охранник, - по ней те, кто простят друг другу грехи, непременно победят врага.

- Дерьмовая эта вера, - сказал я. - Завтра ван Роширена убьют.

- Кто убьет? - встревожился охранник.

- Майор Ишеддар. Пригласит его в замок у Бродячего Перевала от имени мятежников и убьет. А вину свалит на террористов.

- Это нехорошо, - сказал охранник.

- Мне на это наплевать...

Тюремная каша отвратительна. Я был, как гнилая морковка. На лице у меня отросла ботва.

Наутро охранник, отводя меня на opravку, продолжил разговор:

- Это нехорошо, если майор убьет ван Роширена. За такое дело можно попасть в ад.

Я пожал плечами.

- А интересно, если найдется человек, который спасет ван Роширена, он попадет за это в рай?

- Кто же его спасет? - возразил я.

- Можно отправить ему телеграмму, - сказал охранник. - Можно написать так: "Вас вызывают в замок на Бродячем Перевале. Это ловушка. Не приезжайте".

- Ну и что? - зевнул я. - Он получает таких телеграмм сто штук на день.

Охранник огорчился. Ему явно хотелось в рай.

- Можно подписаться, - сказал я, - "Человек, которому вы обещали чудо с сертификатом".

Охранник подозрительно поглядел на меня.

- А кому это он обещал чудо с сертификатом?

- Мне.

- Это что за штучки, - сказал охранник, - хотите написать ему, что вы живы?

- Вы же сами прекрасно знаете, - возразил я, - что ван Роширен запросто получает телеграммы от покойников. Просто на такую телеграмму он наверняка обратит внимание. К тому же покойники в своих телеграммах всегда говорят правду.

Когда охранник принес мне ужин, я лежал на койке, закинув руки за голову. Охранник разжал кулак и показал бумажку: бланк отправленной телеграммы. Там было написано: "Вас вызывают в замок на Бродячем Перевале. Это ловушка. Не приезжайте. Человек с ограниченным словарным запасом". Я порвал бумажку и на всякий случай съел, запив водой, опять лег на койку и стал глядеть в потолок.

Возможно, ван Роширен не послушается телеграммы. Возможно, он ее не получит. А что я еще мог сделать? Если ван Роширен не поедет в замок Бродячего Перевала, то и полковник, который за ним наблюдает, этого не сделает.

На следующий день дверь камеры растворилась:

- Собирайтесь!

Казенный брадобрей скопил ботву с моего лица, и мне выдали безупречный костюм, усадили в кузов фургончика и повезли. Кроме меня, в фургончике было пятнадцать гвардейцев и майор Ишеддар.

Через окошечко в фургончике видна горная дорога. День был чистый и свежий. Голубые горы слегка курились вдаль - это старые боги топили свои шатры. Над горами висели облака, отчаянно желтые, как Упаковка мороженого "Даймс". Надпись на боку фургончика извещала, что владелец его торгует копчеными сардинами, но единственной копченой сардиной, которую я обнаружил внутри фургончика, был я сам.

Наконец фургончик взобрался вверх. Охранники раскрыли дверцы, и майор Ишеддар дал мне знак выйти. Без особого удивления я обнаружил себя во дворе замка на Бродячем Перевале. Прямо над моей головой торчали башенки в форме усеченной бруквы с лохматыми надбашенниками по краям.

Господин Президент не возражал против свидетелей, если они уже числились мертвецами. Президент и старый князь ждали нас в главном зале. Здесь не было окон, чтобы глядеть, а только бойницы, чтобы стрелять. Стены зала занавешены красивыми гобеленами, расшитыми сценами из жизни богов, царей и президентов.

У домашнего алтаря в честь предков стояло блюдечко с кислым молоком и курился светильник. Перед алтарем на цепи висела огромная серебряная корзина с фруктами и цветами, а наискосок от нее - хрустальная люстра, формой напоминающая цветок тысяччашечника. Люстра не горела, и в зале было довольно темно.

Меня усадили в кресло, не снимая наручников. Я стал рассматривать гобелены. Два гобелена у входа походили на те, что висели в глиняном домике полковника. На том, что слева был изображен полководец Идасса, приносящий клятву верности царю Дасаку. Он стоял на коленях перед царем, и руки царя были на его руках. На том, что справа, был изображен полководец Идасса, подсыпаящий яд в чашу царя Дасака. Вещий голубь, подлетевший к царю, выбивал чашу у него из рук, а вероломный полководец в ужасе спасался бегством по узенькой лестнице. Гобелены были очень хороши и напоминали окна в иной мир. Возможно

их ткали в той же мастерской, что и гобелен полковника, но для разных заказчиков.

Через узкую бойницу был виден краешек стены замка и за ней - обрывок белой горной дороги.

- Вы, надеюсь, не думаете, - сказал я Президенту, - что убийство полковника принесет стране какую-то пользу?

Президент посмотрел на меня. На лице его выразилось некоторое недоумение по поводу того, что копченые сардины умеют разговаривать.

- Не все дела, - благосклонно разъяснил старый князь, - делаются для пользы. Некоторые делаются для удовольствия.

- А давно вы, - спросил я князя, - купили гобелены с мятежником Идассой? Когда я вам монтировал систему слежения, у вас висели совсем другие гобелены.

- Эти гобелены - подарок Президента, - сказал майор Ишеддар.

"Может быть, ничего и не случится, - подумал я, - может быть, ван Роширен не приедет, а без него на встречу не явится и полковник. Может быть, полковнику не понравится фургончик с сардинами, проследовавший в замок..."

Краем глаза я заметил в бойницу, как по белой дороге катит подержанный "джип". На крыше его кто-то нарисовал персикового цвета крест.

Старый князь улыбнулся и пошел встречать гостя.

- Странное дело, - промолвил майор Ишеддар, когда хозяин покинул зал, - обычных людей за связь с террористами вешают, а князьям за то же самое жалуют земли. Как можно терпеть такую несправедливость?

- Когда горят дворцы государей, - сказал Президент, - князьям в их замках становится теплее.

До растворенных узких бойниц со двора долетали чуть слышные голоса. Заскрипели ворота. Молодой слуга вскарабкался на верхушку стены с деревянным ведром в руках и стал из ведра сыпать поджаренный рис на крышу въезжающего в ворота автомобиля.

И тут же я увидел на повороте белой дороги другую машину: вероятно, она где-то ждала приезда ван Роширена.

Телекамера на стене опять завертела любопытным глазком. Снова заскрипели ворота, затрещал под колесами гравий, хлопнули почти одновременно несколько дверей, неразборчиво зазвучали голоса.

Охранники подобрались.

Прошло еще несколько минут. За гобеленами, украшенными сценами из жизни царей и мятежников, раздался голос старого князя:

- Прошу сюда! Поистине гость есть ветвь счастья и подарок дому! Несколько человек вошли в полутемную залу. Майор Ишеддар потянулся и включил свет. Полковник сунулся было за пояс.

- Не делайте глупостей, - сказал майор Ишеддар. Он сидел в кресле, полуразвалившись и с револьвером в руках. За креслом его и в оконных проемах стояли гвардейцы. У каждого

гвардейца было по три зрочка - два зрочка в голове и один зрочок автомата, и все три зрочка смотрели на полковника. Президент сидел без оружия и кротно моргал.

- Так вот оно как, - сказал негромко полковник и полуобернулся к ван Роширену.

- Вы тут ни при чем?

- Я тут ни при чем, - ответил ван Роширен.

"Как сказать", - подумал я.

Глаза полковника обвели залу с гобеленами из жизни царей и мятежников и остановились на мне.

- А, Денисон, - сказал он, - так я и думал. Как ни суши скунса, все равно воняет.

Президент осторожно откашлялся и сказал:

- Господин полковник, через неделю истекает последний мирный день, отпущенный нашей стране, если последние годы можно назвать годами мира. Ежемесячные убийства, аресты, конфискации и грабежи под видом конфискации, растущая волна беззакония и отчаяния. Подумайте, полковник, в Асаиссе, стране вирилеи, люди стали курить и выращивать наркотики, хотя бы и в горах! Автоматные очереди в храмовых дворах, бессилие сильных и жестокость слабых. Дым в небесах и бои на улицах, птицы-пересмешники научились подражать автоматам...

- Да-да, - сказал, усмехаясь, полковник.

Президент вдруг покраснел.

- Сегодня, - сказал он, - вы террорист. Через неделю вы станете официально признанным главой государства. Древняя поговорка гласит, что двум государям тесно в одном государстве, как двум ножам в одном клинке. Я долго думал о том, как избежать того кровопролития, которое нас ожидает в будущем, и я понял, что кто-то из нас должен уйти.

Полковник опять усмехнулся.

- Я долго думал о том, кто должен уйти, - сказал Президент, - и пришел к выводу, что ваша смерть не решит проблем страны. На ваше место станет другой, и все будет еще хуже. Поэтому я пришел к выводу, что уйти должен я.

Майор Ишеддар зашевелился в кресле.

- Я позвал вас сюда, - продолжал Президент довольно спокойно, хотя руки его дрожали, - чтобы сообщить об этом решении. Я признаю, что результаты прошлогодних выборов были подтасованы. Это моя вина, и мой народ давно наказан за мою вину многими годами гражданской войны. Мне ничего не остается, как просить прощения у моего народа за все, что было совершено за прошедший год, и за все, что было совершено мною для того, чтобы народ отвернулся от меня на выборах. Я ухожу в отставку и передаю вам пост законно избранного Президента, Я не прошу ни о чем для себя, но я прошу, чтобы к людям, мне преданным, была проявлена вся возможная мягкость.

Майор Ишеддар шевельнулся еще раз и убрал пистолет в кобуру.

Президент встал, и я заметил, что это уже довольно старый сутулый человек с медленной походкой. Полковник стоял неподвижно: он явно не был уверен, что это не злая шутка и что его сейчас не застрелят.

За его спиной на вышитом гобелене царь Дасак V принимал от коленапреклоненного полководца Идассы клятву верности.

Президент подошел к полковнику, вынул какую-то бумагу, - вероятно, прошение об отставке - и медленно опустился на колени. Один из гвардейцев поспешно подоткнул ему под колени подушечку. Господин Президент на коленях отдал полковнику прошение об отставке и положил свои руки под его руки.

Порыв ветра качнул люстру, и царь Дасак V подмигнул мне с гобелена. Полковник помог Президенту встать.

Через два часа во дворе замка началась пресс-конференция. Журналистов было еще совсем немного, но машины их ползли и ползли по горной дороге, как пауки по ниточке. У телекамер на стенах замка разбегались глаза: Мы пошли вниз, и я оказался рядом с полковником.

- Простите за скурса, мистер Денисон, - сказал он.

- Ничего.

- Я приказал вас убить, когда понял, что вы не хотите оставаться с нами.

Я только вздохнул.

- Я обязан как-то за это извиниться... - начал полковник. В эти мгновение мы вышли из здания, и нам в лицо замелькали фотовспышки.

- Денисон, - закричал изумленно один из репортеров, - смотрите, он жив!

Я даже попятился от журналистов.

- Господин Денисон, - сказал рядом полковник, - находится здесь как официальный представитель "Анреко". Я должен сказать, что в течение последних недель он в качестве моего личного друга приложил максимальные усилия, чтобы доказать руководству "Анреко", что мы не просто отпетые бандиты, а законное правительство, с которым можно и нужно иметь дело, и я должен сказать, что без миротворческих усилий господина Денисона сегодняшнее примирение не состоялось бы.

В эту самую секунду во двор въехали две машины одна за другой, и из одной высадился Серрини, из другой - наш исполнительный директор Филипп Деннер. Деннер вытаращил глаза, услышав слова полковника. Репортеры бросились к ним.

- Ваши комментарии! - закричал один репортер.

- Как согласовать слова полковника с приказом об увольнении Денисона? - закричал другой.

Деннер только хлопал ресницами.

- Ни о каком увольнении, - сказал Серрини, - не было и речи. Это просто временная мера, связанная с трудностью переговоров. Господин Денисон с начала и до конца действовал с полного одобрения "Анреко". - И он подмигнул мне, а впрочем, может быть, просто зажмурился от фотовспышки.

Через четыре часа Антонио Серрини, майор Ишеддар и я сидели в одной из гостиных замка, примыкавших к центральной зале. Пресс-конференция уже заканчивалась.

- А вы знали, что будет? - - спросил я Ишеддара.

- Да, - сказал майор и опрокинул в себя плоскую кружечку.

Я не мог удержаться:

- Вы перехитрили сами себя, майор, - сказал я. - Ван Роширен - не агент компании. Я оказался у полковника не по ее поручению. Компания не устраивала покушения на Президента. Вы слишком много меня били и слишком много верили во всемогущество компании. На самом деле она еще меньше, чем Президент, понимала, что происходит.

Чем больше я говорил, тем больше убеждал себя, что в этом-то все дело. Майор молча глядел на меня.

- Дурак, - сказал майор. - Пока речь шла о тебе, ты из кожи вон лез, чтобы убедить меня, что все, что ты делал, ты делал не по расчету, А как только речь заходит о другом человеке, ты и верить не хочешь, что это так! Или ты думаешь, будто потомок наших царей будет принимать решения, помня о торговцах из небесной дырки?

Дверь распахнулась, и на пороге появился ван Роширен. Он сиял.

- А телеграмму вы, стало быть, перехватили? - спросил я майора.

Я прикусил язык, но было уже поздно. Я вздохнул и сказал:

- Ван Роширену. Один ваш охранник послал ему телеграмму: "Вас вызывают в замок на Бродячем Перевале. Это ловушка. Умоляю, не приезжайте. Человек с ограниченным словарным запасом".

Майор повернул свою красивую голову и стал глядеть на ван Роширена. Проповедник заморгал озадаченно.

- Я получил телеграмму, - сказал он, - и сразу понял, что она от Денисона. Но там было сказано не совсем так. Там было сказано: "Это не ловушка. Умоляю - приезжайте".

Майор Ишеддар истерически засмеялся.

- Вздор, - сказал я, - я видел текст, который был отправлен.

Ван Роширен полез куда-то под синюю рясу и вытащил оттуда измятый бланк. Я взял у него бланк. Там было написано: "Это не ловушка. Умоляю приезжайте".

- Слушайте, - сказал я, - это исключено. Это автоматическая связь. То, что считывается в передающем устройстве, то и выходит наружу в приемном устройстве. Идеальных приемников не бывает, но нет таких помех, чтобы переставить "не" из одного предложения в другое!

Майор Ишеддар продолжал истерически смеяться.

- Это невозможно! - закричал я, глядя на телеграмму. - Существуют физические законы!

- Несомненно, - сказал проповедник, наклонив голову, - существуют физические законы, но кроме них существуют еще и чудеса. Что стоит Тому, кто переменяет души, переменить слова в телеграмме?

Ишеддар внимательно изучал телеграмму.

- Похоже, - процедил он сквозь зубы, - вы получили свое обещанное чудо на бланке, господин начальник отдела связи.

А Серрини ткнул меня локтем под бок и зашептал:

- Деннер сел в лужу, уволив тебя. Боже, в какую лужу! Когда старый Гарфилд сообразит, что ты - единственный человек в руководстве "Анреко", который - личный друг полковника и новых министров... Вот увидишь, он уволит Деннера, а тебя посадит на его место!

И как Серрини сказал, так и случилось.